

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

10 2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 10 (613) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Андрей Андреевич Марков* (1856–1922), русский математик.

Андрей Андреевич Марков родился в Рязани в семье чиновника Андрея Григорьевича Маркова, служившего в Лесном департаменте в чине коллежского советника, а затем вышедшего в отставку. Андрей Марков в детстве страдал туберкулезом коленного сустава и до десяти лет ходил на костылях. Только после операции, проведенной известным хирургом Кадэ, он получил возможность ходить нормально.

В 1866 году его отдали в 5-ю Петербургскую гимназию. Это классическое учебное заведение с преподаванием древних языков (латинского и греческого) пришлось мальчику не по вкусу; по большинству предметов он учился плохо, исключение составляла только математика.

По окончании гимназии Марков поступил в Санкт-Петербургский университет, где слушал лекции профессоров Александра Коркина и Егора Золотарева, а также Пафнутия Чебышева, оказавшего определяющее влияние на выбор научной деятельности молодого человека. В 1878 году он окончил Петербургский университет по математическому разряду физико-математического факультета. В том же году он был награжден золотой медалью за сочинение «Об интегрировании дифференциальных уравнений при помощи непрерывных дробей» и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. В дальнейшем он защитил свою знаменитую диссертацию «О бинарных квадратичных формах положительного определителя», а затем докторскую диссертацию «О некоторых приложениях алгебраических непрерывных дробей», сразу выдвинувшие его в первые ряды русских математиков.

Свою преподавательскую деятельность в Петербургском университете он начал в 1880 году в качестве приват-доцента. Вскоре ему был передан курс введения в анализ, а также курс теории вероятностей. С 1886 года по предложению Чебышева Марков был избран адъюнктом физико-математического отделения; через четыре года — экстраординарным академиком, а еще через шесть лет — ординарным академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

Марков является первооткрывателем обширного класса стохастических процессов с дискретной и непрерывной временной компонентой, названных его именем. Марковские процессы можно описать так: следующее состояние процесса зависит вероятностно только от текущего состояния. В то время когда эта теория была построена, она считалась абстрактной, однако в настоящее время практические применения данной теории чрезвычайно мно-

гочисленны. Теория цепей Маркова выросла в огромную и весьма важную область научных исследований — теорию марковских случайных процессов, которая, в свою очередь, представляет собой основу общей теории стохастических процессов. Ученый существенно продвинул классические исследования предшественников, касающиеся закона больших чисел и центральной предельной теоремы теории вероятностей, а также распространил их и на цепи Маркова.

В общем списке научных трудов Андрея Андреевича работы по математическому анализу составляют более трети. Его внимание привлекали самые разнообразные вопросы: теория непрерывных дробей, исчисление конечных разностей, теория интерполирования функций, экстремальные задачи в функциональных пространствах, проблема моментов, теория ортогональных многочленов, квадратурные формулы, дифференциальные уравнения, теория функций, наименее уклоняющихся от нуля и многие другие. По многим разделам математического анализа Марков получил значительные результаты, которые играют важную роль и в наши дни.

Ученый воспринял идеи своего учителя Пафнутия Чебышева и занимался решением многих задач, поставленных в его трудах. Классические работы Чебышева и Маркова о предельных величинах интегралов составили основы теории моментов и теории экстремальных задач в функциональных пространствах.

Работ по теории чисел у Маркова сравнительно немного — 15, но они имеют непреходящее значение для этой теории. Сюда относится прежде всего диссертация «О бинарных квадратичных формах положительного определителя». Работа посвящена проблеме арифметических минимумов неопределенных бинарных квадратичных форм. В последующих статьях рассматривается проблема арифметических минимумов неопределенных тернарных и кватернарных квадратичных форм. Идеи и результаты исследований Маркова оказали большое влияние на дальнейшее развитие теории чисел.

В 1883 году Андрей Андреевич женился на Марии Ивановне Вальватъевой. Через 20 лет брака у них родился сын Андрей (полный тезка отца, тоже математик).

Умер Марков-старший в Петрограде в 1922 году и был похоронен на Митрофаниевском кладбище; в 1954 году захоронение было перенесено на Литераторские мостки.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Пронина М. В.**
Влияние когнитивных искажений судей и присяжных на процесс принятия решений: методы минимизации предвзятости 303
- Пронина М. В.**
Применение искусственного интеллекта в сфере административной юрисдикции: допустимость и границы использования в процедурах фиксации правонарушений и назначении наказаний 305
- Рохман И. В., Фомиченко Д. А.**
Предъявление цифровых доказательств при допросе 307
- Рухлова Е. П.**
Административная ответственность за нарушения в сфере государственных закупок: проблемы теории и правоприменения 310
- Тихомирова А. Д.**
Актуальные проблемы в сфере правового регулирования дистанционного банковского обслуживания 313
- Ткачук Е. В.**
Коррупция как проблема национальной безопасности 315
- Топаз Д. А.**
Риск-ориентированный подход в государственном контроле как механизм трансформации юридической ответственности в предпринимательской деятельности (2024–2026 гг.) 318
- Тришина Б. О.**
Проблемы определения размера компенсации морального вреда потерпевшему от насильственных преступлений 322
- Умеренкова А. А.**
Опыт зарубежных стран в совершенствовании механизмов правозащитной деятельности органов прокуратуры 325
- Умеренкова А. А.**
Взаимодействие прокуратуры с правозащитными организациями: правовые основы и практика 327
- Хадай К. Ю.**
Правовое обеспечение организации проектного управления в органах государственной власти 329
- Шарикова М. В.**
Правовое регулирование контроля за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы 331
- Эрдынеев С. С.**
Актуальные проблемы уголовной ответственности за шпионаж 333
- Юлдашев Р. Р.**
Астрент как инструмент защиты российских предпринимателей в трансграничных спорах: проблемы и перспективы применения 335
- Юлдашев Р. Р.**
Астрент в Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования законодательства 338
- Юлдашев Р. Р.**
Правовая природа неустойки и астрента: догматический анализ и критерии разграничения 340

ИСТОРИЯ

- Кривошапова В. А.**
Люди за символами: антропология создания Большого герба Российской империи (1857 год) 342

СОЦИОЛОГИЯ

- Ерохин И. Н.**
Препятствия и ограничения восстановления естественного прироста населения в условиях депопуляции развитых стран мира 345

ПСИХОЛОГИЯ

- Алмагамбетова Г. Е.**
Особенности интернет-зависимости
у учащихся подросткового возраста 351
- Зайнуллина Д. И.**
Влияние моделей педагогического
сопровождения на вовлечённость
и результативность онлайн-обучения
взрослых женщин в программах well-being.... 353
- Ильина О. Е.**
Психологические факторы приверженности
здоровому образу жизни в студенческой
среде: гендерный аспект..... 360
- Камчыбек А.**
Сравнительный анализ родительского
влияния в многодетных и малодетных семьях
с учетом стажа брака и психологических
характеристик родителей 362
- Котова О. Г.**
Феномен сопротивления в современном
психологическом консультировании:
теоретические основы и практические
аспекты 364
- Куприн Д. Ф.**
Нейропсихологические эффекты
использования реабилитационных ходунков
у детей с ДЦП 367

- Неймарк Э. Э.**
Закономерности влияния эмоционального
интеллекта на уровень профессионального
стресса 371
- Розенвальд Ю. М.**
Работа с дефицитарной самооценкой
и самокритикой в когнитивной модели:
трансформационные техники и потенциал
цифровых дневников..... 372

ТЕОЛОГИЯ

- Балабанов Т. А.**
Христианская теодицея в секулярном
обществе 375

ПРОЧЕЕ

- Ибрагимов И. Р.**
Совершенствование методов оперативного
планирования тушения пожаров на объектах
торговли 378

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Шмидт К. М.**
Сохранение памяти о героях СВО как важная
часть общей работы..... 380

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Влияние когнитивных искажений судей и присяжных на процесс принятия решений: методы минимизации предвзятости

Пронина Мария Владимировна, студент
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Процесс принятия юридически значимых решений судьей, применяющим норму права, или присяжными, выносящими вердикт, традиционно считается рациональным, логичным и основанным исключительно на доказательствах. Однако юридическая психология и поведенческая экономика убедительно доказывают, что этот процесс подвержен влиянию когнитивных искажений — систематических ошибок мышления, возникающих на этапе оценки информации. Влияние этих искажений ставит под угрозу фундаментальный принцип правосудия — объективность и беспристрастность.

Ключевые слова: когнитивные искажения, судьи, присяжные, процесс принятия решений, ошибка подтверждения, эффект привязки, эффект ореола, эффект доступности.

The impact of cognitive disruptions of judges and jury on the decision-making process: methods of minimizing bias

Pronina Mariya Vladimirovna, student
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Krasnodar)

The process of making legally significant decisions, whether it is a judge applying a rule of law or a jury rendering a verdict, is traditionally considered to be rational, logical and based solely on evidence. However, legal psychology and behavioral economics convincingly prove that this process is influenced by cognitive distortions — systematic errors of thinking that arise at the stage of information evaluation. The influence of these distortions endangers the fundamental principle of justice — objectivity and impartiality.

Keywords: cognitive distortions, judges, jurors, decision-making process, confirmation bias, anchoring effect, halo effect, availability heuristic.

Когнитивные искажения проявляются в судебном процессе на всех этапах: от оценки показаний и экспертиз до интерпретации поведения участников.

1. Ошибка подтверждения (Confirmation Bias)

Это тенденция искать, интерпретировать и запоминать информацию таким образом, чтобы она подтверждала уже существующие убеждения или гипотезы [1].

Если судья или присяжный на ранней стадии процесса формирует первоначальное мнение о виновности (или невиновности) подсудимого, то в дальнейшем он будет уделять больше внимания и придавать больший вес доказательствам, соответствующим этому мнению, игнорируя или преуменьшая значение противоречащих фактов.

Пример: Присяжные могут уделять больше внимания признательным показаниям (даже если они сомнительны), если внешность подсудимого или его социальный статус изначально вызвали подозрения.

2. Эффект привязки (Anchoring Effect)

Это склонность чрезмерно полагаться на первую предложенную информацию (анкер), которая затем влияет на последующую оценку.

Влияние суммы, изначально запрошенной стороной истца или названной прокурором (например, сумма ущерба или срок наказания), может служить «привязкой», вокруг которой формируется окончательное решение, даже если логическое обоснование этой суммы отсутствует. Судьи могут неосознанно выносить приговоры, которые лишь незначительно отличаются от запроса обвинения, даже если доказательства не полностью это подтверждают.

3. Эффект ореола (Halo Effect)

Это тенденция распространять положительное или отрицательное впечатление об одной черте человека на его личность в целом.

Привлекательная внешность, высокий социальный статус, образованность или, наоборот, неряшливый вид, заикание могут неосознанно влиять на восприятие свидетеля или подсудимого как более или менее надежного, честного и виновного. Человеку с «положительным ореолом» могут автоматически приписываться другие положительные качества, включая честность.

4. Эффект доступности (Availability Heuristic)

Это склонность оценивать вероятность события на основе того, насколько легко примеры этого события приходят на ум.

Судьи или присяжные могут переоценивать вероятность совершения преступления подсудимым, если они часто сталкивались с подобными случаями в СМИ или своей практике. Если недавний, широко освещенный случай схожего преступления легко «доступен» в памяти, это может необоснованно повысить воспринимаемую виновность текущего подсудимого.

Эффективное противодействие когнитивным искажениям требует применения как процессуальных, так и психологических инструментов, таких как:

1. Строгое соблюдение правил доказывания: формальные правила исключения недопустимых доказательств и требования к относимости и достаточности доказательств служат барьером против принятия решений, основанных на интуиции или предвзятости [2];

2. Структурирование процесса принятия решений: использование четких опросных листов (особенно для присяжных) и поэтапного анализа доказательств, который требует рассмотрения всех альтернативных гипотез, прежде чем прийти к выводу о виновности;

3. Инструктаж присяжных: предоставление присяжным подробных и нейтральных инструкций по праву, которые явно указывают на необходимость игнорировать посторонние факторы (например, внешность, социальное положение) и фокусироваться только на доказательствах [3].

Психологические и образовательные методы:

1. Дебэйсинг (Debiasing) — обучение осведомленности: Один из самых эффективных методов. Профессиональные судьи и присяжные должны проходить психологические тренинги, направленные на осознание

существования когнитивных искажений и их потенциального влияния. Знание о том, как работает, например, ошибка подтверждения, позволяет судье активно искать контрдоказательства своей первой гипотезе [4];

2. Использование альтернативных гипотез: должностное лицо или присяжный должен быть стимулирован к активному рассмотрению альтернативной версии событий (например, гипотезы невиновности или версии защиты) с такой же тщательностью, как и основная гипотеза обвинения. Это напрямую борется с эффектом подтверждения;

3. Использование систем поддержки решений: внедрение информационных систем, которые предоставляют структурированный анализ прецедентов и фактов, может помочь судье избежать эффекта привязки, основывая решение на объективных, статистических данных, а не на первом предложенном числе.

В коллегиальных органах коллективное обсуждение может как усилить, так и ослабить искажения.

Усиление (групповая поляризация): если большинство присяжных имеют схожую первоначальную предвзятость, обсуждение может привести к более радикальному вердикту, чем если бы каждый присяжный решал индивидуально.

Ослабление: разнообразие опыта и взглядов присяжных может способствовать критическому обмену мнениями и выявлению индивидуальных искажений, что делает окончательное решение более взвешенным.

Таким образом, когнитивные искажения являются неотъемлемой частью человеческого мышления и, следовательно, неизбежны в судебном процессе. Однако признание их существования и внедрение целенаправленных методов минимизации предвзятости от строгих процессуальных требований до психологических тренингов — являются критически важными шагами на пути к обеспечению максимально возможной объективности и справедливости юридического решения.

Дальнейшие исследования в области юридической психологии должны сосредоточиться на разработке валидных и эффективных протоколов для «дебэйсинга», интегрированных в систему повышения квалификации судей и инструктажа присяжных.

Литература:

1. Канеман, Д. Думай медленно...решай быстро / Д. Канеман. — АСТ, 2021. — 656 с. — Текст: непосредственный.
2. Еникеев, М. И. Юридическая психология: учебник / М. И. Еникеев. — 4-е изд., перераб. И доп. — Норма: ИНФРА-М, 2023. — 512 с. — Текст: непосредственный.
3. Сергеев, Д. Ю. Когнитивные искажения в уголовном судопроизводстве: Психологические и процессуальные аспекты / Д. Ю. Сергеев. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 2022. — № 10. — С. 34.
4. Васильев, В. Л. Юридическая психология: учебник для вузов / В. Л. Васильев. — 7-е изд. — СПб: Питер, 2022. — 608 с. — Текст: непосредственный.

Применение искусственного интеллекта в сфере административной юрисдикции: допустимость и границы использования в процедурах фиксации правонарушений и назначении наказаний

Пронина Мария Владимировна, студент
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) становится ключевым трендом в государственном управлении и правоохранительной деятельности по всему миру. Административная юрисдикция в Российской Федерации, основанная на Кодексе РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ), не является исключением. От систем автоматической фиксации нарушений ПДД до нейросетей, анализирующих нарушения правил благоустройства, ИИ выступает как инструмент повышения эффективности, объективности и скорости процесса.

Однако повсеместное использование «умных» систем в такой чувствительной сфере, как ответственность граждан и организаций, неизбежно порождает фундаментальные правовые вопросы о допустимости применения ИИ, границах его полномочий и соблюдении конституционных принципов привлечения к ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, административная ответственность, КоАП РФ, автоматическая фиксация правонарушений, принцип индивидуализации наказания, цифровизация.

Application of artificial intelligence in the field of administrative jurisdiction: permissibility and boundaries of use in procedures of registration of offenses and appointment of punishments

Pronina Mariya Vladimirovna, student
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Krasnodar)

The introduction of artificial intelligence (AI) technologies is becoming a key trend in public administration and law enforcement activities around the world. Administrative jurisdiction in the Russian Federation, based on the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (CAO), is no exception. From automatic traffic violation detection systems to neural networks analyzing violations of landscaping rules, AI serves as a tool for improving the efficiency, objectivity, and speed of the process.

However, the widespread use of «smart» systems in such a sensitive area as the responsibility of individuals and organizations inevitably raises fundamental legal questions about the permissibility of using AI, the limits of its authority, and compliance with the constitutional principles of liability.

Keywords: artificial intelligence, administrative liability, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, automatic recording of offenses, the principle of individualization of punishment, digitalization.

Наиболее широкое и устоявшееся применение ИИ в административной юрисдикции связано с автоматической фиксацией правонарушений. Согласно статье 2.6.1 КоАП РФ, собственники транспортных средств несут административную ответственность за правонарушения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами [1]. И хотя сама статья прямо не упоминает ИИ, современные комплексы контроля (например, для фиксации превышения скорости, нарушений правил парковки, либо даже нарушений правил благоустройства в Санкт-Петербурге) используют нейросети для распознавания объектов, анализа контекста и автоматической классификации событий.

Преимущества ИИ в фиксации:

1. Объективность и беспристрастность: исключается человеческий фактор в момент обнаружения правонарушения;

2. Масштабируемость: возможность круглосуточного контроля большой территории и обработки огромных массивов данных;

3. Доказательственная сила: материалы автоматической фиксации обладают высокой доказательственной силой, хотя и вызывают споры о презумпции невиновности.

Ключевой проблемой остается юридическое закрепление статуса ИИ. В административном праве правонарушение требует наличия субъекта (физического или юридического лица).

Современный подход рассматривает ИИ как техническое средство. Ответственность несет субъект, который эксплуатирует это средство (государственный орган, оператор системы) или субъект, против которого направлена фиксация (владелец ТС).

С развитием самообучающихся систем возникает вопрос: если ИИ, приняв решение на основе неточного ал-

горитма или некорректно интерпретировав данные, фиксирует несуществующее нарушение, кто отвечает за вред, причиненный гражданину? Это требует четкой фиксации правил сертификации, калибровки и проверки алгоритмов ИИ как технических средств.

Наиболее острая дискуссия разворачивается вокруг использования ИИ на этапе административной юрисдикции — непосредственно при рассмотрении дела, оценке вины и назначении наказания.

На сегодняшний день ИИ может выступать только в роли вспомогательного инструмента для должностного лица или судьи, но не может принимать окончательное решение о виновности и размере наказания.

Функции искусственного интеллекта:

1. Сбор и анализ практики: анализ массива судебных и административных решений для определения типичного наказания по схожему составу;

2. Оценка доказательств: предварительный анализ материалов дела (фото, видео, протоколов) на предмет полноты и соответствия требованиям КоАП РФ;

3. Расчет штрафов: автоматизированный расчет минимального и максимального размера наказания с учетом смягчающих/отягчающих обстоятельств [2].

Окончательное решение, затрагивающее права и свободы лица, должно оставаться за человеком. Это требование проистекает из нескольких фундаментальных правовых принципов:

1. Принцип индивидуализации наказания: административное наказание должно быть справедливым и назначаться с учётом характера совершенного правонарушения, личности виновного, его имущественного положения, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств (ст. 4.1 КоАП РФ). ИИ, основываясь на статистике, не способен в полной мере оценить уникальные особенности личности правонарушителя.

2. Принцип презумпции невиновности: Решение о виновности должно приниматься на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 1.5, ст. 24.1 КоАП РФ). Передача этой функции алгоритму без возможности полноценного контроля и оспаривания его логики нарушает право на защиту.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.
2. Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс: полный курс / Ю. А. Тихомиров. — 4-е изд., доп. и перераб. — М: Изд-во Юрайт, 2023. — 685 с. — Текст: непосредственный.
3. Козлов, И. Г. Правовая природа автоматической фиксации административных правонарушений / И. Г. Козлов. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 2021. — № 2. — С. 15–18.

Внедрение ИИ в административную юрисдикцию требует решения следующих проблем:

1. «Черный ящик» алгоритма: отсутствие прозрачности в процессе принятия решений нейросетью. Лицо, привлекаемое к ответственности, должно иметь возможность оспорить не только факт фиксации, но и логику работы алгоритма.

2. Смещенность данных: алгоритмы обучаются на исторических данных, которые могут содержать скрытую дискриминацию или региональную специфику, что может привести к несправедливому или неконституционному применению наказания.

3. Обеспечение правовой безопасности: необходимость стандартов для сертификации и аудита систем ИИ, используемых в административной юрисдикции, чтобы гарантировать их точность и соответствие требованиям КоАП РФ.

4. Ответственность за «ошибку» ИИ: кто несет ответственность за необоснованный штраф или неправомерное решение, вынесенное по рекомендации ИИ: разработчик, оператор системы или должностное лицо, утвердившее решение? [3].

Таким образом, использование искусственного интеллекта в административной юрисдикции РФ — это мощный инструмент для повышения эффективности государственного управления. В сфере автоматической фиксации правонарушений (преимущественно ПДД) ИИ уже является устоявшимся элементом, действующим в рамках статьи 2.6.1 КоАП РФ.

Однако границы допустимости применения ИИ жестко очерчиваются фундаментальными принципами права. ИИ не может заменить должностное лицо или судьбу в процедуре назначения наказания, так как это нарушит принцип индивидуализации наказания и право на защиту. На данном этапе развития технологии ИИ должен оставаться вспомогательным, транспарентным и строго регулируемым инструментом, а не полноценным субъектом юрисдикционной деятельности. Дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на обеспечение прозрачности алгоритмов, стандартизации систем и четкого определения ответственности за ошибки «умных» комплексов.

Предъявление цифровых доказательств при допросе

Рохман Игорь Валерьевич, студент магистратуры;

Фомиченко Дарья Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Маркосян Георгий Ашотович, кандидат экономических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье авторы исследуют как теоретическую основу, так и правовую основу цифровых доказательств, получаемых в ходе допроса. Помимо этого, авторами анализируются понятие цифровых доказательств и их классификация. Особое внимание уделяется порядку их предъявления при допросе, фиксируемому в протоколе, а также проблемам допустимости и достоверности электронных материалов. На основе изучения судебной практики и доктринальных подходов автор формулирует предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, в том числе в части закрепления термина «цифровое доказательство» и порядка его использования. Обосновывается необходимость расширения процессуальных гарантий для участников, включая право на получение копий цифровых материалов.

Ключевые слова: цифровые доказательства, допрос, информационные технологии, судебная практика, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, допустимость.

В современном следствии всё активнее применяются информационные технологии, что обуславливает необходимость учёта цифровых (электронных) носителей информации как доказательств. В условиях цифровизации общества преступная деятельность оставляет нематериальные «следы» — файлы, записи, электронные сообщения и т. д., — которые становятся источником данных для установления обстоятельств дела [1]. Законодательство РФ уже предусматривает возможность использования таких доказательств: так, ст. 84 УПК РФ прямо относит к документам фотоматериалы, аудио- и видеозаписи и «иные носители информации» [2]. Однако правоприменительная практика подчёркивает, что в отечественном уголовном процессе правовая природа «цифровых доказательств» пока не до конца определена. Актуальность темы состоит в необходимости всестороннего изучения юридических основ предъявления цифровых доказательств при допросе, в том числе с точки зрения соблюдения прав участников процесса и совершенствования законодательства.

В научной литературе под цифровыми (digital) доказательствами обычно понимают фактические данные в цифровой (дискретной) форме, зафиксированные на электронных носителях и доступные к восприятию с помощью компьютеров и другой техники. Иными словами, это информация (текст, звук, изображение, код и т. д.), существующая в «нематериальном» виде на электронном устройстве. В российском УПК цифровые данные могут рассматриваться либо как документы, либо как вещественные доказательства в зависимости от формы их представления. Так, согласно ст. 84 УПК РФ «иные документы» включают материалы фото- и киносъёмки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации. Это значит, что цифровое изображение или видеозапись оформляются как документ, допустимый в качестве доказательства, если содержащаяся в нём информация имеет значение для установления обстоятельств дела (ст. 73 УПК РФ). Одновременно электронный носитель (жёсткий

диск, флешка, смартфон) может быть изъят и признан вещественным доказательством (ст. 81, 81.1 УПК РФ) при соблюдении правил изъятия.

Исходя из вышеизложенного, что определить классификацию цифровых доказательств [3]:

— Документы (файлы) — электронные письма, документы в электронном виде, базы данных, журналы регистрации, чаты, логи доступа и т. п., содержащие текстовую информацию.

— Аудио- и видеозаписи — цифровые аудиозаписи переговоров, телефонных разговоров, видеозаписи с камер наблюдения или видеоконференций.

— Фотоизображения — цифровые фотографии или скриншоты, сделанные с помощью фотоаппаратов или камер видеонаблюдения.

— Программные объекты — компьютерные программы, скрипты или код, связанный с преступлением (например, вирус, троян, шифровальщик).

— Носители информации — физические электронные носители (жёсткие диски, USB-флешки, SIM-карты, электронные ключи), содержащие цифровые данные.

Важно отметить, что российская доктрина нередко различает понятия «электронных доказательств» и «цифровых доказательств», подчёркивая, что «электронный» описывает устройство (medium), а «цифровой» — форму данных. Однако обе категории условно объединяются при правоприменении под общим понятием электронно-цифровых доказательств. Независимо от терминологии, оценка их допустимости и достоверности проводится в общем порядке доказывания (ст. 74 УПК РФ). Согласно ст. 74 УПК РФ «доказательствами» признаются любые сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства дела; электронные данные в цифровом виде подпадают под это определение, если они помогают пролить свет на события преступления.

Процесс предъявления любых доказательств, в том числе цифровых, на допросе регламентируется общими

нормами УПК о следственных действиях. При допросе следователь действует в соответствии со ст. 189 УПК РФ (общие правила проведения допроса). Так, допрашиваемое лицо имеет право пользоваться документами и записями при даче показаний. Из этого следует, что если у допрашиваемого имеется в распоряжении электронный носитель или цифровой файл, он вправе предъявить его следователю для ознакомления. Аналогично следователь может по своей инициативе предъявлять материалы допросу [4]. Ст. 189 УПК также предусматривает проведение фотосъёмки, аудио- и видеозаписи хода допроса по ходатайству следователя или допрашиваемого. Эти записи после следствия приобщаются к делу.

Ст. 190 УПК РФ («Протокол допроса») обязывает фиксировать факт предъявления доказательств: в протоколе допроса должна содержаться запись о том, что допрашиваемому предъявлялись вещественные доказательства, документы или воспроизводились аудио/видеоматериалы. Таким образом, при демонстрации цифровой информации (например, видеофайла или фотографии на экране) следователь обязан отразить это в протоколе допроса, а также записать показания допрашиваемого, данные в этой ситуации. Это требование обеспечивает прозрачность процедуры и предотвращает спор о том, что именно видел и комментировал допрашиваемый.

С 2021 г. в УПК введена ст. 189.1, регулирующая допросы и опознания через видео-конференц-связь. При проведении допроса через ВКС обязательно ведётся видеозапись всей процедуры (п. 4 ст. 189.1 УПК РФ). Полученный цифровой видеоматериал прикладывается к протоколу как составная часть следственного действия. Таким образом, использование цифровых технологий при допросе допускается на законодательном уровне: речь идёт как о применении технических средств фиксации (ст. 189 и 189.1 УПК), так и о праве участников использовать электронные документы (ст. 189 УПК, ст. 53 УПК РФ о праве защитника). Все эти нормы направлены на обеспечение всестороннего сбора и проверки доказательственной информации при соблюдении законности.

Основной целью допроса, как следственного действия, является получение правдивых и полных показаний об обстоятельствах преступления. Предъявление доказательств во время допроса служит конкретизации и проверки этих показаний. В частности, демонстрация цифровой информации способствует:

— Уточнению обстоятельств дела: визуализация или предъявление документов позволяет проверить соответствие слов допрашиваемого объективным данным. Например, показ фотографии с места преступления может подтвердить или опровергнуть его рассказ о событии.

— Проверке достоверности показаний: столкновение допрашиваемого с цифровыми доказательствами (аудио-/видеозаписью происшествия, логами переговоров и т. п.) помогает выявить ложь, несоответствия или даже стимулировать признательные показания, если человек видит очевидные улики против себя.

— Конкретизации и детализации информации: допрашиваемый может разъяснить технические или визуальные детали цифрового материала (например, пояснить, кому принадлежат изображения, или назначение найденных файлов), что помогает следствию собрать дополнительную информацию.

— Достижению процессуальных задач расследования: предъявленные доказательства могут служить основанием для назначения экспертиз, проведения дополнительных следственных действий или уточнения круга подозреваемых.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ доказательствами являются любые сведения, позволяющие установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Предъявляя цифровые доказательства на допросе, следователь стремится именно к этому — с помощью современных средств предоставить максимальное количество объективной информации, относимой к делу. При этом демонстрация доказательств не должна превращаться в «запугивание» допрашиваемого. Поэтому и процедуру допроса, и предъявление материалов проводят спокойно, без применения насилия или угроз (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Цели предъявления — получение правды и уточнение деталей — всегда должны сочетаться с соблюдением прав и гарантий допрашиваемого (ст. 50 УПК РФ и др.).

На практике предъявление цифровых доказательств сталкивается с рядом проблем и правовых споров. Во-первых, возникают вопросы подлинности и происхождения цифровых файлов. Цифровые доказательства легко копируются и модифицируются, поэтому защита может усомниться в их аутентичности. В таких случаях требуется проведение компьютерно-технической экспертизы для установления целостности данных и источника их происхождения. Если выяснится, что материалы получены с нарушением закона (например, тайно скопированы из личного устройства без ордера при отсутствии оснований), то их использование будет признано недопустимым (ст. 75 УПК РФ).

Во-вторых, нарушением может являться ущемление прав допрашиваемого и защитника. УПК гарантирует участникам процесса право знакомиться с материалами дела и получать копии процессуальных документов. Однако в ряде случаев следователь отказывает защите в копиях предъявляемых цифровых материалов (например, видеозаписей) до окончания расследования. Это не предусмотрено УПК, что было подтверждено судебной практикой. Так, по делу адвоката Д. Ципиновой Ставропольский краевой суд признал незаконным отказ следователя передать защитникам копии видеозаписей допроса обвиняемой и обязал это сделать. Суд подчеркнул, что защита имеет право «с применением технических средств изготовить копии материалов дела, с которыми они вправе знакомиться на основании ст. 46, 47 и 53 УПК». Этот пример показывает, что ограничение доступа к цифровым доказательствам нарушает принцип состязательности сторон и может служить основанием для отмены решений [5].

Третья проблема — техническая. Допрашиваемый может не иметь достаточных знаний для работы с цифровыми носителями (форматами файлов, оборудованием). В таких случаях следователь обязан обеспечить воспроизведение информации в доступном виде (например, запустить видео на оборудовании в кабинете) или разъяснить содержание записи. Иначе присутствует риск того, что данные останутся непонятными или отпадут формально введёнными в протокол.

Наконец, существует процессуальная неопределённость в отношении статуса цифровых доказательств. Российский УПК не содержит отдельного определения «цифрового доказательства», и терминология в науке спорна. Это затрудняет выработку единообразной практики и приводит к спорам, что считать «оригиналом» цифрового доказательства (оригиналом считается носитель или файл?). Современные авторы подчёркивают: правовому признанию цифровых доказательств мешает именно отсутствие законодательного разграничения «электронных» и «цифровых» носителей и форм. Отсутствие чёткой правовой конструкции может вести к спорам и отменам доказательств по формальным основаниям.

Специальных постановлений Пленума или Судебной коллегии по уголовным делам по теме предъявления цифровых доказательств при допросе не имеется. Тем не менее отдельные решения показывают тенденции судопроизводства. Так, рассмотренный выше случай Ципиновой стал важным прецедентом: суд признал незаконным отказ следователя предоставить копии видеозаписи допроса обвиняемой и подтвердил право защитника запрашивать цифровые материалы до завершения следствия [6]. Суд сослался на нормы УПК о праве стороны знакомиться с материалами (ст. 46, 53 УПК) и факте того, что видеозапись допроса приобщена к делу.

В других ситуациях судебные инстанции указывают, что предъявление цифровой информации при допросе само по себе не нарушает законности доказательств. Например, по ст. 190 УПК РФ протокол допроса фиксирует предъявление «вещественных доказательств, документов (в т. ч. фотографий)», а суды трактуют цифровые фото и видео как «иные документы» или «вещественные доказательства» в зависимости от вида. Если допрашиваемый видит законно полученный видеоматериал и об этом сделана запись в протоколе, то такие показания могут быть учтены судом. Главное — соблюсти процедуру оформления: фиксировать предъявление, изъятие оригиналов (если нужно) и дать возможность сделать копию [7].

В целом практика подтверждает, что цифровые доказательства (аудиозаписи, видеозаписи, фотоснимки, скриншоты, переписка) рассматриваются судами как допустимые материалы, если они получены и оформлены законно. При оценке судами доказательств учитывают их достоверность и связь с делом, а не сами носители. Отдельно отмечается, что согласие участников процесса на съёмку (например, видеоконференцию) не требуется для признания такой записи допустимой.

Поскольку цифровые доказательства становятся важной частью уголовного производства, законодателю целесообразно чётче урегулировать этот институт. Во-первых, рекомендуется ввести в УПК РФ специальное определение «цифровых доказательств» (или «электронных доказательств») с привязкой к международному опыту. Это поможет устранить терминологическую неясность и унифицировать правила обращения с такими материалами. Во-вторых, необходимо определить порядок изъятия, копирования и хранения цифровых данных в рамках предварительного следствия, как это уже сделано для носителей информации (ст. 164.1 УПК). Например, следует регламентировать, когда и как допрашиваемый (или защитник) может попросить копию электронного доказательства. Прецедент Ципиновой указывает на востребованность такого правила.

Текущие изменения уже двигают процесс в сторону досудебной цифровизации. С 2023 г. введены нормы об электронном документообороте с участниками (ст. 474.2 УПК РФ) и о подаче ходатайств в электронном виде, что упростит взаимодействие в преддверии и во время следствия. Следующим шагом может стать внедрение автоматизированных систем анализа цифровых доказательств и интеграция криминалистических баз данных, что повысит скорость и объективность проверки цифровых следов.

Наконец, нужно продолжать правовое просвещение следователей и судей в части цифровой экспертизы и соблюдения прав участников при работе с IT-доказательствами. Совместно с усилением технической базы важно выработать тактику «цифрового допроса», учитывающую психологические аспекты предъявления электронных материалов (чтобы не нарушить права допрашиваемого). Академики и практики отмечают, что признание ценности цифровых доказательств неизбежно, но для эффективного применения требуется уточнение понятий и повышение процессуальной предсказуемости. Введённые технические нормы (ст. 189.1 об обязательной видеозаписи по ВКС, нормы об электронных документах в УПК) — лишь первый шаг; необходима комплексная доработка уголовно-процессуальных правил с учётом возможностей и рисков цифровой эпохи.

Предъявление цифровых доказательств при допросе является важным инструментом современной криминалистики. Цифровые носители и их содержимое открывают дополнительные возможности для установления истины, однако требуют строгого процессуального оформления. Законодатель уже создал базовые правовые механизмы (право использовать электронные документы, обязательную аудиовидеофиксацию, нормы о цифровых носителях), но правоприменение сталкивается с новыми задачами: аутентификацией данных, обеспечением доступа к материалам для защиты и уточнением правовых определений. Анализ законодательства и практики показывает, что эффективное использование цифровых доказательств на допросе требует баланса между интересами следствия и соблюдением гарантий допрашиваемого. Перспективы

совершенствования включают конкретизацию юридических понятий и расширение прав участников процессу (в том числе на досудебную электронную переписку), а также развитие технических регламентов сбора и про-

верки цифровых улик. Эти меры необходимы для того, чтобы цифровая трансформация правосудия приносила максимум пользы без ущемления прав человека и принципов состязательности.

Литература:

1. Кузнецова Е. Н. Цифровые доказательства в уголовном процессе: понятие, критерии и проблемы правоприменения // Научный лидер. 2025. № 5 (206).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025).
3. Лукьянова Е. С. Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве: понятийный аппарат и проблемы квалификации // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4.
4. Потапова И. Н. Особенности предъявления доказательств на допросе в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 49.
5. Письмо ФПА РФ от 12 декабря 2022 № 03–12/157 «По вопросам получения копий материалов дела защитниками».
6. Решение Верховного Суда РФ по делу № 5-АД21–69.
7. Соловьев Д. Б. Право на ознакомление с материалами уголовного дела: судебная практика и доктринальные подходы // Российская юстиция. 2021. № 6.

Административная ответственность за нарушения в сфере государственных закупок: проблемы теории и правоприменения

Рухлова Елизавета Павловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Исаев Виктор Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье анализируются актуальные проблемы института административной ответственности за нарушения законодательства о контрактной системе. Рассматриваются вопросы систематизации составов правонарушений, дифференциации санкций, а также правоприменительные сложности, возникающие при привлечении к ответственности должностных лиц заказчиков. Особое внимание уделяется анализу изменений, внесенных в КоАП РФ в 2024–2025 годах. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства в части альтернативных санкций и разграничения подведомственности дел.

Ключевые слова: административная ответственность, контрактная система, государственные закупки, должностные лица, КоАП РФ, санкции, дисквалификация, подведомственность.

Administrative responsibility for violations in the sphere of public procurement: problems of theory and law enforcement

The article analyzes the current problems of the institution of administrative liability for violations of the legislation on the contract system. It examines the issues of systematization of offenses, differentiation of sanctions, and the law enforcement difficulties that arise when bringing officials of customers to justice. Special attention is paid to the analysis of the changes made to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in 2024–2025. The article substantiates the need to improve the legislation in terms of alternative sanctions and the delineation of jurisdiction.

Keywords: administrative liability, contract system, public procurement, officials, Administrative Code of the Russian Federation, sanctions, disqualification, jurisdiction.

Институт административной ответственности в сфере государственных закупок традиционно находится в фокусе внимания как законодателя, так и пра-

воприменителя. Это объясняется не только значительным объемом публичных средств, распределяемых через механизмы контрактной системы [1], но и высокой дина-

микой нормативного регулирования. Законодательство о закупках меняется стремительно, и вслед за ним трансформируется механизм юридической ответственности за его нарушение. Однако далеко не всегда такие трансформации оказываются последовательными и теоретически обоснованными.

До недавнего времени административная ответственность в этой сфере была расщеплена по множеству статей КоАП РФ: 7.29, 7.30, 7.31, 7.32 и другие [2]. Такая фрагментарность создавала трудности для квалификации деяний и порождала споры о разграничении составов. Исследователи неоднократно обращали внимание на необходимость унификации указанных норм. Как справедливо отмечает Д. А. Липинский, «систематизация составов административных правонарушений является необходимым условием эффективности правоприменения, поскольку позволяет устранить противоречия и дублирование в правовом регулировании» [3]. Излишняя детализация не способствовала эффективности правоприменения, а напротив, создавала почву для ошибок и злоупотреблений.

Принятие Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 500-ФЗ ознаменовало новый этап [4]. Законодатель сконцентрировал основные составы правонарушений в статьях 7.30.1 и 7.30.2 КоАП РФ [2]. Такой подход в целом оправдан: правоприменитель теперь ориентируется на ограниченный круг статей, что снижает риски ошибочной квалификации. Однако за формальным объединением норм скрывается ряд содержательных проблем. Систематизация не должна сводиться к механическому объединению разрозненных норм — необходима их содержательная переработка с учетом практики и выявленных пробелов.

Ключевая новелла — закрепление в части 10 статьи 7.30.2 КоАП РФ ответственности за повторное совершение должностным лицом правонарушений, предусмотренных частями 4, 7 или 8 этой статьи [2]. Ранее аналогичные деяния квалифицировались по статье 7.32 КоАП РФ, и повторность не рассматривалась как самостоятельный квалифицирующий признак. Теперь санкция за повторное нарушение сконструирована как безальтернативная дисквалификация. На первый взгляд, это отражает стремление усилить превентивное воздействие. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживаются серьезные проблемы.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие альтернативных видов наказания. Дисквалификация назначается независимо от конкретных обстоятельств, включая те, которые могли бы свидетельствовать о меньшей степени общественной опасности. Между тем в иных составах законодатель допускает альтернативу. Статья 7.32.6 КоАП РФ устанавливает ответственность в виде штрафа от тридцати до пятидесяти тысяч рублей либо дисквалификации на срок от шести месяцев до года [2]. Часть 2 статьи 14.32 КоАП РФ также предусматривает выбор между штрафом и дисквалификацией [2].

Наличие альтернативных санкций позволяет учитывать конкретные обстоятельства, данные о личности правонарушителя, его постделиктное поведение. Такой подход соответствует принципу индивидуализации ответственности, который рассматривается как необходимое условие справедливости наказания. И. В. Курлевский и Г. В. Огрина по этому поводу замечают: «Совершенствование механизма административной ответственности в сфере закупок должно идти по пути дифференциации санкций с учетом характера правонарушения и личности правонарушителя, что предполагает наличие у правоприменителя возможности выбора адекватной меры воздействия» [5]. Безальтернативная же дисквалификация исключает возможность учета смягчающих обстоятельств, что может приводить к несоразмерности наказания. В практике уже встречаются случаи, когда дисквалификации подвергались лица, допустившие незначительные нарушения при отсутствии негативных последствий.

Важен и вопрос о том, что понимать под повторностью. По общему правилу (п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ) повторность учитывается какотягчающее обстоятельство [2]. В анализируемом же составе она выступает квалифицирующим признаком, изменяющим конструкцию состава и влекущим качественно иную санкцию. Такой подход допустим, но требует проработки критериев отграничения повторности от иных форм множественности. Не вполне ясно, считать ли повторным нарушение, совершенное до истечения срока по статье 4.6 КоАП РФ [2], но в отношении иного объекта закупки или в рамках иного контракта.

Нельзя не учитывать объективные факторы, обуславливающие повторные нарушения. Законодательство о контрактной системе отличается высокой степенью изменчивости: новые правила, запреты и ограничения вводятся достаточно часто, причем нередко без переходного периода, достаточного для их полноценного изучения правоприменителями. В таких условиях отдельные правонарушения могут быть следствием неверного толкования новых правил, а не сознательного игнорирования требований закона. Означает ли это, что должностное лицо, допустившее ошибку в силу объективной сложности регулирования, должно подлежать безальтернативной дисквалификации при повторном аналогичном нарушении? Ответ не очевиден, особенно если контролирующие органы сами нередко запаздывают с разъяснениями нового порядка.

В литературе справедливо отмечается: излишняя жесткость санкций, исключая дифференциацию, может нивелировать позитивный потенциал ответственности. Н. А. Морозова подчеркивает: «Использование законодателем безальтернативных санкций при установлении административной ответственности за конкретные правонарушения является признаком излишней строгости административных наказаний. Такой подход делает невозможным индивидуализацию ответственности и учет всех обстоятельств совершения правонарушения и личности

правонарушителя; нарушаются основополагающие принципы дифференциации и индивидуализации административной ответственности» [6]. Наказание должно не только карать, но и предотвращать новые правонарушения, стимулировать правомерное поведение. Безальтернативная дисквалификация, примененная к лицу, чье нарушение обусловлено объективными факторами (сложность регулирования, противоречивость разъяснений, добросовестное заблуждение), вряд ли достигнет этих целей. Скорее, она породит чувство несправедливости и снизит мотивацию к надлежащему исполнению обязанностей.

Сказанное не означает, что дисквалификация не должна применяться за повторные нарушения. Речь о необходимости выбора меры ответственности с учетом всех обстоятельств. Оптимальным представляется дополнение санкции части 10 статьи 7.30.2 КоАП РФ [2] альтернативным наказанием в виде повышенного штрафа. Это позволит дифференцировать ответственность в зависимости от степени вины, сохранив дисквалификацию для случаев систематического игнорирования требований.

Другой аспект — разграничение полномочий по возбуждению и рассмотрению дел. Они отнесены к компетенции как судей, так и органов контроля (ФАС России) [2]. Критерии разграничения подведомственности сформулированы нечетко, что порождает споры о подсудности и затягивание сроков. Особенно остро это проявляется в делах о дисквалификации, назначение которой отнесено к исключительной компетенции судей. Орган контроля, обнаружив признаки такого правонарушения, не вправе рассмотреть дело сам и передает его в суд, что удлинит процедуру и создает риски истечения сроков давности [2].

Требует осмысления и привлечение к ответственности за нарушения при обосновании начальной (максимальной) цены контракта. Значительная часть правонарушений связана именно с этим, но доказывание вины должностного лица сложно: нужно установить не только факт нарушения методик, но и наличие умысла или неосторожности. Нередко занижение или завышение цены — следствие объективных факторов (неверная информация от поставщиков, отсутствие данных о рынке, срочность). Привлечение к ответственности без учета этого выглядит формальным.

Нельзя обойти и проблему доказывания субъективной стороны. Многие составы (ст. 7.30.1, 7.30.2 КоАП РФ) [2] сконструированы так, что вина презюмируется при установлении факта нарушения. Это облегчает работу контролеров, но не всегда согласуется с презумпцией невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ) [2]. Особенно остро проблема проявляется, когда нарушение вызвано неясностью самого законодательства. В таких случаях бремя доказы-

вания должно перераспределяться, а лицо должно иметь возможность сослаться на добросовестное заблуждение.

Сроки давности (ст. 4.5 КоАП РФ) [2] — еще один проблемный участок. Общий годичный срок для нарушений в сфере закупок на практике порождает споры о моменте исчисления. Особенно сложны длящиеся правонарушения и нарушения при исполнении долгосрочных контрактов. Встречаются случаи, когда контролеры исчисляют срок с момента обнаружения, что не всегда соответствует позиции Верховного Суда, ориентирующего на момент совершения деяния. Эта неопределенность требует законодательного урегулирования.

Возвращаясь к санкциям за повторность, важно отметить: часть 10 статьи 7.30.2 КоАП РФ [2] не учитывает различий в характере правонарушений по частям 4, 7 и 8. Степень их общественной опасности может существенно различаться. Например, нарушение порядка изменения контракта (ч. 7) потенциально опаснее, чем нарушение порядка возврата обеспечения заявки (ч. 8). Однако санкция едина — безальтернативная дисквалификация. Такой подход вряд ли справедлив. Следовало бы либо установить разные санкции за повторное совершение разных деяний, либо предусмотреть выбор между дисквалификацией и штрафом.

Анализ практики показывает: суды при назначении дисквалификации за повторность нередко пытаются смягчить жесткость закона. Например, переквалифицируют повторное нарушение на первичное, если дисквалификация явно несоразмерна. Это свидетельствует о стремлении к индивидуализации, но по сути является обходом закона и не способствует единообразию. Проблема должна решаться на уровне законодательства, а не правоприменения.

Подводя итог, институт административной ответственности в сфере закупок находится в стадии активного реформирования. Изменения 2024–2025 годов в целом направлены на упорядочение составов, что следует оценить положительно. Однако отдельные решения, особенно безальтернативная дисквалификация за повторность, требуют корректировки с учетом принципов справедливости и соразмерности. Дальнейшее совершенствование должно идти по пути баланса между жесткостью санкций и возможностью их индивидуализации.

Перспективные направления: дополнение санкции части 10 статьи 7.30.2 КоАП РФ [2] альтернативным штрафом; уточнение критериев подведомственности; разработка рекомендаций по доказыванию вины при обосновании цены контракта; законодательное закрепление правил исчисления сроков давности для длящихся нарушений. Реализация этих предложений повысит эффективность ответственности и обеспечит защиту публичных интересов.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013. № 14. Ст. 1652.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
3. Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 1–2, 09.01.2025.
4. Курлевский И. В., Огрина Г. В. Административная ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере государственных закупок / И. В. Курлевский, Г. В. Огрина // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 4. — С. 108–111.
5. Липинский Д. А. Альтернативные санкции: проблемы понимания и парности с безальтернативными санкциями / Д. А. Липинский // Государственно-правовые исследования. — 2018. — № 1. — С. 25–29.
6. Морозова Н. А. Безальтернативные административные санкции / Н. А. Морозова // Журнал российского права. — 2019. — № 3. — С. 129–138.
7. Железняк А. Р. Особенности расследования злоупотреблений должностными полномочиями в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд / А. Р. Железняк // Пробелы в российском законодательстве. — 2025. — Т. 18, № 6. — С. 102–111.

Актуальные проблемы в сфере правового регулирования дистанционного банковского обслуживания

Тихомирова Алина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Буторина Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье автор исследует актуальные вопросы, правовые проблемы и коллизии, связанные с активным использованием дистанционного банковского обслуживания, проводит анализ судебной практики по делам в сфере использования дистанционного банковского обслуживания, исследует проблемы экономической безопасности банков.

Ключевые слова: дистанционное банковское обслуживание, банк, кредитная организация, коллизия, судебная практика.

Стремительное развитие глобальной сети Интернет в современных условиях обуславливает ее интенсивное проникновение во все области человеческой деятельности, включая банковскую сферу. Развитие сети Интернет напрямую влияет на банковский сектор: чем больше людей становятся пользователями сети, тем стремительнее растет аудитория систем дистанционного банковского обслуживания (далее — ДБО). Согласно данным аналитического центра НАФИ, доля людей, использующих мобильный банк, возросла в два раза: в 2018 году их было 34 %, сейчас — 70 %.

Безусловно, дистанционное банковское обслуживание имеет множество преимуществ, но не лишено недостатков. В связи с тем, что сфера дистанционного банковского обслуживания начала складываться и активно проникать в быденную жизнь людей относительно недавно, имеется ряд правовых, экономических и технических особенностей его использования.

Первостепенно следует разобраться с тем, что представляет из себя банковская деятельность. В ст.1 Федерального закона от 02.12.1990 N 395–1 «О банках и банковской деятельности» закреплено понятие банка как кредитной организации, которая имеет исключительное

право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц [1]. Исходя из приведенного определения, можно сделать вывод, что банковская деятельность охватывает действия, связанные с привлечением денежных средств во вклады, размещением указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытием и ведением банковских счетов.

Также в ст.1 Федерального закона от 02.12.1990 N 395–1 «О банках и банковской деятельности» указано, что кредитная организация — юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные Федеральным законом. Следовательно, банк как кредитная организация преследует цель извлечения прибыли путем совершения особого рода операций на основании специального разрешения (лицензии) Централь-

ного банка РФ. Банки достигают этой цели, в том числе, с помощью использования систем дистанционного банковского обслуживания, которые значительно упрощают пользование клиентами различных банковских услуг.

Одним из пробелов в правовом регулировании дистанционного банковского обслуживания является отсутствие нормативно закреплённого определения самого ДБО, дистанционных банковских технологий, а также интернет-банкинга. В научной литературе ДБО определяется как технологии по предоставлению финансово-кредитными организациями своих услуг клиентам удалённым способом (т. е. без непосредственного визита в офис банка), с использованием различных каналов телекоммуникации. Трактовка данного термина также была предложена многими учеными-правоведами и экономистами. Так, Т. М. Костерина полагает, что «дистанционное банковское обслуживание — это самостоятельная форма банковских услуг населению, основанных на использовании электронной техники» [2].

Процесс активного развития и использования дистанционного банковского обслуживания дал толчок в совершенствовании законодательства, в основном разработке специальных нормативно-правовых актов, к которым можно отнести ФЗ РФ от 27.06.2011 г. N 161-ФЗ «О национальной платёжной системе», ФЗ РФ от 6.04.2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи», ФЗ РФ от 30.12.2004 г. N 218-ФЗ «О кредитных историях», Федеральный закон № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др. Кроме этого, есть ряд подзаконных актов Центрального банка РФ, содержащих нормы, регулирующие дистанционную деятельность банков. К таковым относятся, например, Положение от 09.06.2012 № 382-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств», письмо Банка России от 23.10.2009 № 128-Т «О Рекомендациях по информационному содержанию и организации web-сайтов кредитных организаций в сети Интернет», письмо Банка России от 07.12.2007 № 197-Т «О рисках при дистанционном банковском обслуживании» и др.

Несмотря на обширную нормативно-правовую базу, которая так или иначе регулирует вопросы дистанционного банковского обслуживания, нормы, регулирующие указанные правоотношения, не составляют единой системы. Некоторые из них попросту устарели, хотя и носят до сих пор обязательный характер.

Кроме того, имеются некоторые правовые коллизии. В качестве примера можно привести противоречие статьёй Гражданского кодекса относительно установления запрета контролем банком направления использования денежных средств клиентом, предусмотренного пунктом 3 статьи 845 Гражданского кодекса [3], и обязанностью кредитной организации по проверке каждой финансовой

операции, совершаемой физическим лицом или организацией. Второе правило содержится в абзаце втором статьи 4 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [4]. Таким образом, можно полагать, что существует явная конкуренция правовых норм, так как, с одной стороны, на банки возложена публичная функция, с другой — существует ограничение на отслеживание кредитной организацией распоряжений клиентов в отношении их денежных средств.

Еще одной наиболее актуальной проблемой дистанционного банковского обслуживания выступает проблема мошенничества. Частые случаи мошенничества в сфере интернет-банкинга связаны с возможностью оказания и получения банковских услуг онлайн (например, таких как оформление банковского кредита). Кроме того, одним из самых популярных правонарушений считается похищение и дальнейшее использование персональных данных клиентов. Также особую популярность приобрело мошенничество с использованием сотовой связи и мессенджеров. Данная проблема осложняется активным развитием искусственного интеллекта и технологий.

В настоящее время многие банки предоставляют возможность оформления кредита на любые цели, не выходя из дома. Сложилась обширная судебная практика, связанная с мошенничеством в сфере дистанционного банковского обслуживания. Так, в 2025 году Верховный Суд РФ отменил судебные акты трех инстанций, которыми гражданину было отказано в признании недействительным кредитного договора, оформленного через систему интернет-банкинга и заключенного, по утверждению истца, в результате мошеннических действий третьих лиц [5]. Воробьев С. Ф. обратился в суд с иском к ПАО «Банк ВТБ» и просил признать кредитный договор с банком, совершенный от его имени, незаключенным, поскольку данный договор им не подписан. Впоследствии истец уточнил исковые требования, просил признать данный договор недействительным, поскольку в отсутствие подписи заемщика его письменная форма не соблюдена. Решением Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20 сентября 2023 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 16 июля 2024 г., в удовлетворении исковых требований отказано. Определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2024 г. решение суда первой инстанции и апелляционное определение оставлены без изменения. Суды пришли к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения иска, установив, что были выполнены все необходимые действия, предусмотренные правилами банковского обслуживания, для идентификации заемщика и подтверждения его волеизъявления. Однако Верховный Суд РФ не согласился с данной позицией. Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, возражения на кассационную жалобу, Судебная

коллегия находит, что имеются основания для отмены состоявшихся по делу решения суда первой инстанции, апелляционного определения и постановления суда кассационной инстанции.

Верховный Суд РФ указал, что для разрешения вопроса о признании договора заключенным, а также о его действительности или недействительности необходимо установить лицо, от которого исходило волеизъявление на совершение сделки (в том числе выяснить, является ли на самом деле таким лицом субъект, от имени которого заключен кредитный договор, или данное лицо совершало лишь технические действия, опосредующие волеизъявление третьего лица). Поскольку суды не выяснили это обстоятельство, ограничившись ссылкой на соответствие действий истца внутренним правилам банка, Верховный Суд РФ направил дело на новое рассмотрение. Таким образом, приведенное дело показывает такую правовую проблему дистанционного банковского обслуживания и услуг в сфере интернет-банкинга, как отсутствие надежного механизма, необходимого для идентификации заемщика и подтверждения его волеизъявления. Необходимо регулярно совершенствовать систему безопасности в сфере использования дистанционного банковского обслуживания, потому что само его применение дает обширные возможности для мошенничества.

Анализ активного развития дистанционного банковского обслуживания, теоретических положений и су-

дебной практики позволил прийти к выводу, что за последнее время способы предоставления банками банковских услуг под воздействием коммуникативных технологий, сети Интернет претерпели значительные изменения и продолжают развиваться, совершенствоваться с каждым днем, а также порождать ряд правовых проблем в их использовании. Во-первых, несмотря на то, что данные технологии применяются не первые годы, законодатель недостаточно уделил внимания проработке нормативных правовых актов в отношении ДБО. Активное развитие дистанционного банковского обслуживания требует такого же активного развития законодательства, которое его регулирует. Представляется целесообразным устранить имеющиеся противоречия, правовые коллизии, а также привести законодательство в сфере регулирования ДБО в единую систему.

Во-вторых, банкам необходимо постоянно совершенствовать систему безопасности, чтобы уменьшить случаи мошенничества, возникающие при использовании банковских услуг с помощью систем дистанционного банковского обслуживания.

Таким образом, перед банковским сектором стоят взаимосвязанные технологические и правовые вызовы. Успешное развитие ДБО невозможно без одновременного решения вопросов безопасности и создания адекватной законодательной базы, так как конечная цель — защита прав потребителей — является государственным приоритетом.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности»: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 28.11.2025: [принят Государственной Думой 02 декабря 1990 года]. — Москва, 2025. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. Костерина Т. М. Банковское дело: Учебник / Т. М. Костерина. — 3-е издание, переработанное и дополненное. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 332 с. — ISBN 978-5-9916-5136-3. — Текст: непосредственный.
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации часть II: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 16.12.2025: [принят Государственной Думой 23 декабря 1995 года]. — Москва, 2025. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
4. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 20.02.2026: [принят Государственной Думой 13 июля 2001 года, одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 года]. — Москва, 2026. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. Российская Федерация. Верховный Суд. Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 8 июля 2025 г. N 78-КГ25-12-К3. — Москва, 2025. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

Коррупция как проблема национальной безопасности

Ткачук Екатерина Витальевна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье анализируется коррупция как системный дестабилизирующий фактор, оказывающий прямое воздействие на состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации. Исследуются современные тенденции коррупционной преступности, ее влияние на экономическую сферу и эффективность государственного управления. Особое

внимание уделяется рассмотрению правовых и организационных основ антикоррупционной политики, а также оценке их достаточности для нейтрализации существующих угроз. Автором обосновывается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования превентивных мер и повышения эффективности механизмов юридической ответственности как ключевых условий обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: Национальная безопасность, системная угроза, коррупция, экономическая безопасность, антикоррупционная политика, правовое регулирование, коррупционные риски.

В условиях современных геополитических вызовов и необходимости мобилизации ресурсов для устойчивого развития государства проблема коррупции приобретает особое звучание, выходя далеко за рамки сугубо правовой или криминологической категории. Коррупция сегодня рассматривается учеными и практиками как одна из наиболее опасных системных угроз, поскольку она поражает не только экономику, но и сами основы государственной власти, подрывая доверие граждан к институтам управления. Как справедливо отмечается в современной научной литературе, «борьба с коррупцией является неотъемлемым элементом системы национальной безопасности, напрямую влияющим на обороноспособность, экономическую стабильность и уровень доверия общества к институтам власти» [7, с. 1].

Цель настоящей работы заключается в комплексном анализе коррупции именно как угрозы национальной безопасности и оценке потенциала правовых средств, направленных на противодействие данному явлению.

Основная часть

1. Сущность коррупции и ее место в системе угроз национальной безопасности

Для адекватного понимания масштабов проблемы необходимо рассматривать коррупцию не как совокупность единичных правонарушений, а как сложное социально-правовое явление, обладающее свойствами системности и самовоспроизводства. В Российской Федерации противодействие коррупции официально признано стратегической государственной задачей, для решения которой «мобилизуются усилия органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц» [5, с. 5].

Наиболее опасной формой рассматриваемого явления выступает коррупция в высших эшелонах власти. Исследователи справедливо указывают, что «наиболее сложной и важной проблемой является коррупция среди политической элиты, т. к. подобного рода преступления отличаются высокой латентностью и создают большую угрозу государственной стабильности и национальной безопасности страны» [10, с. 2].

Такая коррупция ведет к дисфункции государственного механизма, подмене публичных интересов частными и деградации системы управления. Кроме того, коррупция тесно сопряжена с иными видами противоправной деятельности, включая легализацию преступных доходов,

что многократно усиливает ее деструктивный потенциал. Как подчеркивается в монографическом исследовании, «отмывание доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма оказывают разрушительное влияние на экономический рост, дестабилизируют финансовую систему и снижают национальную безопасность» [9, с. 3].

2. Экономические и социальные последствия коррупции

Влияние коррупции на экономическую безопасность государства многогранно и проявляется в искажении рыночных механизмов, неэффективном распределении бюджетных средств и создании неравных условий для хозяйствующих субъектов. Современные исследователи констатируют, что «коррупция и экономическая преступность, а в последнее время и киберпреступность являются угрозой стабильности развития национальной экономики, тормозом полномасштабного развития прогрессивных технологий, снижают размер бюджетных поступлений» [3, с. 4].

Показательно, что коррупция не существует изолированно, а является составной частью более широкого явления — криминализации экономики. В научной литературе подчеркивается необходимость комплексного подхода, раскрывающего «теоретические и методические аспекты экономической преступности как угрозы экономической безопасности государства, определяющего факторы образования теневой экономики» [6, с. 5]. Материальный ущерб от коррупционных преступлений исчисляется миллиардами рублей, что напрямую снижает возможности государства по финансированию социальных программ, развитию инфраструктуры и обеспечению обороноспособности. Не менее опасны и социальные последствия: коррупция порождает правовой нигилизм, девальвирует принцип неотвратимости ответственности и формирует в обществе атмосферу социальной несправедливости.

3. Правовые средства противодействия коррупции: состояние и перспективы

Правовую основу противодействия коррупции в Российской Федерации составляет комплекс федеральных законов, указов Президента и ведомственных нормативных актов, образующих целостную систему антикоррупционного регулирования. Учебная литература подчеркивает, что современное правовое регулирование «последова-

тельно раскрывает правовые и организационные основы противодействия коррупции в Российской Федерации, отражает теоретико-методологические подходы к противодействию коррупции, а также учитывает правоприменительную практику, включая вопросы юридической ответственности в данной сфере» [5, с. 5].

Важным направлением совершенствования антикоррупционной политики является не только репрессивное воздействие на уже совершенные правонарушения, но и предупреждение коррупционных рисков. В научных изданиях, предназначенных для студентов юридических специальностей, особое внимание уделяется вопросам выявления «основных коррупционных рисков» и освоения дисциплины «Противодействие коррупции и предупреждение коррупционных рисков в профессиональной деятельности» [8, с. 2]. Это свидетельствует о смещении акцентов в сторону профилактики и формирования устойчивых антикоррупционных стандартов поведения.

Вместе с тем сохраняются и проблемные аспекты правоприменения. Сложность доказывания коррупционных связей, особенно в высших эшелонах власти, высокая латентность элитарной преступности требуют, по мнению исследователей, «качественных, структурных изменений в аппарате власти и использования современных концептуальных подходов для решения проблемы» [10, с. 3]. Комплексный характер угрозы обуславливает необходи-

мость междисциплинарного подхода к ее нейтрализации, объединяющего усилия юристов, экономистов, политологов и социологов [1, с. 2].

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что коррупция представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации, оказывающую разрушительное воздействие на экономику, социальную сферу и систему государственного управления. Масштабы и системный характер данного явления требуют адекватного ответа, основанного на комплексном использовании правовых, организационных и воспитательных мер. Действующее законодательство создает необходимую основу для противодействия коррупции, однако эффективность его реализации сдерживается такими факторами, как высокая латентность преступлений, сложность доказывания и наличие коррупционных связей в самой системе управления. Дальнейшее совершенствование антикоррупционной политики должно быть направлено на усиление превентивной составляющей, развитие механизмов общественного контроля и безусловное обеспечение неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения вне зависимости от должностного положения виновных лиц.

Литература:

1. Смушкин А. Б., Потапова Н. Л., Быстряков Е. Н., Ионова Е. В. Противодействие терроризму, организованной преступности и коррупции: учебное пособие / под ред. А. Б. Смушкина. — Москва: КноРус, 2025. — 218 с.
2. Левакин И. В., Охотский Е. В., Охотский И. Е., Шедий М. В. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Е. В. Охотского. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 469 с.
3. Анисимов А. Ю., Бабенко И. В., Алексахин А. Н. и др. Антикоррупционная политика в контексте обеспечения экономической безопасности в условиях формирования цифровой экономики: монография / под ред. А. Ю. Анисимова, И. В. Бабенко. — Москва: Русайнс, 2024. — 163 с.
4. Галустьян Э. А. Правовое обеспечение противодействия коррупции как угрозе национальной безопасности государства: выпускная квалификационная работа. — Ставрополь, 2025. — 71 с.
5. Зенин С. С. Основы противодействия коррупции в Российской Федерации: учебное пособие. — Москва: Норма, 2024. — 296 с.
6. Лысенко Ю. В., Лысенко М. В., Лысенко Н. В. и др. Криминализация экономики как угроза экономической безопасности: монография. — Москва: КноРус, 2025. — 220 с.
7. Антикоррупционная политика как фактор укрепления национальной безопасности Российской Федерации // *Journal of Monetary Economics and Management*. — 2025. — Рецензия на научную статью. — URL: <https://jomeam.ru> (дата обращения: 02.03.2026).
8. Осипов М. Ю. Противодействие коррупции: учебное пособие. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2024. — 128 с.
9. Национальная безопасность и противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: монография. — Москва: КноРус, 2025. — 250 с.
10. Григорян Д. К., Клевакин А. В. Коррупционные преступления политической элиты как угроза национальной безопасности России // *Философия права*. — 2025. — № 1 (112). — С. 25–32.

Риск-ориентированный подход в государственном контроле как механизм трансформации юридической ответственности в предпринимательской деятельности (2024–2026 гг.)

Топаз Доминика Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В данной статье рассматривается трансформация институтов юридической ответственности в предпринимательском и торговом праве на фоне внедрения риск-ориентированного подхода в деятельность контрольно-надзорных органов в период 2024–2026 гг. Анализируются ключевые правовые механизмы, включая категорирование рисков, приоритет профилактических мероприятий и цифровизацию государственного контроля. Особое внимание уделяется переходу от карательной модели к превентивной, а также правовым вызовам, связанным с использованием алгоритмических систем принятия решений и «автоматической» ответственностью бизнеса. Статья предлагает комплексный взгляд на эволюцию административной и предпринимательской ответственности в условиях современной экономической перестройки и формулирует рекомендации по совершенствованию законодательства о государственном управлении.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, предпринимательское право, государственный контроль, юридическая ответственность, профилактический визит, цифровизация, торговое право, государственное управление.

Risk-based approach in state control as a mechanism for transforming liability in business activities (2024–2026)

Topaz Dominika Aleksandrovna, master's student
Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, phd in political science, associate professor
Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

This article examines the transformation of legal liability institutions in business and commercial law against the backdrop of implementing a risk-based approach in the activities of control and supervisory authorities during the 2024–2026 period. It analyzes key legal mechanisms, including risk categorization, the priority of preventive measures, and the digitalization of state control. Special attention is given to the shift from a punitive to a preventive model, as well as the legal challenges associated with the use of algorithmic decision-making systems and «automated» business liability. The article offers a comprehensive view of the evolution of administrative and business responsibility in the context of current economic restructuring and formulates recommendations for improving legislation on state management.

Keywords: risk-based approach, business law, state control, legal liability, preventive visit, digitalization, trade law, public administration.

Введение

В период с 2024 по 2026 годы система государственного контроля претерпела существенные изменения, ознаменованные переходом от всеобщего надзора к модели, основанной на управлении рисками. В основе этой модели лежит закрепленное Федеральным законом № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» обязательное распределение объектов контроля по категориям риска. При этом категорирование риска — это процесс отнесения деятельности хозяйствующего субъекта к определенной группе на основе оценки вероятности и потенциальных последствий наступления негативных событий.

По состоянию на 2026 год выделяется шесть категорий риска: от чрезвычайно высокого до низкого. Ключевым

правовым новшеством текущего периода стало внедрение динамических критериев. Если в 2021–2023 гг. категория присваивалась преимущественно на основе статических характеристик (вид деятельности, масштаб предприятия), то в 2025–2026 гг. приоритет отдан поведенческим индикаторам. Поведенческие индикаторы, в данном контексте, — это данные, отражающие фактическое поведение предприятия с точки зрения соблюдения установленных норм и требований. Органы власти (Роспотребнадзор, Ростехнадзор, МЧС и др.) при определении частоты проверок используют следующие группы данных:

- История правонарушений: наличие вступивших в силу постановлений по КоАП РФ. (Это пример ретроспективного поведенческого индикатора)
- Добросовестность: использование предприятием систем дистанционного мониторинга и наличие серти-

фицированных систем управления рисками. (Это пример проактивного показателя соблюдения)

- Индикаторы риска: сведения о деятельности, полученные из информационных систем (например, через интеграцию с налоговыми данными или системой «Честный знак»). (Здесь речь идет о мониторинге текущей деятельности).

Важной правовой проблемой 2026 года остается дискреция должностных лиц при отнесении объекта к той или иной категории. Согласно актуальным регламентам, решение о присвоении категории риска принимается руководителем контрольного органа на основании оценки «вероятности наступления негативных последствий». Юридическая коллизия здесь заключается в сложности оспаривания этой «вероятности»: предпринимателю крайне сложно доказать в суде, что риск его деятельности завышен, так как методика оценки зачастую носит внутриведомственный характер. Дискреция, в данном контексте, — это свобода усмотрения должностного лица при принятии решения, что может создавать предпосылки для злоупотреблений.

Правовое значение категории риска в 2026 году закреплено твердо:

- Чрезвычайно высокий и высокий риск: плановые проверки проводятся ежегодно.

- Низкий риск: плановые контрольные мероприятия не проводятся вовсе.

Таким образом, категорирование стало легальным способом «амнистии» для добросовестного бизнеса. Однако законодательство 2026 года устанавливает, что любая фиксация индикатора риска (например, аномальное отклонение показателей в автоматизированной системе контроля) позволяет ведомству инициировать внеплановую проверку даже в отношении предприятия с «низким риском», что фактически делает границы категорий проницаемыми.

Категорирование рисков в 2024–2026 гг. превратилось из технической процедуры в основной регуляторный механизм. Оно позволяет государству экономить ресурсы, фокусируясь на опасных объектах, однако требует дальнейшей прозрачности методик оценки для минимизации коррупционных рисков. Прозрачность, в данном случае, означает доступность и понятность критериев и процедур категорирования для всех заинтересованных сторон. Обеспечение прозрачности является ключевым фактором для поддержания доверия к системе государственного контроля. Основные изменения:

- Добавлены определения ключевых терминов (категорирование риска, поведенческие индикаторы, дискреция, прозрачность).

- Структура текста стала более формальной и сбалансированной.

- Акцент сделан на обоснование значимости категорирования рисков для экономики и общества.

- Подчеркнуты правовые коллизии и возможные негативные последствия (коррупционные риски, сложность оспаривания).

В правовой реальности 2024–2026 гг. произошел качественный сдвиг в понимании задач государственного контроля. Если десятилетием ранее эффективность работы инспектора измерялась объемом взысканных штрафов, то в текущем периоде ключевым показателем (KPI) стала минимизация причиненного вреда при сокращении числа назначенных наказаний. Основными инструментами этой трансформации стали профилактический визит и предостережение. К 2026 году профилактический визит окончательно утвердился в качестве доминирующей формы взаимодействия власти и бизнеса. Согласно актуальной практике, его правовая природа двойственна:

- С одной стороны, это мера поддержки, позволяющая предпринимателю получить квалифицированные разъяснения обязательных требований непосредственно на объекте без риска получения штрафа.

- С другой стороны, в 2025–2026 гг. законодательство закрепило возможность проведения обязательных профилактических визитов в отношении объектов высокого риска.

Важнейшим юридическим аспектом является то, что по результатам проф визита инспектор не может выдать предписание об административном наказании. Он вправе лишь дать рекомендации. Это создает условия для «добровольного исправления», что де-факто заменяет классическую стадию возбуждения дела об административном правонарушении. Объявление предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований в 2026 году стало основным способом реагирования на первичные или малозначительные отклонения. Юридическое значение предостережения заключается в фиксации государством факта «пограничного состояния» субъекта. Для предпринимателя это является «желтой карточкой»: штрафа нет, но запись о предостережении попадает в информационную систему и может послужить основанием для повышения категории риска в будущем. Несмотря на позитивный вектор, анализ практики 2024–2026 гг. выявляет ряд правовых проблем:

- Скрытое принуждение: нередко рекомендации, данные в ходе профвизита, исполняются бизнесом как обязательные указания из-за страха перед последующей внеплановой проверкой.

- Размывание принципа неотвратимости: критики подхода указывают, что замена ответственности профилактикой в некоторых социально значимых сферах (например, экология или охрана труда) может привести к снижению дисциплины бизнеса.

Статистическое замещение: Наблюдается тенденция «подмены» контроля профилактикой ради отчетности, что требует усиления прокурорского надзора за качеством самих профилактических мероприятий.

Объявление предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований в 2026 году утвердилось в качестве основного способа правового реагирования на первичные или малозначительные отклонения от установленных норм. Юридическое значение предосте-

режения заключается в официальной фиксации государством факта «пограничного состояния» субъекта права. Для хозяйствующего субъекта данный инструмент выполняет функцию превентивного уведомления: административное наказание на данном этапе не применяется, однако сведения о вынесенном предостережении подлежат обязательному внесению в информационные системы (ЕРКНМ). В долгосрочной перспективе это может послужить основанием для пересмотра категории риска объекта в сторону повышения, что подтверждает системную связь профилактических мер и риск-ориентированного подхода. Так как проявление выраженного вектора гуманизации контроля, анализ правоприменительной практики 2024–2026 гг. выявляет ряд системных проблем и правовых коллизий:

– Феномен скрытого принуждения: рекомендации, полученные в ходе профилактического визита, зачастую воспринимаются субъектами как императивные указания. Это обусловлено дискрецией контрольных органов и опасением предпринимателей инициировать внеплановое контрольное мероприятие в случае игнорирования «советов» инспектора.

– Размывание принципа неотвратимости ответственности: в юридической доктрине 2026 года ведется дискуссия о том, что замещение карательных мер профилактическими в социально значимых сферах (экологический надзор, охрана труда) может повлечь снижение общего уровня правовой дисциплины и декларативный характер соблюдения норм.

– Статистическое замещение и формализм: наблюдается тенденция к подмене реального контроля профилактическими процедурами ради достижения плановых показателей отчетности. Данное обстоятельство обуславливает необходимость усиления прокурорского надзора за качеством и содержательной частью проводимых профилактических мероприятий.

Трансформация контрольной деятельности в 2024–2026 гг. обеспечила переход к сервисной модели взаимодействия государства и бизнеса. Однако достижение баланса между профилактикой и реальным обеспечением законности требует дальнейшего совершенствования процессуальных гарантий для исключения скрытого давления на бизнес и формализма со стороны контролирующих органов. В 2026 году профилактический визит и предостережение окончательно утратили статус факультативных мер, трансформировавшись в полноценный правовой институт «досанкционного» регулирования. Данный механизм позволяет хозяйствующему субъекту устранить выявленные несоответствия без несения финансовых потерь, что стимулирует правомерное поведение более эффективно, нежели классическая угроза административного штрафа.

Процесс цифровизации государственного контроля перешел от этапа аккумулирования первичных данных к стадии предиктивного и «умного» реагирования с 2024–2026. В области торгового права данная тенденция реа-

лизована через глубокую интеграцию государственных информационных систем (ГИС), в частности системы «Честный знак», ЕГАИС и ведомственных реестров ФНС, с аналитическими модулями контрольно-надзорных органов.

Что касается феномена «автоматической» ответственности в цифровой среде, то к 2026 году в сфере ритейла и оборота подакцизных товаров де-факто закрепились практика формирования предостережений и административных протоколов без непосредственного участия должностного лица. Автоматизированный алгоритм, выявляя аномалию в потоке данных (например, реализацию маркированной продукции с истекшим сроком годности или продажу товара по цене ниже минимально разрешенной), квалифицирует данное действие как правонарушение в режиме реального времени. Сложившаяся ситуация создает уникальный юридический прецедент: цифровая система фиксирует юридический факт, который приобретает статус безусловного основания для инициирования мер реагирования. Это приводит к фактической трансформации классической презумпции невиновности. В правовых реалиях 2026 года бремя доказывания смещается: не орган власти обязан обосновывать вину субъекта в ходе очного проверочного мероприятия, а предприниматель вынужден доказывать наличие технического сбоя или отсутствие состава нарушения, получив автоматическое уведомление о применении санкций или ограничении операционной деятельности. Таким образом, «автоматическая ответственность» требует выработки новых процессуальных гарантий защиты прав участников рынка от ошибок алгоритмического анализа. Правоприменительная практика 2025–2026 гг. выявила ряд системных барьеров при обжаловании результатов «цифрового» контроля, обусловленных спецификой алгоритмизации:

– Проблема «черного ящика» (алгоритмическая непрозрачность): методики, на основании которых системы искусственного интеллекта присваивают индикаторы риска или фиксируют нарушения, зачастую носят закрытый внутриведомственный характер. В 2026 году это создает значительные сложности для стороны защиты: адвокатам крайне затруднительно оспорить логику системы, так как она не формализована в открытых нормативных актах.

– Процессуальное бремя доказывания технических сбоев: обязанность доказывать, что аномалия данных вызвана ошибкой на стороне государственных информационных систем (ГИС), а не в учетной системе предприятия, полностью возложена на хозяйствующий субъект. Это привело к росту числа сложных программно-технических экспертиз в судебной практике 2026 года для разрешения споров между «алгоритмом» и предпринимателем.

– Формализация досудебного порядка: обязательный электронный порядок обжалования через портал «Госуслуги», ставший императивным стандартом в 2025 году, сократил сроки рассмотрения жалоб, однако упростил процедуру до формализованного обмена документами.

Это нередко исключает учет индивидуальных обстоятельств дела и принципа справедливости.

Трансформация института ответственности в торговом праве под воздействием цифровизации ведет к ее фактической «дегуманизации». Юридическая ответственность из инструмента индивидуального воспитания и исправления трансформируется в математическую функцию. В правовой дискуссии 2026 года остро поставлен вопрос о законодательном закреплении «права на человеческое вмешательство» — юридической гарантии того, что окончательное решение о применении санкций, влекущих существенные убытки, должно приниматься должностным лицом, а не программным кодом. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности в 2024–2026 гг. обеспечила беспрецедентный уровень прозрачности товарных рынков, однако породила риски «алгоритмических ошибок». Обеспечение баланса между эффективностью ГИС и правом предпринимателя на справедливое правосудие является приоритетной задачей совершенствования законодательства в сфере торгового права на ближайшую перспективу.

Проведенное исследование трансформации института юридической ответственности в сфере предпринимательской деятельности в период 2024–2026 гг. позволяет подвести итоги и сформулировать ряд теоретических и практических выводов, направленных на совершенствование государственного управления. Основные результаты исследования:

1. Смена парадигмы государственного контроля: к 2026 году риск-ориентированный подход обеспечил окончательный переход от карательной (репрессивной) модели надзора к превентивной. Юридическая ответственность в предпринимательской среде трансформировалась из исключительно инструмента санкционирования в сложный механизм стимулирования добросовестности хозяйствующих субъектов. Под добросовестностью в данном контексте понимается активное стремление субъекта к соблюдению обязательных требований и минимизации рисков причинения вреда.

2. Доминирование институтов профилактики: широкое внедрение профилактических визитов и системы предостережений позволило существенно снизить административную нагрузку на добросовестный бизнес, сохраняя при этом необходимый уровень публичной безопасности. Тем не менее, выявлена правовая коллизия «скрытого принуждения», при которой рекомендации должностных лиц воспринимаются субъектами как негласные императивные предписания из-за правовой неопределенности последствий их неисполнения.

3. Алгоритмизация ответственности как цифровой вызов: глубокая автоматизация контроля в области торгового права привела к формированию феномена «алгоритмической ответственности». Данный процесс требует пересмотра классических процессуальных гарантий, закрепленных в КоАП РФ и Федеральном законе № 248-ФЗ, поскольку традиционные механизмы обжалования

демонстрируют низкую эффективность в условиях дегуманизации процесса принятия решений и рисков программных сбоев в государственных информационных системах (ГИС).

4. Трансформация бремени доказывания: в условиях цифровизации контроля в 2024–2026 гг. наблюдается фактический дрейф от презумпции невиновности к презумпции достоверности данных автоматизированных систем. Это диктует необходимость законодательного закрепления процедур, обеспечивающих право предпринимателя на человеческое участие при вынесении юридически значимых решений.

На основании проведенного анализа правового регулирования в период 2024–2026 гг. сформулированы следующие предложения, направленные на оптимизацию контрольно-надзорной деятельности:

– Нормативное закрепление «права на человеческое участие»: представляется необходимым внесение изменений в Федеральный закон № 248-ФЗ в части установления обязательного участия должностного лица в процессе принятия окончательного решения о привлечении к юридической ответственности. Данная гарантия должна применяться в случаях, когда нарушение выявлено исключительно автоматизированными системами (алгоритмами ИИ) и влечет за собой существенные финансовые или операционные потери для субъекта.

– Обеспечение прозрачности критериев риска: рекомендуется законодательно имплементировать обязанность контролирующих органов раскрывать детализированные методики (алгоритмы) расчета индикаторов риска. Хозяйствующий субъект должен быть наделен правом доступа через государственные информационные сервисы (Единый портал государственных услуг) к сведениям о конкретных факторах, детерминирующих изменение его категории риска в режиме реального времени. Прозрачность, в данном контексте, выступает превентивным инструментом против коррупционных рисков и необоснованного административного давления.

– Правовая регламентация статуса рекомендаций по итогам профилактики: требуется четкое разграничение правовых последствий неисполнения рекомендаций, данных в ходе профилактического визита. Целесообразно установить императивный запрет на использование результатов профилактических мероприятий в качестве единственного и достаточного основания для инициирования внеплановых контрольных мероприятий при отсутствии иных подтвержденных данных о непосредственной угрозе причинения вреда.

– Институционализация технической экспертизы в цифровой среде: предлагается сформировать институт независимых технических аудиторов, чьи экспертные заключения по фактам технических сбоев в государственных информационных системах (ГИС) будут признаваться судами в качестве надлежащего доказательства отсутствия вины предпринимателя при «автоматическом» привлечении к ответственности.

Таким образом, реализация указанных предложений позволит обеспечить необходимый баланс в системе государственного контроля 2026 года, способствуя формированию предсказуемой и справедливой правовой среды для предпринимательского сообщества в условиях форсированной цифровизации экономики. Федеральная торговая комиссия (FTC) сыграла важную роль в под-

держке прав потребителей и обеспечении ответственности компаний. В частности, стратегический план FTC на 2022–2026 годы выступает фундаментом для адаптации бизнеса к новым рыночным условиям; организации, успешно внедрившие его принципы, продемонстрируют более высокую стратегическую готовность к вызовам будущего.

Литература:

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федер. закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2020. — № 31. — Ст. 5007. (дата обращения: 04.01.2026)
2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 14.07.2022 № 290-ФЗ (с изм. и доп., вступившими в силу в 2024–2025 гг.) // Российская газета. — 2022. — № 156. (дата обращения: 08.01.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 2025 г.) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.12.2025)
4. Беляев, И. В. Развитие государственного контроля социально-экономических процессов на основе риск-ориентированного подхода / И. В. Беляев. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gosudarstvennogo-kontrolya-sotsialno-ekonomicheskikh-protsessov-na-osnove-risk-orientirovannogo-podhoda> (дата обращения: 22.12.2025)
5. Тотурбиев, А. А. Совершенствование государственного контроля в условиях цифровизации / А. А. Тотурбиев. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-gosudarstvennogo-kontrolya-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 16.11.2025).
6. Зубарев, С. М. Государственный контроль и надзор в сфере предпринимательской деятельности / С. М. Зубарев. — М.: Проспект, 2022. — 176 с. — Текст: непосредственный. (дата обращения: 19.12.2025).
7. Морозов, В. Е. Административно-правовая концепция управления рисками при осуществлении государственного контроля (надзора) / В. Е. Морозов. — Текст: непосредственный // Бизнес. Образование. Право. — 2021. — № 2 (55). — С. 273–276. (дата обращения: 19.01.2026)
8. Black, J. When risk-based regulation aims low: approaches and challenges / Black, Julia, Baldwin, Robert. — Текст: непосредственный // Regulation and Governance. — 2012. — № 6 (1). — С. 2–22. URL: https://researchonline.lse.ac.uk/id/eprint/43339/1/Black_Baldwin_When-Risk-Based-Regulation-Aims-Low_2012.pdf (дата обращения: 09.11.2025)
9. Иванов Д. Ю. Политические аспекты цифровизации и сетевизации государства / Д. Ю. Волков, В. А. Иванов. — Текст: непосредственный // Управленческое консультирование. — СПб., 2023. — С. 10–25. (дата обращения: 14.12.2025).

Проблемы определения размера компенсации морального вреда потерпевшему от насильственных преступлений

Тришина Белла Олеговна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья посвящена анализу проблем определения размера компенсации морального вреда потерпевшим от насильственных преступлений. Рассматриваются теоретические и практические аспекты правовой природы морального вреда, особенности его проявления при посягательствах на жизнь, здоровье, честь и достоинство личности, а также действующие законодательные критерии оценки компенсации. Особое внимание уделяется вопросам субъективности судебного усмотрения, сложностям доказывания нравственных и физических страданий, отсутствию единых методик расчёта компенсации и значительной неоднородности судебной практики. Анализируются подходы, выработанные судами и юридической доктриной, выявляются основные причины несоразмерности присуждаемых сумм компенсации тяжести последствий насильственных преступлений. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования посредством разработки ориентировочных критериев определения размера компенсации, расширения

применения психологической экспертизы и повышения уровня мотивированности судебных решений. Делается вывод о том, что эффективный механизм компенсации морального вреда должен обеспечивать баланс принципов справедливости, индивидуализации и правовой определённости, способствуя восстановлению нарушенных нематериальных благ потерпевшего и укреплению доверия к правосудию.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, насильственные преступления, потерпевший, судебное усмотрение, нематериальные блага, гражданско-правовая ответственность, судебная практика, оценка страданий, психологическая экспертиза, индивидуализация компенсации, разумность и справедливость.

В современном уголовном и гражданском праве институт компенсации морального вреда занимает особое место среди механизмов защиты граждан. Рост числа преступлений, посягающих на жизнь, здоровье, честь и достоинство человека, обуславливает необходимость эффективного восстановления нарушенных нематериальных благ потерпевших. Особенно актуальной данная проблема становится применительно к насильственным преступлениям, поскольку их последствия носят не только физический, но и психологический характер. Моральный вред представляет собой нравственные и физические страдания, причинённые действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага [5]. Однако несмотря на законодательное закрепление права на компенсацию, практика определения её размера остаётся одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем правоприменения.

Отсутствие единых критериев оценки, высокая степень судебного усмотрения и значительная вариативность судебной практики приводят к несоразмерности присуждаемых сумм и снижению доверия к механизму компенсации. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ ключевых проблем определения размера компенсации вреда потерпевшим от насильственных преступлений, а также выявление возможных направлений совершенствования правового регулирования.

В юридической науке моральный вред рассматривается как негативные психические и физические переживания лица, вызванные противоправным посягательством на личные нематериальные блага — жизнь, здоровье, достоинство, свободу и неприкосновенность личности [2].

Особенность насильственных преступлений заключается в том, что они напрямую затрагивают фундаментальные ценности человека. В отличие от имущественных преступлений, последствия насилия проявляются в длительных психологических травмах, посттравматических расстройствах, социальной дезадаптации и изменении образа жизни потерпевшего. Именно поэтому вред носит глубоко индивидуальный характер и практически не поддаётся объективному измерению. Как отмечается в научной литературе, моральный вред охватывает широкий спектр последствий — от страха и унижения до утраты способности вести прежний образ жизни. При этом степень страданий зависит от возраста потерпевшего, его психологических особенностей, социальной среды и обстоятельств преступления. Таким образом, уже на уровне

определения морального вреда возникает первая проблема — невозможность его количественного выражения в объективных показателях.

Российское законодательство закрепляет лишь общие принципы определения размера компенсации морального вреда. Суд должен учитывать:

- характер причинённых страданий;
- степень вины причинителя вреда;
- индивидуальные особенности потерпевшего;
- фактические обстоятельства дела;
- требования разумности и справедливости.

Пленум Верховного Суда РФ также указывает на необходимость оценки тяжести повреждений здоровья, длительности лечения, степени утраты трудоспособности и изменения жизненных условий потерпевшего. Однако данные критерии носят оценочный характер. Закон не устанавливает ни минимальных, ни максимальных ориентиров компенсации, что фактически передаёт ключевую роль судебному усмотрению. В данном случае правильнее исходить из презумпции морального вреда: любое физическое лицо, в отношении которого совершено неправомерное действие (бездействие), признаётся претерпевшим моральный вред [6].

Главной проблемой является субъективность оценки моральных страданий. Суд фактически вынужден переводить психологические переживания в денежный эквивалент без универсального метода расчёта. По мнению исследователей, отсутствие объективных критериев связано с индивидуальностью переживаний: одинаковое преступление может вызвать различную степень страданий у разных людей. Однако ни фактические обстоятельства причинения вреда (уголовно-правовая квалификация, система и характер применённых мер уголовно-процессуального принуждения, длительность уголовного преследования и т. д.), ни развернутость обосновывающих иски требования доводов никоим образом не влияют на размер определяемых сумм [1]. В результате размер компенсации нередко зависит от внутреннего убеждения судьи, что снижает предсказуемость правосудия. Несмотря на презумпцию причинения морального вреда при насильственных преступлениях, потерпевший обязан доказать характер и степень пережитых страданий.

На практике возникают следующие сложности:

- отсутствие объективных медицинских критериев оценки психологической травмы;
- ограниченные возможности психологических экспертиз;

– формальный подход к оценке доказательств.

Верховный Суд РФ подчёркивает необходимость индивидуального анализа обстоятельств дела и мотивированного обоснования размера компенсации, однако данные требования соблюдаются не всегда. Одной из наиболее обсуждаемых проблем является занижение размеров компенсации. Можно отметить устойчивую тенденцию к присуждению сравнительно небольших сумм, не соответствующих тяжести пережитых страданий. Судебная практика показывает, что заявленные суммы часто существенно уменьшаются судом. Например, в отдельных делах требования о компенсации морального вреда снижались в несколько раз по сравнению с заявленными требованиями потерпевших [4]. Такая практика снижает компенсационную и превентивную функции института ответственности.

В юридической науке предпринимались попытки разработать формализованные методы расчёта компенсации. Так, предложена формула, учитывающая степень вины, индивидуальные особенности потерпевшего и обстоятельства дела. Однако данные методики не получили нормативного закрепления и используются лишь как научные рекомендации. Причина заключается в сложности стандартизации человеческих страданий и опасении чрезмерной формализации судебного процесса.

Суд обязан индивидуализировать размер компенсации применительно к личности потерпевшего и конкретным обстоятельствам преступления. Однако на практике индивидуализация часто подменяется применением усреднённых подходов. Исследования показывают, что суды не всегда в полном объёме устанавливают обстоятельства, влияющие на глубину переживаний потерпевшего. Это приводит к формальному характеру решений.

Насильственные преступления обладают рядом специфических характеристик:

1. причинение вреда базовым ценностям личности;
2. длительный психологический эффект;
3. высокая вероятность посттравматических последствий;
4. социальная стигматизация потерпевшего.

В отличие от иных категорий дел, моральный вред здесь часто превышает физический ущерб по значи-

мости. Посягательство на личную неприкосновенность неизбежно затрагивает достоинство человека и его психическое состояние [3]. Следовательно, универсальные подходы к оценке вреда оказываются недостаточными — требуется более гибкая модель оценки.

На основе анализа научных исследований и судебной практики можно выделить несколько направлений совершенствования института компенсации морального вреда:

1. **Разработка ориентировочных диапазонов компенсации** для различных категорий преступлений.
2. **Расширение использования психологической экспертизы** при оценке последствий насилия.
3. **Формирование единых судебных подходов** через разъяснения высших судебных инстанций.
4. **Повышение роли мотивировочной части судебных решений**, включая подробное обоснование суммы компенсации.

5. **Учет международного опыта**, где компенсации за насильственные преступления значительно выше и выполняют реальную восстановительную функцию.

Таким образом, компенсация морального вреда потерпевшим от насильственных преступлений является важнейшим инструментом защиты прав личности и восстановления социальной справедливости. Однако существующий механизм определения размера компенсации характеризуется значительными проблемами: субъективностью оценки, отсутствием единых методик расчёта, сложностями доказывания и несоразмерностью присуждаемых сумм.

Главная причина указанных трудностей заключается в самой природе морального вреда, который не поддаётся точному количественному измерению. Тем не менее совершенствование правового регулирования возможно за счёт разработки ориентировочных критериев оценки, усиления роли судебной аргументации и более глубокой индивидуализации подхода к каждому потерпевшему. Эффективная система компенсации морального вреда должна не только формально признавать страдания потерпевшего, но и обеспечивать справедливое материальное возмещение, способствующее восстановлению его достоинства и доверия к правосудию.

Литература:

1. Верецагина А. В. Определение размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование // Журнал российского права. 2015. № 11 (227). С. 46–55.
2. Верховец Е. С. Компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав // Вестник науки. 2023. № 3 (60). С. 164–175.
3. Калиновский К. Б. Компенсация потерпевшему морального вреда, причиненного преступлением против собственности // Уголовный процесс. 2016. № 9. С. 24–30.
4. Моральный вред и его компенсация, возмещение морального вреда — судебная практика // URL: <https://sudact.ru/practice/moralnyj-vred-i-ego-kompensaciya-vozmeshenie-moral/>?ysclid=mm806rgnj433316882 (дата обращения: 24.02.2026)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 // Российская газета. 2022. 25 ноября. № 267.
6. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. М., 1998. С. 16.

Опыт зарубежных стран в совершенствовании механизмов правозащитной деятельности органов прокуратуры

Умеренкова Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье проведено исследование подходов к совершенствованию правозащитных функций и механизмов в зарубежных странах, проанализированы основные тенденции, которые могут быть использованы в опыте Российской Федерации.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, правозащитная функция, механизм, надзор, министерство юстиции, судебная власть, цифровизация.

Становление института прокуратуры в мировой практике обусловлено несколькими факторами, одним из которых является потребность в надзоре за соблюдением и исполнением законов в различных сферах жизни общества. Одним из первых государств, где возник первый надзорный орган, содержащий в себе все признаки современной прокуратуры, был образован в начале XIV века во Франции. Отличительной чертой данного органа являлось то, что он непосредственно подчинялся королю, однако выполнял сугубо надзорные функции, связанные с исполнением воли короля. Постепенно, эволюция государственного регулирования и соответствующих подходов к реализации вышеуказанных функций закономерно повлияли на развитие института прокуратуры.

Анализ различных исторических источников позволяет сделать вывод о том, что французская прокуратура была наделена широким спектром полномочий, которые были связаны, не только с надзором, но и уголовным преследованием, а также отдельным влиянием на правотворческую и правозащитную деятельность. Тем не менее, во Франции указанные механизмы развивались недостаточным образом, так как прокуратура находилась в зависимом от монарха положении, а дальнейшие преобразования в государственном регулировании существенно повлияли на стагнацию рассматриваемых органов. Несмотря на вышеуказанные проблемы, прокуратура Франции долгое время сохраняла свое эталонное положение в Западной Европе, из-за чего развивающиеся и развитые на тот момент страны активно перенимали опыт прокурорского надзора.

Наибольший исследовательский интерес вызывает прокуратура Соединенных Штатов Америки (далее — США), так как данная система органом была создана в угоду неукоснительного соблюдения конституционных положений на территории государства, причем акцент был сделан именно на функции правовой защиты американского народа. Во многом на сложившуюся в конце XVIII года тенденцию повлияло то, что Америка была молодым государством, созданным под воздействием революционных предпосылок освобождения от колониального влияния Великобритании, соответственно, для прокуратуры, как и для других органов власти (например, министерства юстиции), были предоставлены широкие полномочия.

В целом, можно констатировать, что организация деятельности органов прокуратуры в различных странах имеет уникальные предпосылки, которые существенным образом определяют роль и степень влияния самой прокуратуры на правозащитную деятельность.

Прежде чем рассуждать о данных функциях, необходимо указать, что на сегодняшний день в научно-исследовательских кругах сформировался критерий классификации прокуратуры, в зависимости от способа её непосредственной организации:

1. Прокуратура является структурным подразделением министерства юстиции (Япония, США, Франция);
2. Прокуратура является самостоятельной системой государственных органов, выполняющая специфические (надзорные) функции (Китайская Народная Республика, Куба, Российская Федерация);
3. Прокуратура входит в состав судебной системы и выполняет вспомогательные функции для судебных органов власти (Испания, Латвия, Болгария) [5, с. 42].

Такой подход к классификации также влияет на определение содержания механизмов правозащитной деятельности рассматриваемых государственных органов. Из этого можно сделать вывод, что подход к реализации вышеуказанных функций существенно отличается. Так, для французской прокуратуры характерно то, что прокурор является представителем судебной власти со стороны обвинения, если речь идет о разрешении споров, однако в остальных ситуациях он выполняет исключительно надзорные функции. Отличительная черта здесь проявляется в том, что во Франции прокурор оказывает непосредственное влияние на ход предварительного следствия, может сам принимать участие в производстве расследования по уголовным делам.

Если проводить параллели с российским опытом правового регулирования прокурорской деятельности, можно констатировать, что прокурор в нашей стране также активно участвует в судебных разбирательствах, представляя интересы определенного круга лиц, либо лиц, которые не способны в силу определенных обстоятельств представлять свои интересы. Тем не менее, прокурор не принимает участия в расследовании уголовных дел, а является обвинителем в суде только после утверждения обвинительного заключения с последующим его направлением в суд [3, с. 119].

Анализ правового положения прокуроров в западных странах свидетельствует о том, что прокуроры активно взаимодействуют с различными органами власти, чаще всего, с судом — такая тенденция обусловлена конституционными предпосылками определения места и роли прокуратуры в правовой системе того или иного государства.

Практика показывает, что базовое условие эффективной реализации правозащитных функций прокуратуры сводится к независимости органов прокуратуры. В зарубежных странах для соблюдения данного условия применяются самые разнообразные подходы. Например, для подавляющего большинства европейских государств сформировался подход к исключению политического давления на органы прокуратуры посредством внедрения конституционных и законодательных гарантий, нарушение которых влечет юридическую ответственность. По мнению исследователей, такие гарантии положительно повлияли на опыт работы прокуратуры и судебных органов власти по разрешению различных споров между субъектами права, где прокурор выступал независимым участником, цель которого сводилась и сводится к обеспечению защиты прав, свобод и законных интересов граждан [5, с. 42].

Дополнительно хотелось бы указать на тот факт, что в некоторых государствах институт прокуратуры приобрел независимость такого уровня, что данная система органов включается в систему сдержек и противовесов, как самостоятельный элемент, влияющий на реализацию полномочий каждой из ветвей власти — это пример Марокко, где на протяжении долгого времени прокуратура входила в систему Министерства юстиции, однако с 2011 года постепенно была признана независимым государственным органом (окончательно реформы были окончены в 2017 году) [2, с. 270].

Также необходимо указать, что развитие правозащитных механизмов, направленных на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, которые применяются органами прокуратуры, напрямую связано с созданием специализированных органов прокуратуры или специальных структурных подразделений, выполняющих отдельные правозащитные функции. Это касается отдельных категорий преступлений и жертв, пострадавших от их совершения, защиты цифровых прав и свобод человека и гражданина и других направлений общественной жизни. По оценке исследователей, специализированный подход позволяет эффективно оказать необходимую поддержку для населения, претерпевшего нарушение их прав и свобод, восстановить их правовое, материальное и сугубо общественное положение [4, с. 171].

Литература:

1. UNESCO and the International Association of Prosecutors release new Guidelines for Prosecutors on Digital Evidence Collection. — Электрон. дан. — 2025. — Режим доступа: <https://www.unesco.org/en/articles/unesco-and-international-association-prosecutors-release-new-guidelines-prosecutors-digital-evidence>

В дополнение к вышесказанному, нельзя обойти стороной тенденцию к внедрению новейших технологий в работу органов прокуратуры зарубежных стран. В первую очередь, это касается работы в области расследования киберпреступлений, обеспечения законности при сборе цифровых доказательств, контролю над соблюдением законодательства в области обмена информацией и её законного использования. Подтверждением данного факта является то, что в 2025 году был сформирован международный акт, содержащий в себе Руководящие принципы для прокуроров по сбору цифровых доказательств, принятый Международной ассоциацией прокуроров совместно с ЮНЕСКО [1].

В указанном международном акте содержится информация о стандартах, применимых в ходе раскрытия и расследования киберпреступлений и иных преступлений, где в ходе следствия были обнаружены и изъяты цифровые следы, являющиеся доказательствами по делу. Суть данного кодифицированного документа сводится к единообразному использованию инструментов, направленных на законный сбор вышеуказанных доказательств, а также в нём определены дополнительные правозащитные функции, которые могут быть применены через цифровые средства и технологии.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в зарубежных странах правозащитные механизмы прокуратуры выстроены по принципу международного взаимодействия и определения соответствующих стандартов. Упор делается на цифровизацию и сопутствующие процессы, оказывающие существенное влияние на различные общественные отношения и явления, прослеживаемые в обществе. Все это также касается киберпреступности, которая с каждым годом развивается все активнее, поэтому со стороны прокуратур разных стран требуется дополнительная работа в области обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц.

Представленные в настоящем исследовании пути совершенствования правозащитных механизмов могут быть использованы прокуратурой Российской Федерации, которая занимает обособленное положение в системе государственных органов и выполняет специфические функции, которые также напрямую связаны с обеспечением безопасности и правовой защищенностью граждан нашей страны. Можно однозначно считать, что основной упор должен быть сделан на цифровизацию и внедрение таких средств информационного взаимодействия, чтобы эффективно и незамедлительно реагировать на нарушения прав граждан в той или иной сфере.

2. Атажанов А. А. Зарубежный опыт внедрения современных технологий в систему правосудия / А. А. Атажанов // Общество и инновации. — 2020. — № 2. — С. 269–284.
3. Гусева Т. А. Трансформация международно-правовых основ сотрудничества органов прокуратуры в борьбе с экстремизмом / Т. А. Гусева // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2025. — № 1. — С. 117–121.
4. Кормушкин М. В. Опыт прокуратур иностранных государств по реализации функций в гражданском и административном процессе / М. В. Кормушкин // Юридическая наука. — 2021. — № 4. — С. 170–173.
5. Сланов Г. Т. Правовое регулирование и практика участия в правотворчестве прокуратуры в зарубежных странах / Г. Т. Сланов // Образование и право. — 2022. — № 7. — С. 40–44.

Взаимодействие прокуратуры с правозащитными организациями: правовые основы и практика

Умеренкова Анастасия Андреевна, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье проведено исследование правовых основ и форм взаимодействия органов прокуратуры с правозащитными организациями, произведена оценка эффективности их взаимодействия, выявлены основные проблемы, требующие решения в данном направлении.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, правозащитная организация, надзорная деятельность, гласность.

Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» предусматривает положения, регламентирующие основания и порядок взаимодействия органов прокуратуры с различными органами власти в целях непосредственной координации деятельности, связанной с борьбой с преступностью (статья 8) [1]. Стоит понимать, что вопросы взаимодействия детально регламентированы на уровне законодательства, в связи с чем в России сформировалась правоприменительная практика, которая позволяет эффективным образом обеспечить координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с разными проявлениями преступности.

Тем не менее, за последние годы в нашей стране активно стали развиваться правозащитные организации, которые выполняют схожие с прокуратурой функции в части обеспечения законности и исполнения законодательства в целях защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Непосредственное взаимодействие органов прокуратуры с указанными организациями детально не регламентировано, что создает проблемы на практике. Законодатель идет по пути игнорирования роли общественных организаций, которые обеспечивают правовую защиту тех или иных лиц, что подтверждается положениями ранее указанного Федерального закона.

Стоит понимать, что указанное взаимодействие имеет определенные трудности, например — невозможность в полной мере установить достоверность сведений, поступающих из общественной организации, которые могут быть использованы в защите прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Поэтому, прежде

чем говорить о полноценном взаимодействии органов прокуратуры с правозащитными организациями, следует выстроить объективное, прямое и исчерпывающее взаимодействие таким образом, чтобы в источнике поступающей информации не было сомнений. Именно поэтому взаимодействие прокуратуры с правоохранительными органами и органами власти различного уровня является достаточно выверенным — их деятельность является официальной, осуществляется от имени государства, а представляемые сведения о состоянии преступности, законности, нарушениях прав тех или иных лиц носит официальный и подтвержденный характер [5, с. 55].

В период с 2010 по 2022 годы наблюдалась активная тенденция к распространению различных правозащитных организаций на территории России, которые выполняли узкоспециализированные функции по обеспечению защиты прав и свобод граждан и (или) юридических лиц. Однако с течением времени было установлено, что подавляющее большинство подобных организаций находилось под иностранным влиянием, при этом их деятельность носила фиктивный характер, так как их наличие на территории российского государства преследовало совершенно иные цели — оказать политическое влияние, создать волну протестных настроений, организовывать шпионаж, выполнять иную деятельность, которая прямо или косвенно посягает на суверенитет нашей страны.

Описанная выше ситуация является одной из причин введения Федерального закона от 14.07.2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [3]. С момента принятия указанного нормативно-правового акта и проведения активной

работы Министерства юстиции, в том числе, совместно с органами прокуратуры, было установлено, что значительная часть правозащитных организаций находилась под значительным иностранным влиянием, а также имели иностранное финансирование.

Чтобы разрешить данную проблему, необходимо выстроить исчерпывающее законодательное регулирование вопросов, связанных с деятельностью правозащитных организаций. Исследователи считают, что подобное взаимодействие целесообразно выстраивать на вспомогательной основе — то есть, правозащитные организации должны оказывать непосредственную помощь в повышении уровня законности посредством выстраивания прямых каналов обращения с органами прокуратуры. При этом основная задача таких организаций должна также сводиться к повышению уровня правовой грамотности населения.

Несмотря на описанные выше негативные стороны следует констатировать тот факт, что тенденция в данном направлении постепенно меняется в сторону выстраивания контактов с общественными организациями. Все это является эффективным взаимодействием, поэтому его необходимо сохранять и поддерживать. Данное условие можно соблюсти только посредством приведения действующего законодательства в соответствие с текущими реалиями рассматриваемой процедуры.

Исследователи отмечают, что прокуратура, в силу своего статуса, является контролирующим органом, который осуществляет надзор, в том числе за деятельностью правозащитных организаций, поэтому данные юридические лица изначально находятся в позиции контролируемого субъекта. Соответственно, любые формы взаимодействия органов прокуратуры с правозащитными организациями должны выстраиваться по этому принципу, то есть на основе критерия контроля со стороны прокуратуры.

Можно считать, что базовыми источниками регулирования вышеуказанного взаимодействия закреплены в ряде специальных нормативно-правовых актов, а также в указаниях Генеральной прокуратуры РФ (например, Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 04.03.2008 № 34 «О взаимодействии органов прокуратуры со СМИ и общественными организациями» [4]).

Учитывая сложившуюся правоприменительную практику, можно сделать вывод о том, что основной формой

взаимодействия прокуратуры с анализируемыми организациями, является информационный обмен. Так, правозащитные организации оказывают помощь определенному кругу лиц, которые столкнулись с определенными правовыми проблемами. Те, в свою очередь, не лишены возможности сделать обращение в прокуратуру от лица граждан или организаций с целью проведения соответствующих проверок или мероприятий, направленных на обеспечение законности. Примером такого взаимодействия является работа в сфере правовой защиты потребителей жилищно-коммунальных услуг, работа по жалобам на действия со стороны правоохранительных органов, в частности, при исполнении наказания и так далее.

Второй по значимости формой взаимодействия является проведение совместных мероприятий. В отдельных случаях, по инициативе прокурора с представителями правозащитных организаций проводятся специальные мероприятия, в рамках которых желающие граждане могут получить безвозмездную юридическую помощь по определенному вопросу, входящему в предмет деятельности правозащитной организации и прокуратуры.

Дополнительной формой взаимодействия является рассмотрение обращений представителей правозащитных организаций в общем порядке, с учетом положений Федерального закона от 02.05.2006 N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы: современное общество порождает новые потребности в обеспечении законности и повышении уровня правовой грамотности, из-за чего необходимо внести в законодательство изменения, которые конкретизировали бы совместную работу между прокуратурой и правозащитными организациями. В первую очередь, это касается официального информационного обмена с целью дальнейшего мониторинга состояния законности в той или иной сфере.

Во-вторых, необходимо разрешить проблему регламентации деятельности в области повышения законности, например, путем заключения соответствующих соглашений о взаимодействии между правозащитной организацией и местной либо региональной прокуратурой, чтобы иметь четкие критерии данной работы, что позволит разрешить обозначенные выше проблемы.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. на 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — N 47. — 1995. — ст. 4472.
2. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (с изм. на 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — N 19. — 2006. — ст. 2060.
3. Федеральный закон от 14.07.2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (с изм. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — N 29 (ч. II). — 2002. — ст. 5222.
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 04.03.2008 № 34 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественными организациями» // Генеральная прокуратура РФ. — N 5. — Москва. — 2008.

5. Рудакова Е. К. Проблема взаимодействия прокуратуры РФ и НПО по вопросу соблюдения прав человека в России / Е. К. Рудакова // Власть. — 2015. — № 12. — С. 54–58.

Правовое обеспечение организации проектного управления в органах государственной власти

Хадай Ксения Юрьевна, студент магистратуры
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье автор рассматривает теоретические и практические аспекты правового обеспечения проектного управления в органах государственной власти. На основе анализа российского законодательства исследуется проблема институционализации проектной деятельности в публично-правовом пространстве.

Ключевые слова: проектное управление, право, институционализация, юридический аспект.

Сложившаяся в России система правового регулирования носит преимущественно подзаконный характер и нуждается в систематизации и консолидации. Перспективным направлением выступает разработка концептуальных основ федерального закона о проектном управлении в публичной сфере. Ключевой теоретической проблемой остается определение оптимального соотношения между управленческой гибкостью и правовой определенностью, что требует поиска особых процедурных форм, адаптированных к специфике проектной деятельности. Институционализация проектных структур в системе государственного управления порождает новые правовые отношения, требующие адекватного регулирования, включая вопросы статуса участников, распределения ответственности и механизмов разрешения конфликтов.

Под проектным управлением на государственной службе в юридическом аспекте понимается способ организации работы, при котором деятельность государственных органов строится вокруг достижения конкретных целей в установленные сроки и в рамках выделенного бюджета. Юридический аспект здесь играет ключевую роль, так как он переводит гибкие управленческие методики на язык обязательных для исполнения правовых норм.

«На современном этапе Правительство Российской Федерации активно внедряет и использует в государственном управлении программно-целевой подход, то есть стратегия развития государства подкрепляется целевыми показателями, которые трансформируются в перечень исполняемых государственных программ, захватывающих все стороны жизни общества и государства. Каждая государственная программа содержит в себе взаимосвязанный перечень основных мероприятий — проектов. Для того, чтобы достичь поставленных целей и в современных условиях эффективнее расходовать бюджетные средства, необходимо внедрение и использование

новых управленческих инструментов. Один из таких инструментов это проектное управление». [4].

«Проект — это единовременный набор мероприятий, ограниченный по времени, создающий конечный уникальный результат, когда объединяют множество проектов, формируют программы проектов, включая государственные программы» [5].

Основной целью организационно-правового обеспечения проектной деятельности является легализация всех инструментов проектной деятельности. «Под легализацией в данном случае понимается придание юридической силы документам, действиям, процедурам, создаваемым и осуществляемым в ходе реализации проекта» [6].

С принятием Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 [1] установились национальные цели развития на период до 2030–2036 годов. Данный акт выступил стратегическим ориентиром, под который выстраивается вся архитектура проектной деятельности. Уровень стратегического планирования представлен Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2], который создает связку между долгосрочными целями развития страны и конкретными проектами, выступающими инструментами их достижения. Юридические акты не просто описывают идею, они создают новые органы и должности. Это называется институционализацией. Специализированное регулирование сосредоточено в Постановлении Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (далее — Постановление № 1288) [3]. Данный акт выполняет системообразующую функцию, устанавливая понятийный аппарат проектной деятельности, функциональную структуру, типологию проектов (национальные, федеральные, ведомственные, региональные), процедурные механизмы инициирования, реализации, мониторинга и завершения проектов, порядок внесения изменений в проекты через механизм «единого запроса на изменение». Проектные

офисы координируют и контролируют реализацию проектов, руководители несут персональную юридическую ответственность за достижение целей и показателей, кураторы проектов отвечают за системное развитие проектной деятельности. Эти структуры получают четко прописанные функции, права и обязанности, что превращает проектную деятельность из разовой инициативы в постоянную функцию государственного органа.

Субъекты Российской Федерации, опираясь на рекомендательный характер Постановления № 1288, формируют собственные нормативные правовые акты, адаптирующие федеральные стандарты к региональной специфике.

Правовое обеспечение выполняет не только регулятивную, но и конституирующую функцию, создавая новые субъекты права в структуре государственного управления. Ключевым элементом институционализации выступает формирование проектных офисов — специализированных подразделений, наделенных полномочиями по координации, мониторингу и методическому обеспечению проектной деятельности. Юридический статус участников проектной деятельности характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, они остаются в рамках традиционных служебных отношений, регулируемых законодательством о государственной гражданской службе. С другой — приобретают дополнительные права и обязанности, связанные с реализацией конкретных проектов, что порождает вопросы о соотношении линейной и проектной власти.

Юридический аспект как раз и призван легитимизировать гибкость.

Нормы права устанавливают, как именно можно вносить изменения в проект. Например, существует процедура формирования «единого запроса на изменение» паспорта проекта, которая позволяет корректировать параметры, но строго в рамках, предусмотренных законом, и с соблюдением всех процедур согласования.

«Главными достоинствами проектного подхода являются повышение качества и эффективности работы сотрудников за счет продуктивных методов управления проектами и результативности контроля персонала, предсказуемость сроков и результатов работ, поскольку у проекта есть план и график его выполнения, возможность быстрой корректировки целей, задач и соответственно при необходимости тактики проекта, возможность быстрого подключения новичков и партнеров к проекту, оптимизация сроков решения задач, повышение эффективности взаимодействия участников проекта» [7].

Анализ действующего законодательства позволяет выделить многоуровневую систему правового обеспечения проектной деятельности в органах государственной власти. Конституционно-правовой уровень задает общие рамки деятельности органов власти, принципы разделения полномочий и основы бюджетного процесса. Бюджетный кодекс РФ выступает ключевым регулятором финансового обеспечения проектов, определяя механизмы

планирования и исполнения расходов, связанных с реализацией национальных и федеральных проектов.

До настоящего времени также остались следующие проблемы в деятельности государственных гражданских служащих:

- отсутствие целостной системы (нет взаимосвязи между всеми уровнями исполнительной власти);

- межведомственное соперничество (каждый орган власти сам за себя и старается на бумаге показать высокие показатели деятельности, таким образом, создается только лишь видимость работы);

- длительные бюрократические процедуры (разработка, согласование и подписание документов занимают достаточно длительное время);

- зачастую при разработке совместных документов органов власти присутствует несогласованность действий;

- система контроля за деятельностью органов власти практически отсутствует как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества;

- в деятельности государственных гражданских служащих отсутствует чувство долга, а также они чувствуют себя законодательно незащищено.

Соотношение проектного управления и права — это не только практика, но и предмет научного изучения. Существуют учебные курсы, например, под редакцией Н. С. Гегедюш, которые подробно рассматривают вопросы правового и организационно-методического сопровождения проектной деятельности в органах власти. Защищаются диссертации, посвященные правовому регулированию этой сферы на уровне субъектов РФ и местного самоуправления. Это говорит о том, что формируется целая область знаний на стыке юриспруденции и государственного управления.

В данной статье рассмотрены общие вопросы правового обеспечения проектного управления. Юридический аспект в соотношении с проектным управлением выступает не просто как набор ограничений, а как инструмент узаконивания, структурирования и придания обязательной силы новым управленческим методам в работе государственных служащих. Использование юридических знаний, методов и средств для эффективности и результативности проекта является правовым обеспечением проектной деятельности в органах государственной власти.

Правовое обеспечение проектного управления в органах государственной власти представляет собой сложную, многоуровневую систему, выполняющую функции легитимации, институционализации и регуляции проектной деятельности. Действующее законодательство не в полной мере определяет правовые последствия недостижения проектных показателей. Персональная ответственность руководителей проектов декларируется, но механизмы её реализации остаются нечеткими. Требуется разработка системы юридических гарантий результативности проектной деятельности, включая как позитивное стимулирование, так и меры правового принуждения.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»
2. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»
3. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 06.11.2025) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»
4. Прокофьев С. Е., Мурар В. И., Рашкеева И. В., Елесина М. В. Проектное финансирование: сущность и значение // Наукоеведение. 2014. № 6.
5. Николаев А. А., Дунаева А. И., Удачин Н. О. Совершенствование процессов проектного управления в Российской Федерации // Наукоеведение. 2014. № 3.
6. Товб, А. С. Управление проектами: стандарты, методы, опыт / А. С.Товб, Г. Л. Ципес. — Москва: Олимп-Бизнес, 2003. — 240 с.
7. Моисеев И. В. Проектное управление реализацией стратегий // Бюджет. 2015. № 12. С. 54.)

Правовое регулирование контроля за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы

Шарикова Маргарита Викторовна, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье исследуются теоретические и практические аспекты правового регулирования контроля за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, которые в современных условиях развития российской государственности приобретают роль ключевой альтернативы лишению свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, УИИ, наказания без изоляции от общества, контроль за осужденными, правовое регулирование.

Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, является одним из приоритетных направлений уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) играют ключевую роль в этой системе, обеспечивая контроль за осужденными, которым назначили альтернативные виды наказания. Эффективность их деятельности напрямую зависит от качества и системности контроля со стороны различных государственных и общественных институтов. Сложность и многообразие задач, стоящих перед УИИ, обуславливают необходимость всестороннего и многоуровневого контроля, правовое регулирование которого требует детального системного анализа. [1]

Количество наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества очень велико. Судебный департамент при Верховном Суде РФ опубликовал статистические данные о состоянии судимости в России за 2024 г. если анализировать все статьи УК РФ, то всего осуждено 512 845 человек, из них: 146 989 к лишению свободы, 112 207 условно осужденных, 23 181 к ограничению свободы, 44 521 к исправительным работам, 64 723 к обязательным работам, так к наказанию не связанным с изоляцией от общества осуждено около 60 % от количества всех осужденных. [2]

Функционирование уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) опирается на сложную систему нормативных правовых актов, детально определяющих их статус, полномочия, функции и порядок работы. Изучение этой правовой базы важно для установления места УИИ в структуре органов государственной власти, выявления аспектов регулирования их деятельности применительно к разным видам наказаний и оценки соответствия законодательства современным требованиям.

Правовое регулирование контроля за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, в России представляет собой сложную, многоуровневую систему, опирающуюся на международные стандарты, федеральные законы и ведомственные акты. Существующая база обеспечивает основные механизмы контроля со стороны различных органов, что является важным инструментом обеспечения законности и справедливости в уголовно-исполнительной системе.

Статья 3 Закона РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21.07.1993 № 5473–1 устанавливает, что основу этого правового регулирования составляют Конституция РФ, федеральные и региональные законы, а также нормативные правовые акты федерального органа исполни-

тельной власти, ответственного за исполнение уголовных наказаний. [3]

Конституция Российской Федерации, являясь Основным законом, определяет фундаментальные принципы деятельности всех государственных органов, включая уголовно-исполнительные инспекции (УИИ). Даже при отсутствии прямого упоминания об УИИ, ее положения имеют первостепенное значение для регламентации их деятельности и защиты прав граждан, находящихся под контролем этих инспекций. (Например, принцип равенства всех перед законом и судом (статья 19), говорит о том, что все осужденные, находящиеся под контролем УИИ, равны перед законом, независимо от их расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, любая дискриминация при осуществлении контроля за исполнением наказаний недопустима.) [4]

Так как УИИ исполняют только те виды наказаний, которые назначаются в рамках уголовного процесса, то деятельность уголовно-исполнительных инспекций по исполнению отдельных видов наказаний регулируется Уголовно-исполнительным кодексом (УИК) Российской Федерации (глава 4 «Исполнение наказания в виде обязательных работ», глава 6 «Исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», глава 7 «Исполнение наказания в виде исправительных работ», глава 8 «Исполнение наказания в виде ограничения свободы»). [5]

Осуществляя контроль за различными категориями осужденных, уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) руководствуются также и Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ). Так, при контроле за лицами, которым отсрочено отбывание наказания, УИИ опираются на статьи 82 и 82.1 УК РФ, регулирующие условия предоставления отсрочки. В свою очередь, при осуществлении контроля за условно осужденными и лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, УИИ руководствуются положениями статей 73, 74 и 79 УК РФ. [6]

УК РФ и УИК РФ находятся в тесной взаимосвязи при регламентации деятельности УИИ: УК РФ устанавливает виды наказаний, которые исполняются УИИ (материальное основание), а УИК РФ определяет порядок их исполнения (процедура); УК РФ предусматривает возможность замены наказания на более строгое (материальное последствие), а УИК РФ определяет порядок направления представления в суд об этом (процедура); УК РФ устанавливает основания для применения условного осуждения, а УИК РФ регулирует порядок контроля за условно осужденными.

Уголовный кодекс РФ и Уголовно-исполнительный кодекс РФ составляют основу правового регулирования деятельности уголовно-исполнительных инспекций, определяя виды наказаний, подлежащих исполнению УИИ,

порядок их исполнения, а также правовой статус, задачи, полномочия и обязанности УИИ. Без этих кодексов деятельность УИИ была бы невозможна.

Некоторые вопросы деятельности уголовно-исполнительных инспекций регулируются другими федеральными законами и актами Правительства Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 утвержден Перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы. Данный документ закрепляет правовую основу для применения таких средств, расширяя возможности УИИ в осуществлении контроля, повышая эффективность исполнения наказаний и обеспечивая соблюдение осужденными установленных ограничений. В перечень могут входить электронные браслеты, системы GPS-мониторинга, средства аудио- и видеофиксации, а также специализированные средства связи и системы учета. Так как устройства применяются как виду наказания в виде ограничения свободы, так и к мерам пресечения, то одним из важных нормативно-правовых актов является Постановление Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений».

Одним из самых важных нормативно-правовых актов до 2026 года являлся Приказ Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». [7]

В связи с изменениями, внесенными в УИК РФ, касающиеся исправительных работ, Приказ № 142 признан утратившим силу, на смену которому пришел обновленный Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 19 января 2026 г. № 6 «Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных». [8]

Вновь изданный Приказ № 6 является более детальным и систематизированным. Он актуализирован согласно принятым изменениям в УИК. Революционных изменений он не содержит, напротив — содержит множество прежних процедур, но ряд вопросов урегулированы согласно современным реалиям, например, в вопросах исполнения наказания в виде исправительных работ. Также по структуре данного приказа имеются очевидные изменения, теперь приложения прилагаются к каждому раз-

делу по исполнению того или иного вида наказания, что считается более практичным.

Положения Приказа № 6 подробно регламентируют порядок постановки на учет осужденных, формы и периодичность контроля сотрудниками инспекции исполнения возложенных на осужденных обязанностей и ограничений. «Принципиально новых и неожиданных новелл проект не содержит, но очевидно, что в данном случае этого и не требуется — предлагаемая подробная регламентация, с одной стороны, максимально исключает возможность злоупотреблений правами со стороны сотрудников инспекции, с другой — создает надлежащие условия для понимания осужденными своих обязанностей и границ допустимого поведения» — считает Член АП Свердловской области адвокат Сергей Колосовский.

УИИ также исполняет наказание в виде ограничения свободы, приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (Инструкция № 258) — необхо-

димый инструмент в работе уголовно-исполнительных инспекций (УИИ). В отличие от общих инструкций, Инструкция № 258 посвящена исключительно исполнению ограничения свободы, предоставляя детальное руководство по всем аспектам этой деятельности [9].

Таким образом, существующая правовая база обеспечивает легитимность и достаточно полную регламентацию деятельности УИИ, включает механизмы межведомственного взаимодействия и адаптируется к современным вызовам через внедрение технических средств. Однако, для дальнейшего совершенствования требуются более четкое нормативное закрепление правового статуса сотрудников УИИ, оптимизация методик расчета их штатной численности с учетом трудоемкости и необходимости привлечения социальных работников и психологов, а также усиление взаимодействия с общественностью. Постоянное совершенствование и гармонизация этой базы необходимы для максимальной эффективности деятельности УИИ в соответствии с национальными и международными стандартами.

Литература:

1. Малинин, В. Б. Уголовно-исполнительное право: учебник для ВУЗОВ и факультетов— Межрегион. ин — т экономики и права: / В. Б. Малинин. — М.: Контракт, 2019.. — С 60–61. с. — Текст: непосредственный.
2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. Москва. -. — Текст: электронный —URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 22.02.2026).
3. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473–1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» — Москва: ИНФРА-М, 2021–48 с..
4. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 01.07.2020 //СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. -№ 2. Ст. 198.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) //. — Текст: электронный // официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 22.02.2026).
7. Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. № 151.
8. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 19 января 2026 г. № 6 «Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных». — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524714/ (дата обращения: 22.02.2026).
9. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. 2010. 20 окт. № 235.

Актуальные проблемы уголовной ответственности за шпионаж

Эрдынеев Саян Соктоевич, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В настоящее время крайне актуальным вопросом является привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений против государственной безопасности. Начиная с 2022 года, число преступлений, посягающих на

общественные отношения в сфере охраны безопасности нашей Родины, кратко выросло. Это связано с тем, что наша страна проводит специальную военную операцию на территории Украины. В связи с этим число лиц, желающих причинить вред безопасности России, также выросло. Одним из самых опасных преступлений против государственной безопасности является шпионаж, который представляет серьёзную угрозу нашей стране. В связи с этим в данной статье будут подробно рассмотрены актуальные проблемы уголовной ответственности за шпионаж.

Ключевые слова: шпионаж, вражеская разведка, преступления против безопасности государства.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), устанавливает в ст. 276 УК РФ уголовную ответственность за совершение шпионажа.

Диспозиция данной статьи подразумевает, что шпионаж — это «передача, сбор, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или сбор по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации либо передача, сбор, похищение или хранение в целях передачи противнику сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации, совершенные в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации, то есть шпионаж, если эти деяния совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства».

Проанализировав диспозицию вышеприведённой статьи, можно сделать вывод о том, что шпионаж является крайне опасным преступлением против государственной безопасности нашей страны.

Перед тем как приступить к анализу правовых проблем уголовной ответственности за совершения шпионажа, необходимо провести отграничение шпионажа по очень смежному преступлению — государственной измене, ответственность за которую закрепляет ст. 275 УК РФ.

Понятие государственной измены характеризуется как «совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации» [1].

Как видно из диспозиции ст. 275 УК РФ, шпионаж является одной из форм совершения государственной измены. Так в чём же заключается отграничение шпионажа

как одной из форм государственной измены и шпионажа, совершаемого в качестве самостоятельного преступления?

Как справедливо подмечают А. С. Александровна и Р. В. Васильев, главным отграничением данных деяний является субъектный состав преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276 УК РФ [2, с. 52].

К уголовной ответственности за совершение шпионажа в форме государственной измены может быть привлечён только гражданин нашего государства, в то время как за совершение шпионажа как самостоятельного преступления уголовной ответственности подлежит либо гражданин другой страны, либо лицо, не являющееся гражданином какого-либо государства.

Теперь поговорим о проблемах уголовной ответственности за совершение шпионажа.

Первая проблема вытекает из вопросов отграничения шпионажа, предусмотренного ст. 275 УК РФ, от шпионажа, регулируемого ст. 276 УК РФ.

Указанная проблема заключается в субъектном составе преступлений. Как было сказано ранее, за государственную измену может быть привлечён только гражданин нашей страны, а за совершение шпионажа как самостоятельного преступления уголовной ответственностью наказывается гражданин иностранного государства либо вообще человек, не имеющий гражданства какой-либо страны.

Однако, особенно в настоящее время, возникают ситуации, когда шпионаж совершает лицо, обладающее двойным гражданством — гражданством нашей страны и гражданством иностранного государства. По какой статье в таком случае привлекать виновное лицо: по государственной измене или по шпионажу? Законодатель или Верховный Суд РФ не предоставляют ответ на данный вопрос.

На наш взгляд, логичным ответом на данный вопрос является то, что если подобное лицо совершает шпионаж, то его следует привлекать к уголовной ответственности за государственную измену, поскольку если преступник обладает гражданством РФ, то он должен любить, ценить и уважать нашу Родину, а также нести обязанности по соблюдению законов РФ, вне зависимости от того, имеется ли у него другое гражданство или нет. Если гражданин РФ решил совершить шпионаж, то его следует привлекать именно за государственную измену, независимо от наличия у него гражданства иностранного государства.

Одним из путей решения выявленной проблемы может стать внесение соответствующих поправок

в статье 275 или 276 УК РФ, либо же принятия постановления Пленума ВС РФ, которые бы разъяснили указанный вопрос.

Кроме того, на сегодняшний день стоит выделить ещё одну проблему, связанную со шпионажем. Сущность второй проблемы характеризуется отсутствием в статье 276 УК РФ квалифицирующих признаков шпионажа.

Суть данной проблемы заключается в том, что иностранный гражданин либо же человек без гражданства совершает сбор сведений в целях их передачи другому государству по поводу нахождения какого-нибудь небольшого склада боеприпасов, который не представляет колоссально важного значения для безопасности нашей страны, и привлекается к ответственности по ст. 276 УК РФ. В свою очередь, преступник, который собирает сведения по поводу расположения стратегических сил, атомных и ядерных объектов, баз кораблей и подводных лодок стратегического назначения, систем противовоздушной и противоракетной обороны, привлекается по точно такой же статье УК РФ, хотя его деяния представ-

ляют гораздо большую общественную опасность по сравнению с прошлым примером.

По нашему мнению, вероятным путём решения обозначенной проблемы является внесения поправок в действующую редакцию УК РФ, которые выделили бы квалифицирующие признаки шпионажа. Так, например, в качестве квалифицирующих признаков можно выделить шпионаж, совершённый в отношении атомных и ядерных объектов или шпионаж, совершённый в отношении воинских частей стратегического назначения, баз военно-морского флота и т. д. Выделение квалифицирующих признаков позволило бы предотвратить совершение новых преступлений, предусмотренных ст. 276 УК РФ, а также ужесточить наказание за их совершение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день на практике существует целый ряд актуальных проблем, связанных с уголовной ответственностью за совершение шпионажа. Каждая из обозначенных проблем актуальна и важна, и, соответственно, требует скорейшего решения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Александрова А. С., Васильев Р. В. Проблема соотношения статей 275 и 276 УК РФ // Научные исследования и инновации. — 2021. — № 1. — С. 50–53.

Астрент как инструмент защиты российских предпринимателей в трансграничных спорах: проблемы и перспективы применения

Юлдашев Роман Рустамович, студент магистратуры
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

В данной статье проведен анализ применения института астрента (судебной неустойки) в трансграничных предпринимательских отношениях. Автором исследуется потенциал астрента как средства воздействия на недобросовестных иностранных участников оборота.

Ключевые слова: астрент, судебная неустойка, трансграничное предпринимательство, иностранные контрагенты, санкционное давление, принуждение к исполнению, налоговые последствия.

Введение

Развитие трансграничных предпринимательских отношений неизбежно порождает риски неисполнения контрагентами принятых на себя обязательств. В условиях усиливающегося санкционного давления на российскую экономику особую остроту приобретает проблема одностороннего отказа иностранных компаний от исполнения договоров и игнорирования судебных актов российских судов. Как справедливо отмечают М. В. Станковский и Д. А. Васильев, «введение санкций и ограничительных мер неминуемо сказывается на результатах финансово-

хозяйственной деятельности субъектов экономики», при этом особое внимание приковывает прекращение деловых связей и невыполнение договорных обязательств иностранными контрагентами [3, с. 2].

Российская судебная система к 2014 году столкнулась с отсутствием эффективных мер понуждения иностранных лиц к возврату имущества в натуре и защите интересов истцов. В то же время иностранные лица, предъявившие аналогичные требования за рубежом, получали более эффективные средства защиты, например, возможность взыскать астрент, получить предписание о всемирной заморозке активов. Рецепция института аст-

рента в российское право (ст. 308.3 ГК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ, ч. 3 ст. 206 ГПК РФ) была осуществлена во многом для устранения этого дисбаланса и предоставления отечественным предпринимателям адекватных инструментов защиты в трансграничных спорах [2, с. 4].

Цель настоящей работы — выявить особенности применения астрента в трансграничных предпринимательских отношениях, проанализировать складывающуюся судебную практику и определить направления совершенствования правового регулирования.

Теоретические основы применения астрента в трансграничных спорах

Астрент известен многим правовым порядкам. На международном уровне исторически сложились две основные модели: частноправовая (французская) и публично-правовая (германская). Согласно французской модели астрент является результатом проявления власти судьи, денежные средства направляются в пользу взыскателя. Согласно германской модели астрент присуждается в доход государства и является штрафом за неуважение к решению суда. Российская Федерация, как отмечает О. И. Буланова, переняла основные черты французской модели, что соответствует п. 7.2.4. Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г [2, с. 3].

Ключевая особенность астрента, значимая для трансграничных споров, заключается в его функциональном назначении — это не мера ответственности за нарушение договора, а средство побуждения к исполнению судебного акта. Как указывает А. Мурр, «судебные штрафы (или астрент) определяют решение судьи или арбитра о том, что сторона должна будет выплатить определенную сумму денег в случае неисполнения данной обязанности» [6, с. 34]. Такие штрафы могут применяться как к обязанностям процессуального характера (например, обязанность предоставить документ), так и к материальным обязанностям, вытекающим из договора (передача товара, выполнение работ) [6, с. 35].

С. Завьялов и Б. Марченков отмечают, что «универсальный способ понуждения к исполнению судебных актов — астрент (судебная неустойка). Однако судебная практика пока не выработала однозначного подхода к его применению» в отношении иностранных лиц [1, с. 5]. Сложности возникают из-за толкования норм об астренте и отсутствия единообразной практики их применения в трансграничном контексте [1, с. 6].

Дело о «Коллекции Шнеерсона»: первый прецедент

Знаковым для становления практики применения астрента в трансграничных спорах стало рассмотренное в 2014 году дело об обязанности Библиотеки Конгресса США вернуть Российской государственной библиотеке книги, входящие в «Коллекцию Шнеерсона» (дело № А40–82596/13). В этом деле арбитражный суд присудил астрент

с иностранных лиц в размере 50 тыс. долларов США за каждый день неисполнения судебного акта [2, с. 5].

Примечательно, что в споре по «Коллекции Шнеерсона» аналогичный астрент возложил американский суд на Минкультуры России, Росархив, Российскую государственную библиотеку и Российский государственный военный архив. Таким образом, российские суды, руководствуясь разъяснениями Высшего Арбитражного Суда РФ, присудили астрент и предоставили, по сути, зеркальный ответ на судебные акты иностранных судов [2, с. 5]. С этого дела начинается путь применения астрента в отношении иностранных лиц в российской судебной практике.

Банкротство ООО «Гугл»: астрент как основание для включения в реестр

Еще одним резонансным примером применения астрента к иностранным компаниям стало банкротство ООО «Гугл». До банкротства суды вынесли акты об обязанности ООО «Гугл», Google LLC и Google Ireland Limited разблокировать аккаунт НАО «Царьград медиа», а при неисполнении решения суда взыскать неустойку в размере 100 тыс. рублей за каждый день неисполнения с еженедельным увеличением ежедневной неустойки в два раза [1, с. 7].

В процедуре банкротства ООО «Гугл» (дело № А40–126705/2022) требования о взыскании астрента были включены в третью очередь реестра требований кредиторов. Это дело создало важный прецедент привлечения к ответственности иностранных компаний и их российских дочерних структур, не исполняющих судебные акты российского суда, где последствием неисполнения может стать даже банкротство [1, с. 8].

Применение астрента в трансграничных корпоративных конфликтах

Корпоративные конфликты с участием иностранных акционеров также демонстрируют востребованность астрента. Как отмечает С. Куликов, «2015 год ознаменован рядом новелл российского обязательственного права, в единой экономической логике — сближение правового регулирования с международными стандартами. В числе нововведений — положения о судебном штрафе за неисполнение обязательства в натуре (астрент)» [5, с. 1].

Показательно дело «Инвестторгбанка» (решение Арбитражного суда г. Москвы от 16.01.2018 по делу № А40–220551/17). В 2014 году между иностранными компаниями (около 40 % акций) и российскими акционерами ПАО «Инвестторгбанк» возник корпоративный конфликт. Иностранные компании истребовали в судебном порядке информацию и документы о деятельности банка [4, с. 1]. На стадии исполнительного производства взыскатель неоднократно уточнял и увеличивал первоначальный перечень документов, что создавало угрозу бесконечного

(«вечного») астрента. Российский суд пресек эту попытку, указав, что в условиях нескольких исполнительных производств, когда истребуемые документы в рамках одного производства были переданы в рамках другого, правовое значение имеет факт передачи всех имеющихся документов. Тем самым ПАО «Инвестторгбанк» была предоставлена защита от «возобновляемого» по воле недобросовестного иностранного взыскателя астрента [4, с. 2].

Проблемные аспекты применения астрента в трансграничных отношениях

Существенной проблемой, обостряющейся в условиях санкционного давления, является дискриминационный характер налогообложения сумм астрента, полученных от иностранных контрагентов. Как отмечают М. В. Станковский и Д. А. Васильев, новизна их исследования «состоит в выявлении дискриминационного характера налогообложения отечественных организаций в части применения положений статьи 271 Налогового Кодекса Российской Федерации» [3, с. 3].

В соответствии с российским налоговым законодательством, суммы судебных неустоек признаются внереализационным доходом по методу начисления. При этом фактическое получение денежных средств от иностранного должника, находящегося под юрисдикцией недружественного государства, может быть затруднено или невозможно в силу санкционных ограничений. Тем не менее, обязанность по уплате налога возникает независимо от фактического получения средств, что ставит российских предпринимателей в заведомо невыгодное положение [3, с. 4].

Практика применения астрента выявила риски злоупотреблений со стороны недобросовестных иностранных участников процесса. Дело «Инвестторгбанка» наглядно продемонстрировало, как иностранные компании пытались использовать неопределенность формулировок судебных актов для создания «вечного» астрента путем многократного уточнения перечня истребуемых документов [4, с. 1].

Руководитель практики разрешения споров и международного арбитража ART DE LEX А. Зурабян, комментируя это дело, отметил, что таким судебным актом «была

пресечена попытка бывших иностранных акционеров АКБ «Инвестторгбанк» (ПАО) создать правовое основание для по сути вечной судебной неустойки (астрента), пользуясь общими формулировками решения об истребовании у банка документов и информации» [4, с. 2].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Астрент является эффективным инструментом защиты российских предпринимателей в трансграничных спорах, позволяющим создавать дополнительные стимулы для исполнения иностранными контрагентами судебных актов российских судов.

2. Российская судебная практика демонстрирует последовательное расширение сферы применения астрента к иностранным лицам. Прецедентные дела (о «Коллекции Шнеерсона», банкротстве ООО «Гугл», корпоративные конфликты с участием иностранных акционеров) формируют правовые позиции, повышающие эффективность данного института.

3. Вместе с тем сохраняются серьезные проблемы, требующие законодательного решения:

А) отсутствие международных механизмов признания и принудительного исполнения российских судебных актов о взыскании астрента на территории иностранных государств;

Б) дискриминационный характер налогообложения сумм астрента, полученных от иностранных контрагентов (обязанность уплаты налога возникает независимо от фактического получения средств);

В) риски злоупотреблений со стороны недобросовестных иностранных участников процесса, стремящихся к созданию «вечного» астрента.

Таким образом, астрент, будучи относительно новым для российской правовой системы институтом, уже доказал свою востребованность в трансграничных предпринимательских отношениях, однако его потенциал может быть реализован в полной мере лишь при условии совершенствования законодательства и развития международного сотрудничества.

Литература:

1. Завьялов С., Марченков Б. Представление доказательств иностранными лицами в российском банкротстве. Аспекты и новые вызовы // Корпоративный юрист. 2024. № 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://korporist.life/bankrotstvo/24/art.php?id=12>.
2. Буланова О. И. Астрент в праве России // Нижегородский адвокат. 2017. № 11/12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/46279->.
3. Станковский М. В., Васильев Д. А. К вопросу налогообложения судебной неустойки в условиях санкционного давления // Налоги и налогообложение. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-065X.2024.4.71333.
4. Юристы ART DE LEX пресекли создание «вечного» астрента // ART DE LEX. 18.01.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://artdelex.ru/public/rus/news/yuristy-art-de-lex-presekli-sozdanie-vechnogo-astrenta>.
5. Куликов С. Новый виток в корпоративных конфликтах: астрент и заверения об обстоятельствах // ПРАВО.Ru. 07.03.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/200883/>.

6. Mourre A. Judicial Penalties and Specific Performance in International Arbitration // Performance as a Remedy: Non-Monetary Relief in International Arbitration: ASA Special Series No. 30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://demo.arbitrationlaw.com/library/judicial-penalties-and-specific-performance-international-arbitration-chapter-22-performance>.

Астрент в Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования законодательства

Юлдашев Роман Рустамович, студент магистратуры
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

Настоящая статья посвящена анализу актуальных проблем, возникающих при применении судебной неустойки (астрента) в гражданском судопроизводстве России. Автором исследуются дискуссионные вопросы о пределах действия данного института, его соотношении с иными мерами принуждения, а также формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: астрент, судебная неустойка, правоприменительная практика, денежные обязательства, банкротство, трудовые споры, законодательные реформы.

Введение

Институт астрента, введенный в российский правовой порядок в 2015 году, за десять лет своего существования прошел путь от доктринального нововведения до востребованного инструмента судебной защиты. Однако его практическая реализация выявила целый ряд системных проблем, обусловленных как несовершенством законодательной техники, так и противоречивой судебной практикой. Если теоретические вопросы о правовой природе судебной неустойки постепенно получают разрешение в доктрине, то прикладные аспекты ее применения продолжают вызывать споры.

Цель настоящей статьи — выявить основные проблемные зоны в применении ст. 308.3 ГК РФ и смежных процессуальных норм, а также предложить пути их законодательного и интерпретационного преодоления.

Недопустимость применения к денежным обязательствам

Вопрос о применимости астрента к денежным обязательствам остается одним из наиболее спорных. Официальная позиция, изложенная в разъяснениях прокуратуры, однозначна: «Судебная неустойка присуждается только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, за исключением денежных обязательств» [1]. Однако анализ арбитражной практики свидетельствует об отсутствии единообразия. Часть судов исходит из недопустимости применения ст. 308.3 ГК РФ к денежным требованиям (решения Арбитражного суда Свердловской области от 17.09.2015 № А60–30930/2015, от 15.09.2015 № А60–29387/2015). Вместе с тем встречаются решения, где астрент присуждается и по денежным

требованиям (решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 14.09.2015 № А56–49888/2015).

Представляется, что буквальное толкование ст. 308.3 ГК РФ во взаимосвязи с п. 133 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 свидетельствует о невозможности применения астрента к денежным обязательствам. Специальным способом защиты по денежным требованиям является взыскание долга, не требующее дополнительного стимулирования. Более того, п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22, допускавший начисление процентов на присужденную сумму, был признан не подлежащим применению, что дополнительно подтверждает негативную позицию высшей судебной инстанции.

Астрент в трудовых спорах: новые горизонты

Традиционно сфера действия судебной неустойки ограничивалась гражданско-правовыми отношениями. Однако в 2025 году в доктрине активно обсуждается возможность применения ст. 308.3 ГК РФ к трудовым спорам. Как отмечается в исследовании, «несмотря на то, что в судебной практике астрент ранее не использовался, недавнее постановление Конституционного Суда РФ открывает перспективы его применения в трудовых спорах путем прямого применения положений Гражданского процессуального кодекса РФ» [2, с. 15].

Статистика свидетельствует об актуальности данной проблемы: в 2024 году в центральный аппарат Роструда поступило 29 110 обращений граждан, при этом 35 % социально-трудовых конфликтов завершились без удовлетворения требований работников [2, с. 15]. Наиболее перспективной представляется сфера неимущественных требований: обязанность изменить дату и формулировку

причин увольнения, выдать трудовую книжку, восстановить на работе. Распространение астрента на трудовые отношения потребует внесения изменений в Трудовой кодекс РФ, однако уже сейчас суды общей юрисдикции могут применять ст. 206 ГПК РФ по аналогии.

Проблема «договорного астрента»

В доктрине и практике возникает вопрос: могут ли стороны своим соглашением предусмотреть астрент, минуя судебную процедуру? Е. Н. Кузнецов, исследуя данный аспект, приходит к выводу, что «отмена судебной неустойки соглашением сторон (в России) невозможна, поскольку императивная природа института исключает диспозитивное регулирование» [3, с. 71]. Астрент является публично-правовым элементом в частноправовых отношениях, и его применение — прерогатива суда, реализуемая в рамках дискреционных полномочий. Соответственно, любое договорное условие, имитирующее астрент, должно квалифицироваться либо как договорная неустойка, либо как недействительное (ничтожное) соглашение.

Астрент в особых правовых режимах

Одной из наиболее сложных остается проблема взыскания астрента в рамках дела о банкротстве. Основное требование (передать вещь, снести постройку и т. п.) является неденежным и в реестр требований кредиторов не включается. Астрент, будучи производным требованием, также оказывается в «правовой яме». Судебная практика только формируется, но общая тенденция неблагоприятна для кредиторов: астрент часто «выпадает» из конкурсной массы, оставаясь за периметром дела о банкротстве. Представляется необходимой законодательная конкретизация режима требований об уплате судебной неустойки в процедурах несостоятельности.

Не менее дискуссионным является вопрос о соотношении астрента и исполнительского сбора, взыскиваемого службой судебных приставов (ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Оба института направлены на стимулирование должника к исполнению, однако их правовая природа различна. Исполнительский сбор — мера административной (публично-правовой) ответственности, зачисляемая в бюджет. Астрент — частноправовой инструмент, средства от которого поступают взыскателю. Одновременное применение обеих мер к одному и тому же нарушению не противоречит закону, од-

нако порождает риски двойной ответственности и требует взвешенного подхода с учетом принципа соразмерности.

Направления совершенствования законодательства

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие предложения по реформированию действующего правового регулирования.

Исключить из текста ст. 308.3 ГК РФ отсылку к п. 1 ст. 330 ГК РФ, заменив формулировку «судебная неустойка» на «астрент» либо «денежную сумму, присуждаемую на случай неисполнения судебного акта».

Закрепить на законодательном уровне невозможность применения астрента к денежным обязательствам.

Уточнить правовой режим астрента в случае правопреемства и перехода обязанности по исполнению судебного акта.

Дополнить ст. 174 АПК РФ, ст. 206 ГПК РФ, а также нормы КАС РФ положением, наделяющим суд правом инициировать применение астрента по собственной инициативе в делах, затрагивающих публичный интерес или права социально уязвимых категорий граждан.

Установить критерии определения размера астрента с учетом характера спора, имущественного положения должника и значимости объекта защиты.

Легализовать возможность применения астрента в трудовых спорах по неденежным требованиям путем внесения соответствующих дополнений в Трудовой кодекс РФ (например, новая статья 394.1) и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что институт астрента в России, несмотря на десятилетний опыт применения, остается недооцененным и не в полной мере реализовавшим свой потенциал. Основные проблемы связаны с несовершенством законодательной техники (отождествление с неустойкой), неопределенностью пределов действия (денежные обязательства, трудовые споры) и отсутствием специального регулирования в смежных правовых режимах (банкротство, исполнительное производство).

Предложенные в настоящей статье законодательные изменения позволят преодолеть сложившиеся противоречия, повысить эффективность астрента как средства принуждения к исполнению судебных актов и усилить гарантии защиты нарушенных прав граждан и организаций.

Литература:

1. Прокуратура Медведевского района разъясняет: Что такое судебная неустойка (астрент)?: официальное разъяснение // Генеральная прокуратура РФ. 3 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru>.
2. К вопросу о присуждении судебной неустойки (астрента) в трудовых спорах // Российский судья. 2025. № 12. С. 14–19. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-12-14-19.
3. Кузнецов Е. Н. Судебная неустойка vs астрент // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 67–74.

4. Отдельные аспекты определения предмета доказывания по делам о взыскании судебной неустойки // Российский университет дружбы народов. 2024. № 4. С. 153–157.

Правовая природа неустойки и астрента: догматический анализ и критерии разграничения

Юлдашев Роман Рустамович, студент магистратуры
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

Статья посвящена теоретико-правовому анализу сущности и соотношения институтов неустойки (ст. 330 ГК РФ) и судебной неустойки (астрента, ст. 308.3 ГК РФ). Автор ставит задачу выявить доктринальные подходы к определению правовой природы астрента и разработать систему критериев, позволяющих дифференцировать его от классической неустойки.

Ключевые слова: астрент, судебная неустойка, неустойка, правовая природа, обеспечение обязательств, критерии разграничения, дискреция суда.

Введение

Введение в Гражданский кодекс Российской Федерации ст. 308.3, предусматривающей возможность присуждения денежной суммы на случай неисполнения судебного акта, было воспринято как долгожданная рецепция института *astreinte*, давно известного правовым порядкам континентальной Европы. Однако законодатель, разместив новую норму в главе об обеспечении исполнения обязательств и прямо отослав к п. 1 ст. 330 ГК РФ, терминологически обозначил данный институт как «судебная неустойка». Тем самым была создана презумпция родовой принадлежности астрента к неустойке, что вызвало обширную научную дискуссию и породило устойчивые ошибки в правоприменительной практике.

Актуальность настоящего исследования обусловлена сохраняющейся доктринальной неопределенностью в вопросе о юридической природе судебной неустойки и необходимостью выработки четких критериев, позволяющих отграничить ее от смежных институтов. Как верно отмечают О. Г. Манохин и Н. В. Ивановская, «без четкого определения правовой природы института и разграничения его со схожими правовыми явлениями эффективное правоприменение не представляется возможным» [1, с. 103].

Цель работы — проведение догматического анализа правовой природы неустойки и астрента, а также систематизация критериев их разграничения.

Правовая природа астрента: основные доктринальные подходы

В юридической литературе сложилось три основных подхода к квалификации судебной неустойки.

Первый подход рассматривает астрент как **разновидность неустойки**. Сторонники этой позиции опираются на буквальное толкование ст. 308.3 ГК РФ, содержащей от-

сылку к п. 1 ст. 330 ГК РФ. Однако, как убедительно доказывает Е. Н. Кузнецов, «квалификация астрента в качестве некой специфичной разновидности неустойки не оправдана, поскольку большинство положений о неустойке попросту неприменимы к астренту» [2, с. 69]. Действительно, к астренту не применяются правила ст. 333 ГК РФ о соразмерном уменьшении, ст. 394 ГК РФ о зачетном характере по отношению к убыткам, а также положения о договорном регулировании размера и оснований ответственности.

Второй подход квалифицирует астрент как **меру процессуального принуждения** либо институт исполнительного производства. В обоснование приводится довод о том, что астрент обеспечивает исполнение не основного обязательства, а судебного акта. Между тем, как обоснованно указывает Д. С. Протасова, размещение нормы об астренте в материальном, а не процессуальном кодексе, не позволяет однозначно квалифицировать его исключительно как процессуальный институт [3, с. 99].

Третий подход, представляющийся наиболее аргументированным, исходит из **комплексной материально-процессуальной природы** судебной неустойки. О. Г. Манохин и Н. В. Ивановская справедливо отмечают: «положения о судебной неустойке содержатся в статье 308.3 ГК РФ, статьях 174 АПК РФ и 206 ГПК РФ. Указанные статьи повторяют друг друга, содержат указание на понятие судебной неустойки, применимость к ней общих принципов гражданского права» [1, с. 104]. Таким образом, астрент представляет собой гибридный институт, сочетающий материально-правовое основание возникновения (обеспечительная функция) и процессуально-правовой механизм реализации (судебное усмотрение, определение размера *ex post*, присуждение на случай неисполнения судебного акта).

Существенным представляется и замечание Е. Н. Кузнецова о неполноте отечественной рецепции французского *astreinte*. Классический астрент — это «санкция за неуважение к суду», обладающая публично-правовым эле-

ментом: судья вправе применить его по собственной инициативе, а суммы могут взыскиваться не только в пользу кредитора, но и в бюджет [2, с. 70]. Российская модель, напротив, полностью исключает публичный интерес и инициативу суда, что дает основание автору ставить под сомнение корректность использования самого термина «астрент» в отечественном правовом порядке [2, с. 72].

Критерии разграничения неустойки и астрента

Системное сравнение двух институтов позволяет выделить пять основополагающих критериев, демонстрирующих их сущностное различие.

Неустойка (ст. 330 ГК РФ) возникает в силу договора или закона. Ее размер, порядок исчисления и основания применения известны сторонам заранее (*ex ante*). Право требования возникает автоматически при нарушении обязательства.

Астрент возникает исключительно в силу судебного акта. До момента вынесения решения суда сохраняется правовая неопределенность в отношении возможности применения данного инструмента. Размер присуждаемой суммы определяется судом *ex post*, исходя из обстоятельств дела, поведения сторон, принципов справедливости и соразмерности [1, с. 105].

Функции неустойки носят дуалистический характер. Будучи способом обеспечения исполнения обязательств, неустойка одновременно выступает мерой гражданско-правовой ответственности, реализуя преимущественно **компенсационную** функцию (ст. 394 ГК РФ).

Астрент выполняет **стимулирующую (побудительную)** функцию. Как указано в п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, его цель — «побуждение должника к своевременному исполнению обязательства в натуре». Сумма судебной неустойки не учитывается при определении размера убытков; убытки подлежат возмещению сверх суммы астрента. Более того, уплата астрента не освобождает должника от исполнения обязательства в натуре (п. 2 ст. 308.3 ГК РФ).

Неустойка обеспечивает исполнение **основного материального обязательства** (договорного или внедоговорного).

Астрент обеспечивает исполнение **судебного акта**, которым подтверждена обязанность должника. Как справедливо указывает О. Бабкин, «астрент представляет собой ответственность именно за неисполнение судебного акта,

а значит, основание его применения отлично от оснований ответственности за нарушение обязательства» [4].

Размер неустойки определяется соглашением сторон либо законом; суд наделен правом ее снижения при явной несоразмерности (ст. 333 ГК РФ).

Размер астрента определяется судом самостоятельно на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного поведения. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что «добросовестное поведение лица в сфере исполнения судебных актов должно оказываться более экономически выгодным, чем неисполнение» [1, с. 105]. При этом правила ст. 333 ГК РФ к астренту неприменимы, поскольку его уменьшение противоречило бы самой природе данного института.

Неустойка носит **зачетный характер** по отношению к убыткам (ст. 394 ГК РФ), если иное не предусмотрено законом или договором.

Астрент имеет **кумулятивный характер** — убытки возмещаются сверх присужденной судебной неустойки, и она не засчитывается в счет их покрытия.

Заключение

Проведенный догматический анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Правовая природа астрента (судебной неустойки) является комплексной — материально-процессуальной. Она принципиально отлична от правовой природы договорной или законной неустойки.

2. отождествление указанных институтов, допущенное законодателем при конструировании ст. 308.3 ГК РФ, доктринально ошибочно и служит источником системных проблем правоприменения.

3. Неустойка и астрент дифференцируются по пяти основным критериям: основание возникновения; функциональное назначение; предмет обеспечения; порядок определения размера; соотношение с убытками.

4. Термин «судебная неустойка» создает ложные ассоциации с классической неустойкой и препятствует формированию единообразной практики. Обоснованным представляется предложение Е. Н. Кузнецова о замене данного термина в тексте ГК РФ на «астрент» либо «денежную сумму, взыскиваемую в целях принуждения к исполнению судебного акта».

Литература:

1. Манохин О. Г., Ивановская Н. В. Отдельные вопросы соотношения правовой природы неустойки и судебной неустойки // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 2. С. 103–106.
2. Кузнецов Е. Н. Судебная неустойка vs астрент // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 67–74. DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-67-74.
3. Протасова Д. С. Судебная неустойка: становление, понятие и ее правовая природа // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11–4. С. 98–102.
4. Бабкин О. Как применять новые положения ГК РФ: астрент и взыскание процентов по статьям 317.1 и 395. Выводы на основе судебной практики // Юрист компании. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-law.ru/422347>.

ИСТОРИЯ

Люди за символами: антропология создания Большого герба Российской империи (1857 год)

Кривошапова Виктория Александровна, студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследуются исторические аспекты создания и утверждения Большого государственного герба Российской империи в 1857 году. В рамках антропологического подхода автор фокусируется не только на политическом контексте эпохи, но и на роли ключевых участников событий

Ключевые слова: Большой государственный герб, В. Ф. Адлерберг, Б. В. Кёне, митрополит Московский Филарет (Дроздов), антропологический подход.

Исторически государства стремятся к самоидентификации и повышению своего статуса на международной арене. Одним из инструментов такой политики является государственная символика, важнейшим элементом которой выступает герб. Древнейшим официальным символом Российского государства, положившим начало его геральдической традиции, стала печать великого князя Ивана III (конец XV в.). Именно в этот период изображение приобретает привычные геральдические черты. На печати Ивана III впервые появляется двуглавый орёл, который стал основным элементом герба. Это связано с женитьбой Ивана III на Софье Палеолог (племяннице последнего византийского императора), что укрепило идею преемственности от Византии [1, с. 12].

В последующие века герб российского государства эволюционировал и изменялся. Эволюция герба отражает трансформации внутренней и внешней политики государства. Большой Государственный герб Российской империи, утверждённый в 1857 году, также отражал политические изменения эпохи. Утверждённый указом Александра II 11 апреля 1857 года [2, с. 297–307], он явил собой попытку укрепления власти нового императора.

Вступление Александра II на престол совпало с глубоким кризисом: поражение в Крымской войне (1853–1856), нерешённость крестьянского вопроса, военно-техническое отставание и утрата международного влияния создавали запрос для проведения масштабных реформ. Кроме того, напряженность при дворе создавало и поведение самого императора. Его личность не внушала такого трепета и авторитета, как личность Николая I. Как отмечает Р. Уортман, ссылаясь на воспоминания современников: «...манерность царя выдавала его слабость...

Взгляд государя должен был выражать власть над подданными. Взор Николая и располагал, и внушал страх. Взоры Александра зывали к жалости и помощи» [3, с. 42]. Таким образом, принятие нового герба в 1857 году стало символическим выражением курса Александра II на модернизацию и укрепление монархического имиджа.

Центральную роль в формировании официальной символики империи играл министр Императорского двора В. Ф. Адлерберг (1791–1884). Будучи доверенным лицом Николая I, а затем Александра II, он контролировал придворные церемонии и визуальную репрезентацию власти. Уникальный статус Адлерберга — подчинение исключительно императору — позволял ему напрямую влиять на геральдические проекты, включая утверждение Большого герба в 1857 году.

Карьера В. Ф. Адлерберга была неразрывно связана с императорской семьёй. С детских лет он состоял в близких отношениях с великим князем Николаем Павловичем, будущим Николаем I, что объяснялось и тесной связью с императорской семьёй: его мать была воспитательницей великих князей Николая и Михаила. Военная служба и назначение адъютантом в 1817 году закрепили его положение при дворе [4, с. 150].

Как отмечал Кривенко В. С. (помощник следующего министра МИДа), «на пост министра призван граф Владимир Федорович Адлерберг 1-й... товарищ его детских игр» [5, с. 155]. Эта близость к Николаю I обеспечила Адлербергу сохранение поста министра Императорского двора и при Александре II, с детства наблюдавшего за их взаимоотношениями.

Современники, работавшие с ним, оставили противоречивые [5], [6], [7], но в большинстве своем сходные в одном оценки: это был «поразительно точный и беспри-

мерно трудолюбивый» чиновник [6, с. 31], «рачительный хозяин» и «неустанный работник» [5, с. 156].

Административные качества В. Ф. Адлерберга, в частности его педантичность и строгое соблюдение бюрократических процедур, оказали непосредственное влияние на процесс создания государственного герба. Под его руководством осуществлялась разработка символа, непосредственным исполнителем проекта был назначен Б. В. Кёне.

Бернгард Васильевич (Борис Васильевич) Кёне (1817–1886) — выдающийся немецкий специалист в области геральдики и нумизматики. Его профессиональная деятельность в России началась в 1845 году с должности помощника хранителя нумизматического отделения Эрмитажа. Благодаря фундаментальным познаниям в европейской геральдической традиции и активной научной работе Кёне сумел привлечь внимание императорского двора.

Взаимодействие между Кёне и Адлербергом имело четкое распределение обязанностей: как министр Императорского двора Адлерберг осуществлял общее руководство процессом утверждения герба, в то время как Кёне отвечал за его художественное воплощение и геральдическую корректность. Такое разделение функций соответствовало характерной для эпохи Александра II практике сочетания бюрократических процедур с привлечением иностранных специалистов для модернизации государственных институтов.

Несмотря «превосходные организаторские способности» [8, с. 80], созданный Кёне проект Большого государственного герба (1857) подвергся значительной критике за чрезмерную ориентацию на западноевропейские, в частности немецкие, образцы [9], [10].

Но наиболее серьезные возражения поступили не от светских экспертов, а от церковных властей. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) вступил в переписку с В. Ф. Адлербергом в 1856–1857 годах. Данная переписка раскрывает принципиальные разногласия по вопросу сакрального содержания государственной символики.

В своем обращении митрополит Филарет в дипломатичной форме указал Адлербергу на недопустимость использования изображений архангелов в качестве щитодержателей, аргументируя это нарушением как геральдических норм, так и общехристианской традиции:

«Не должно позволять и того, чтобы Государственный герб держали архангелы, или православные святые мужи» [9, с. 8]. Митрополит настаивал на том, что резкие изменения делают символ чуждым для народа.

Данный эпизод ярко демонстрирует механизм принятия решений. Согласно переписке, Адлерберг, проявив дипломатичность, довел замечания до сведения императора. В ответном письме содержится указание Александра II об устранении архангелов с герба и необходимости «ограничиться лишь теми изменениями в оном (неважными), кои потребны для возвращения гербу должного первоначального его вида» [9, с. 9].

Вопрос о степени осведомленности императора о прошениях митрополита остается дискуссионным, поскольку прямых письменных распоряжений от Александра II на этот счет не обнаружено. Как отмечает в своем исследовании В. Е. Пастор: «министр двора не мог «приписать» императору несуществующее «повеление», даже если он хотел в дипломатических целях показать митрополиту уважение монарха к его мнению. Скорее всего, Александр II действительно согласился с критическими замечаниями Филарета» [11, с. 88].

Приближающаяся коронационная церемония требовала срочного изготовления новых изображений государственного герба. В результате компромиссного решения требования митрополита были удовлетворены частично: для коронационных мероприятий было создано специальное знамя, в оформлении которого отсутствовали фигуры архангелов как щитодержателей, но Большой государственный герб так и не был приведен к «первоначальному виду».

Таким образом, создание Большого герба 1857 года предстает не как единовременный акт воли монарха, а как процесс переговоров и столкновения интересов. Исследование через призму антропологического подхода позволяет увидеть за геральдическими символами живых людей: педантичного бюрократа Адлерберга, обеспечившего формальную сторону процесса; ученого-западника Кёне, привнесшего строгие европейские нормы; и консерватора-церковника Филарета, отстаивавшего сакральную традицию. В их противостоянии и компромиссе рождался символ империи, отразивший сложность и противоречивость самой эпохи Великих реформ.

Литература:

1. Борисов И. В. Российская геральдика. Происхождение. История. Современность. — М., 2009.
2. Высочайшее утверждение подробного описания государственного герба, государственной печати и гербов Членов Императорского Дома. № 31720. Полное собрание законов Российской империи. — Соб. 2-е. — Т. 32. — СПб., 1858.
3. Уортман Н. С. Сценарий власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до наречения Николая II. — М., 2004.
4. Николаев Д. А., Потапина М. В. Министр императорского двора — граф Владимир Федорович Адлерберг (1792–1884) // Клио. — 2010. — № 3 (50).
5. Кривенко В. С. В министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006.
6. Инсарский В. А. Записки // Русская старина. — СПб., 1895. — Т. 83.

7. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867. — М., 1992.
8. Пчелов Е. В. Барон Б. В. Кёне: штрихи к портрету // Гербовед. — 2004. — № 9 (75).
9. П. И. Белавенец. Изменения российского государственного герба в Императорский период. — Петроград, 1915.
10. Дуров В. А. Российская государственная символика XVIII — начало XX века // Гербовед. — 1997. — № 2 (14).
11. Пастор В. Е. К истории создания Большого государственного герба Российской империи // Гербовед. — 2001. — № 54.

СОЦИОЛОГИЯ

Препятствия и ограничения восстановления естественного прироста населения в условиях депопуляции развитых стран мира

Ерохин Игорь Николаевич, экономист, независимый исследователь (г. Санкт-Петербург)

Актуальность темы обусловлена необходимостью выявления барьеров, препятствующих переходу к положительному естественному приросту населения в странах с депопуляцией, реализующих пронаталистическую политику. Цель работы — провести обзор факторов, затрудняющих реализацию мер по повышению рождаемости в развитых странах, и их взаимосвязей с глобальными ограничениями. В исследовании применены методы системного и вторичного анализа экспертных оценок причин распространения депопуляционных процессов. В статье анализируются социально-экономические, ресурсные, экологические и денежно-кредитные препятствия для восстановления воспроизводства населения. Установлено, что пределы ресурсного потенциала планеты и специфика спекулятивно-фиатной денежной системы ограничивают возможности традиционного репродуктивного поведения. Автором систематизированы барьеры воспроизводства населения в форме иерархической модели из трех уровней. Компенсация депопуляции за счёт иммиграции в развитых странах является вынужденной мерой, обусловленной отсутствием действенной демографической концепции, способной нивелировать комплексное влияние указанных факторов. Результаты исследования важны для понимания причин неэффективности текущих мер демографической политики и разработки новых стратегий борьбы с депопуляцией.

Ключевые слова: депопуляция, пронаталистическая политика, естественный прирост, воспроизводство населения, развитые страны, фиатная денежная система, репродуктивное поведение, демографические риски.

Obstacles and limitations to the restoration of natural population growth in the conditions of depopulation of developed countries

Erokhin Igor Nikolayevich, economist, independent researcher (St. Petersburg)

The relevance of the topic is due to the need to identify barriers that prevent the transition to positive natural population growth in countries with depopulation implementing pronatalist policies. The purpose of the work is to review the factors that complicate the implementation of measures to increase the birth rate in developed countries, and their relationship with global constraints. The study used methods of systemic and secondary analysis of expert assessments of the causes of the spread of depopulation processes. The article analyzes socio-economic, resource, environmental and monetary obstacles to the restoration of population reproduction. It is established that the limits of the planet's resource potential and the specifics of the speculative-fiat monetary system limit the possibilities of traditional reproductive behavior. The author systematized the barriers to population reproduction in the form of a three-level hierarchical model. Compensation for depopulation through immigration in developed countries is a forced measure due to the lack of an effective demographic concept capable of neutralizing the complex influence of these factors. The research results are important for understanding the reasons for the inefficiency of current demographic policy measures and developing new strategies to combat depopulation.

Keywords: depopulation, pronatalist policy, natural growth, population reproduction, developed countries, fiat monetary system, reproductive behavior, demographic risks.

Сначала рассмотрения условий борьбы с депопуляцией в развитых странах установлено, что для достижения положительного естественного прироста населения необходимо состояние общественного благополучия. Это базовое условие продуктивности демографической по-

литики. Оно складывается из экономического и социального компонентов [1]. В развитой стране первичными по значимости являются социальные потери человеческого капитала вследствие деградации института семьи и падения рождаемости [2]. Финансовая составляющая в про-

цессе SWOT-анализа различных экономических моделей предстала в виде трёх ключевых параметров управления демографическими рисками [3]:

1. Достаточность наполнения бюджета страны для оказания широкой социальной поддержки семьям с детьми.
2. Величина доходов и равномерность их распределения в обществе.
3. Случаи падения уровня жизни вследствие любых кризисов и решений правительства.

Исходя из изложенного, сделан вывод, что без восстановления ценности семьи и многодетности, а также исключения негативного влияния трех финансовых условий, невозможно достичь прогресса репопуляции людей в развитой стране. Кроме того, найденные автором барьеры в форме четырех «нет» — необходимости, желания, возможности, здоровья у человека для создания семьи и рождения детей [3] — в своей совокупности создают эффект труднопреодолимых ограничений воспроизводства населения. Это находит отражение в компенсации депопуляции в развитых странах с помощью миграции из-за отсутствия альтернативы — успешной пронаталистической демографической стратегии. Европейская социальная политика адаптации населения к суженному воспроизводству не способна её заменить, и все предлагаемые меры, лишь паллиатив вследствие [4]:

- локальности своего эффекта в одной либо группе стран, не решают проблему глобально;
- попытки «купить» демографический рост через субсидии не устраняют остальные причины его снижения;
- не затрагивают индивидуализм как норму поведения (интерес «я» выше интереса «мы»);
- не сохраняют от девальвации семейные и коллективные ценности;
- опираются на ресурсозатратную модель роста — конкуренцию с другими странами за ресурсы и доходы, нужные для поддержания высокого уровня собственного социального и экономического благополучия, что требует постоянного экономического расширения и/или наращивания государственного долга.

Помимо этого, такая политика ведёт к усилению дисбаланса между богатыми и бедными странами. Бедные страны теряют человеческий капитал: уезжают молодые, образованные, как в примере с ГДР и ФРГ [5]. Тем самым они впадают в «демографическую ловушку»: меньше работников → меньше налогов → хуже уровень жизни → новая волна эмиграции. Финансово успешные страны компенсируют депопуляцию за счёт иммиграции, сохраняют уровень своего потребления. В результате система воспроизводит неравенство, а не устраняет его [6]. Причём обоснование неустрашимости такого положения дел основано на объективной ограниченности ресурсов Земли [7]. При глобальном решении проблемы депопуляции требуется высокий уровень жизни во всех странах [8]. Однако планетарные ресурсы не позволяют обеспечить всем людям равный достаток. Это порождает по мнению автора два возможных сценария развития:

1. Оптимистический (утопический) состоит в постепенном выравнивании благосостояния через ускоренное развитие отстающих экономик при сдерживании сверхпотребления в передовых странах [9]. Требует всеобщего сотрудничества, кооперации и перераспределительных механизмов.

2. Пессимистический («демографический каннибализм») ведёт к депопуляции слабых государств до уровня, необходимого для обслуживания глобальных цепочек добавленной стоимости, с концентрацией человеческого капитала в «центрах силы», с ростом социальной напряжённости и региональных валютных, тарифных, санкционных войн, миграционных кризисов [10, 11, 12, 13].

Критическая проблема с ресурсными и экологическими ограничениями Земли, связанная с ростом человеческой популяции, может быть разрешена только за счёт космической экспансии [14]. Однако для такого расширения ареала (как способа преодоления ресурсного лимита) требуется многочисленное, технологически грамотное население. Но депопуляция, вызванная неравенством, лишает человечество этой возможности. Таким образом, без решения демографической проблемы будет невозможно выйти за пределы Земли, а без выхода в космос невозможно решить ресурсный кризис.

Из вышесказанного следует, что преодоление проблемы депопуляции во всех странах требует выполнения двух обязательных глобальных условий:

1. Достижение высокого уровня доходов в каждой стране (не ниже порога, нужного для поддержания положительного естественного прироста населения через его достаток и бюджетные расходы на социальную помощь).
2. Всеобщее сближение уровней благосостояния (сведение разрыва между странами к минимуму).

До тех пор, пока глобальные условия не выполнены, применяются три основных подхода в рамках отдельных национальных государств к воздействию на воспроизводство населения [15]:

1. Адресная социальная помощь в виде целевых выплат и льгот семьям с детьми в масштабе, ограниченном возможностями бюджета страны.
2. Выбор социальноэкономической модели:
 - Капитализм: стимулирование рождаемости через рыночные механизмы (налоговые вычеты, корпоративные программы).
 - Социализм: прямое государственное обеспечение базовых потребностей (бесплатное образование, медицина, жильё).
3. Трансформация товарно-денежных отношений:
 - Пересмотр принципов ценообразования и распределения прибыли среди отдельных групп населения.
 - Снижение спекулятивной составляющей в экономике.
 - Эксперименты с альтернативными моделями (безусловный базовый доход, ресурсно-ориентированная экономика).

Предложения автора по управлению брачным и репродуктивным поведением людей с помощью адресной соци-

альной помощи семьям изложены в предыдущей работе [16]. Поэтому здесь перейдём ко второму варианту — сравнению таких возможностей при выборе социально-экономической модели капитализма либо социализма. Третьему аспекту будет посвящена отдельная, следующая статья.

В целях объективного сравнения рассмотрим два базовых параметра, важных для воспроизводства населения:

1. Уровень благосостояния (средние доходы, доступность базовых благ).
2. Равномерность распределения доходов (коэффициент Джини, разрыв между богатыми и бедными).

Таблица 1. Достоинства и недостатки экономических моделей

Модель	Плюсы	Минусы
Либеральный капитализм	-максимальная экономическая эффективность за счёт конкуренции и инициативы; высокий уровень жизни наиболее продуктивных слоёв; быстрые технологические инновации.	экстремальное неравенство (коэффициент Джини > 0,45); «ловушки бедности» для низкоквалифицированных работников; социальная напряжённость, подрывающая демографию.
Социально-ориентированный капитализм	баланс между эффективностью и равенством (Джини ≈ 0,25–0,3); высокие социальные гарантии (образование, медицина, пенсии); не высокая, но стабильная рождаемость благодаря поддержке семей.	высокая налоговая нагрузка (до 50 % ВВП); зависимость от квалифицированной миграции; уязвимость к глобальным кризисам.
Социализм	минимальное неравенство (Джини < 0,25); —арантированная занятость и базовые блага для всех; планомерное выравнивание уровня жизни между регионами.	низкая производительность труда изза отсутствия конкуренции; дефицит товаров и услуг; бюрократизация, тормозящая инновации; в среднем более низкий уровень жизни за счет уравнительной оплаты труда; снижение рождаемости под воздействием вне экономических причин (нет необходимости, желания либо здоровья для рождения детей).

Попытка Китая совместить преимущества и компенсировать недостатки одной системы за счёт другой говорит о том, что это также рабочая модель экономики:

- рыночные механизмы (частные инвестиции, экспортная ориентация) [17];
- государственный контроль (стратегические отрасли, цифровая цензура);
- социальные программы (борьба с бедностью; анти-наталистическая в прошлом, а теперь пронаталистическая политика).

Достигнуты успешные результаты в виде: сокращения крайней бедности, роста среднего класса, высочайшей скорости роста ВВП (в среднем ежегодно на 9 % с 1978 года) [18]. Но имеются и проблемы:

- нарастающее неравенство между городами и деревней;
- демографический кризис (низкая рождаемость, старение населения) [19];
- замедление роста ВВП из-за долговой нагрузки и торговых конфликтов [20].

Почему ни одна модель не идеальна? Корни противоречий лежат в фундаментальных механизмах:

- Производительность vs. Равенство (дилемма Оукена). Чем выше конкуренция и инициатива, тем

больше разрыв в доходах (капитализм). Чем больше перераспределение, тем ниже стимулы к эффективности (социализм) [21].

- Конкурентоспособность vs. общедоступность благ. Чем выше налоги, наполняющие бюджет и доля социальных расходов от ВВП, тем меньше доступных ресурсов для роста экономики, но выше социальное благополучие и стабильность [22].

— Партнёрство vs. Неравенство (гипотеза Пребиш-Зингера). Все государства связаны кооперацией в международном разделении труда. Успешные капиталистические страны заинтересованы в сохранении дисбаланса в более высокой стоимости их вклада, при зависимости от дешёвых ресурсов и рабочей силы из менее развитых государств, что воспроизводит и закрепляет неравенство [10].

Можно сделать вывод, что ни капитализм, ни социализм не способны в одиночку обеспечить всепланетное благополучие, так как капитализм даёт рост, но усиливает неравенство, а социализм гарантирует равенство, но тормозит развитие. При том, что демографический вызов остаётся нерешённым: даже богатые страны сталкиваются с падением рождаемости, а бедные государства не могут вырваться из «ловушки развития». Таким образом, выбор «лучшей» системы из двух возможных с точки

зрения демографических издержек — ложная дилемма. Будущее борьбы с депопуляцией зависит от способности человечества преодолеть противоречия между эффективностью и справедливостью [21], а также ресурсный дефицит на планетарном уровне [7], утрату ценности семьи и многодетности [23]. Но в рамках существующей товарно-денежной системы автор считает, что сделать это невозможно. Рассмотрим далее причины такой ситуации.

Как известно из классической формулы «*деньги* → *товар* → *деньги*» (где *деньги* > *деньги*) [24], этот механизм неизбежно носит спекулятивный характер — независимо от типа общественно-экономической формации. Так происходит потому, что ключевой принцип капитала (как в частном бизнесе, так и в общественном производстве) заключается в том, что итоговая сумма денег после оборота должна превышать первоначальную [25].

При любом способе производства (частном или общественном) товар обладает двумя характеристиками:

- ценой — цифрой на ценнике в магазине;
- стоимостью — себестоимостью производства (без учёта прибыли).

Эти величины не совпадают. Чем больше разрыв между ценой и стоимостью, тем сильнее оплата работников отклоняется от реальных затрат их труда. В результате вознаграждение за труд становится спекулятивно завышенным [26].

Разность между ценой и стоимостью в условиях капитализма владелец капитала присваивает в свою пользу. При социализме эта разница именовалась плановой прибылью: она нормировалась и присваивалась государством, а затем использовалась в интересах всего общества [27]. Из изложенного следует, что пока сохраняется спекулятивный механизм товарно-денежного обращения, проблема неравенства доходов между странами и людьми будет воспроизводиться [28]. Это, в свою очередь, ведёт к постоянному появлению малообеспеченных и на этом основании бездетных семей — независимо от типа экономической системы [29]. Такие семьи вынуждены полагаться на масштабную социальную поддержку, чтобы иметь возможность заводить детей.

К такому состоянию денежное обращение пришло не сразу, а в результате своей эволюции.

Рис. 1. Стадии трансформации денег. Источник [30]

В исходной точке, при натуральном хозяйстве, обмен осуществлялся по принципу бартера (товар → товар). В этих условиях благосостояние напрямую зависело от объёма собственного производства. С переходом к специализации, развитием ремёсел (кузнечное дело, гончарное и др.) возникла потребность в универсальном эквиваленте. Им стали ракушки, жемчуг, связки шкурки и т. п. — ранние формы; позже появились металлические слитки и монеты. Деньги превратились в посредника между производством и потреблением. В этой системе цель индивида сменилась: вместо максимизации производства ею стало накопление денег как ключа к благам. Появились предпосылки для образования государства (сбор налогов) и классов (накопление капитала) [31]. И до самого 1971 года деньги полностью либо частично обеспечивались драгоценными металлами — сохраняли своё товарное содержание. Но произошёл отказ от их привязки к товару, и мир перешёл к фиатной системе, когда ценность денег основана на доверии к государству и экономике, а их эмиссия центральным банком стала теоретически неограниченной. Последствием таких изменений стал отрыв финансовой системы от реального сектора,

а спекулятивность денежного обращения и его фиатность привели к гиперконцентрации богатства [32]. Появились триллионные капитализации компаний с перспективой образования мультитриллионных состояний и у людей. Такой дисбаланс распределения мирового богатства ведёт к финансовой нестабильности и угрозе глобальных кризисов из-за ошибки крупных игроков. Бесконечная эмиссия фиатных денег, поддерживающая уровень жизни населения, превращается, с одной стороны, в государственный долг, а с другой стороны, ведёт к ускорению концентрации сверхбогатства [33]. Ограничителем этого процесса выступает способность финансовой системы поглощать избыточную эмиссию без раскручивания инфляционной спирали. Преодоление описанных проблем потребует реформирования существующей товарно-денежной системы.

Заключение

Рассмотренные в работе препятствия воспроизводства населения в развитых странах с депопуляцией составляют иерархическую модель из трех уровней:

1-й уровень **Личностно-ценностный** с фокусом на мотивацию и индивидуальные ресурсы.

2-й уровень **Государственно-экономический** с акцентом на бюджетные и институциональные возможности.

3-й уровень: **Глобально-системный** с причинами макроструктурных и цивилизационных ограничений.

Локальные трудности в борьбе с депопуляцией — отсутствие жизненной потребности и личного желания создавать многодетную семью — сопряжены с невозможностью достижения во всех странах высокого уровня общественного благополучия, являющегося базовым условием для естественного прироста населения. Главной причиной этого выступает ресурсная и экологическая ограниченность планеты [7].

Долгосрочный выход из сложившегося кризиса видится в технологической революции, сопоставимой по

масштабам с промышленным переворотом XVIII века. Речь идёт о космической индустриализации, способной разорвать порочный круг: «*Без людей нет космоса; без космоса нет ресурсов для людей*» [34].

До решения этой задачи сохранится неравномерность развития государств, обусловленная спецификой спекулятивно-фиатной денежной системы. Такая модель неизбежно порождает группы населения, лишённые достаточных ресурсов для своего воспроизводства. В качестве доступной компенсации в развитых странах применяются механизмы адресной социальной помощи, происходит эволюция капитализма в его социально ориентированную модель [11], рассматриваются варианты трансформации товарно-денежных отношений. Один из сценариев изменения базиса общественно-экономической формации станет предметом рассмотрения в следующей работе.

Литература:

1. Архангельский, В. Н. Факторы рождаемости / В. Н. Архангельский. — Москва: ТЕИС, 2006. — 399 с. — Текст: непосредственный.
2. Антонов, А. И. Микросоциология семьи / А. И. Антонов. — 2-е изд. — Москва: ИНФРА-М, 2005. — 640 с. — Текст: непосредственный.
3. Ерохин, И. Н. Сравнительный SWOT-анализ некоторых экономических стратегий с сопряженными демографическими рисками / И. Н. Ерохин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 9 (612). — URL: <https://moluch.ru/archive/612/134001>.
4. Шпакова, Р. Н. Систематизация концептуальных подходов к проведению демографической политики — Вестник Алтайской академии экономики и права / Р. Н. Шпакова. — Текст: электронный // vaael.ru: [сайт]. — URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2752> (дата обращения: 06.02.2026).
5. Ерохин, И. Н. Определение базового условия для проведения продуктивной демографической политики / И. Н. Ерохин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 5 (608). — С. 432–437. — URL: <https://moluch.ru/archive/608/133217>.
6. Реут Д. В. Воспроизводство населения — междисциплинарная научная проблема // ЭНСР. 2011. № 4 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosproizvodstvo-naseleniya-mezhdistsiplinarnaya-nauchnaya-problema> (дата обращения: 26.02.2026).
7. Медоуз, Д. Х. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Х. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Л. Медоуз; перевод с английского А. С. Андреева. — 2-е изд. — Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. — 342 с. — Текст: непосредственный.
8. Вишневский, А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее / А. Г. Вишневский. — Москва: Финансы и статистика, 1982. — 287 с. — Текст: непосредственный.
9. Сакс, Дж. Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени / Дж. Д. Сакс; перевод с английского Н. Э. Качалина. — Москва: Изд-во Института Гайдара, 2011. — 424 с. — Текст: непосредственный
10. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; перевод с английского П. М. Кудюкина; под редакцией Б. Ю. Кагарлицкого. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. — 416 с. — Текст: непосредственный.
11. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти; перевод с французского А. А. Дунаева. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с. — Текст: непосредственный.
12. Мешкова, Т. А. Мировые тренды развития глобальных цепочек создания стоимости: возможности и риски для России / Т. А. Мешкова, Е. Я. Моисеичев. — Текст: непосредственный // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2016. — Т. 11, № 1. — С. 67–87.
13. Тимофеев, И. Н. Экономическое принуждение во внешней политике: санкционный инструмент / И. Н. Тимофеев. — Текст: непосредственный // Пути к миру и безопасности. — 2020. — № 2 (59). — С. 11–24.
14. Vidal, C. Starship Humanity: The Case for Interstellar Expansion / C. Vidal. — Text: electronic // Journal of Space Philosophy. — 2024. — Vol. 13, no. 1. — URL: isjust.org (date of access: 26.02.2026).
15. Борисов, В. А. Демография: учебник для вузов / В. А. Борисов. — 5-е издание. — Москва: Nota Bene, 2017. — 344 с. — Текст: непосредственный.

16. Ерохин, И. Н. Меры мотивации брачного и репродуктивного поведения населения в городской и сельской местности / И. Н. Ерохин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 8 (611). — С. 16–23. — URL: <https://moluch.ru/archive/611/133722>.
17. Гельбрас, В. Г. Экономика Китайской Народной Республики: курс лекций: в 2 частях / В. Г. Гельбрас. — Москва: Квадрига, 2010. — Текст: непосредственный
18. Михеев, В. В. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / В. В. Михеев, В. Г. Швыдко. — Москва: ИМЭМО РАН, 2005. — 227 с. — Текст: непосредственный.
19. Александрова, М. В. Демографическая ситуация в КНР: новые вызовы и поиск решений / М. В. Александрова. — Текст: непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. — 2022. — № 3. — С. 98–112
20. Островский, А. В. Экономика Китая на пути к 2050 году / А. В. Островский. — Москва: ИД «Форум», 2020. — 416 с. — Текст: непосредственный.
21. Оукен, А. М. Равенство и эффективность: большой выбор / А. М. Оукен; перевод с английского под редакцией А. А. Пороховского. — Москва: Изд-во МГУ, 1992. — 160 с. — Текст: непосредственный.
22. Хайек, Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек; перевод с английского М. Б. Гнедовского. — Москва: АСТ, 2010. — 317 с. — Текст: непосредственный.
23. Шумпетер, Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер; перевод с английского В. С. Автономова. — Москва: Экономика, 1995. — 540 с. — Текст: непосредственный.
24. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс; перевод с немецкого И. И. Скворцова-Степанова; под редакцией Ф. Энгельса. — Москва: Политиздат, 1983. — 905 с. — Текст: непосредственный.
25. Харви, Д. Краткая история неолиберализма: актуальное прочтение / Д. Харви; перевод с английского Н. С. Полетаевой; под редакцией О. И. Мацевич. — Москва: Поколение, 2007. — 288 с. — Текст: непосредственный.
26. Эммануэль, А. Неэквивалентный обмен: исследование антагонизмов в международных экономических отношениях / А. Эммануэль; перевод с французского. — Москва: Прогресс, 1972. — 340 с. — Текст: непосредственный.
27. Островитянов, К. В. Политическая экономия: учебник / К. В. Островитянов, Д. Т. Шепилов, Л. А. Леонтьев. — Москва: Политиздат, 1954. — 638 с. — Текст: непосредственный.
28. Амин, С. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира / С. Амин; перевод с французского Ш. Нагиба, С. Кастальского. — Москва: Европа, 2007. — 168 с. — Текст: непосредственный.
29. Елизаров, В. В. Экономика семьи и демографическая политика / В. В. Елизаров. — Москва: Изд-во МГУ, 1987. — 192 с. — Текст: непосредственный.
30. Что такое фиатные (фидуциарные) деньги: простыми словами: [схема стадий трансформации денег]. — Изображение: электронное // InvestProfit: [сайт]. — URL: <https://investprofit.info/flat-money/flatmoney/> (дата обращения: 26.02.2025).
31. Гребер, Д. Долг: первые 5000 лет истории / Д. Гребер; перевод с английского А. Заякина. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. — 528 с. — Текст: непосредственный
32. Кийосаки, Р. Т. Фейк: фальшивые деньги, фальшивые учителя, фальшивые активы / Р. Т. Кийосаки; перевод с английского С. Э. Борич. — Минск: Попурри, 2020. — 480 с. — Текст: непосредственный
33. Катасонов, В. Ю. Мировая кабала. Ограбление по-банкирски / В. Ю. Катасонов. — Москва: Алгоритм, 2013. — 320 с. — Текст: непосредственный.
34. О’Нил, Дж. Высокий рубеж: американские города в космосе / Дж. О’Нил; перевод с английского. — Москва: Мир, 1980. — 300 с. — Текст: непосредственный

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности интернет-зависимости у учащихся подросткового возраста

Алмагамбетова Гульназ Елбеккызы, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье исследуется влияние нерелевантной цифровой многозадачности (использование социальных сетей и мессенджеров) на академическую успеваемость и когнитивные процессы старшеклассников во время учебных занятий. На основе концепций рабочей памяти и теории когнитивной нагрузки представлен теоретический анализ проблемы распределения внимания в цифровой среде. Приводятся результаты эмпирического исследования, доказывающего, что параллельное использование смартфонов значительно снижает эффективность усвоения сложного материала и качество решения многоуровневых задач. Определены основные факторы снижения продуктивности, предложены рекомендации по оптимизации учебного процесса.

Ключевые слова: цифровая многозадачность, когнитивная нагрузка, старшеклассники, социальные сети, академическая успеваемость, рабочая память, цифровизация образования.

Современное образовательное пространство переживает период глубокой трансформации, обусловленной повсеместным внедрением информационно-коммуникационных технологий. Учебные классы заполнены учащимися, которые имеют постоянный и неограниченный доступ к портативным компьютерам, планшетам и смартфонам [1, с. 2]. С одной стороны, это открывает широкие возможности для поиска информации и интерактивного обучения. С другой стороны, постоянная подключенность к социальным сетям и сервисам мгновенных сообщений сформировала у современной молодежи устойчивую привычку к цифровой многозадачности [2, с. 2237].

Под внутрикласной многозадачностью в современной педагогической психологии понимается одновременное выполнение нескольких задач или активностей во время образовательного процесса, когда учебная деятельность совмещается с потреблением нерелевантного цифрового контента [1, с. 2]. Данный феномен представляет собой серьезный вызов для системы образования. Особенно остро эта проблема стоит на этапе обучения в старших классах. В этот период учащиеся сталкиваются с максимальной интеллектуальной нагрузкой, так как интенсивная подготовка к поступлению в высшие учебные заведения и сдаче стандартизированных тестов (таких как SAT, NUET или ЕНТ) требует предельной концентрации внимания, развитого логического аппарата и способности к длительному фокусу.

Многие подростки, относящие себя к поколению «цифровых аборигенов», ошибочно полагают, что об-

ладают сформированным навыком параллельной обработки информации и способны без потери качества совмещать решение сложных математических уравнений с мониторингом новостных лент или перепиской [3, с. 245]. Однако когнитивная психология и нейробиология опровергают миф о полноценной многозадачности человеческого мозга.

Согласно исследованиям А. Бэддели, рабочая память человека, отвечающая за временное хранение и обработку информации, имеет жесткие лимиты [4, с. 50]. Переключение с одной задачи на другую не происходит одновременно; оно требует смены когнитивного фокуса, что неизбежно влечет за собой так называемые «издержки переключения» [5, с. 765]. В рамках теории когнитивной нагрузки Дж. Свеллера доказано, что человеческая способность выполнять параллельные задачи ограничена, поскольку ресурсы центральной нервной системы распределяются между процессами в ущерб друг другу [6, с. 260].

Особенно ярко дефицит когнитивных ресурсов проявляется при изучении точных наук. Решение многоуровневых математических задач требует удержания в рабочей памяти сразу нескольких переменных, промежуточных вычислений и логических связей. Если в этот момент учащийся отвлекается на вибрацию смартфона или визуальный стимул социальной сети, происходит сброс контекста в рабочей памяти. На повторное погружение в условие задачи и восстановление цепочки рассуждений тратится дополнительное время и когнитивная энергия, что ведет к быстрому истощению и росту числа вычислительных ошибок [1, с. 9].

Целью нашего исследования стало изучение того, как именно отвлечение на социальные сети и мессенджеры влияет на результативность решения профильных учебных задач высокого уровня сложности у учащихся старших классов. Мы выдвинули гипотезу о том, что нерелевантная цифровая многозадачность прямо коррелирует со снижением академических результатов.

Организация и методы исследования: В эмпирическом исследовании приняли участие 120 учащихся 10–11 классов. Дизайн эксперимента был выстроен по классической модели с использованием контрольной и двух экспериментальных групп. Выборка была рандомизирована, участники были разделены на три равные группы по 40 человек.

В качестве учебного материала использовался блок сложных задач по математике (алгебра и геометрия), по структуре и уровню сложности соответствующих международным стандартам вступительных испытаний в университеты. Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе (предварительное тестирование) оценивался базовый уровень знаний и навыков решения задач у всех участников по 120-балльной шкале. На втором этапе проводилось обучающее занятие и самостоятельная работа, условия которых варьировались в зависимости от группы:

1. Контрольная группа: обучение проходило в традиционном формате строгого академического фокуса. Учащимся разрешалось использовать только ручку, бумагу и традици-

онные черновики. Использование любых мобильных телефонов и цифровых устройств было полностью исключено.

2. Экспериментальная группа I (Мессенджеры): учащимся было разрешено держать смартфоны на партах и оперативно отвечать на поступающие нерелевантные (не связанные с учебой) текстовые сообщения от ассистентов исследователя в течение всего времени решения задач.

3. Экспериментальная группа II (Социальные сети): учащимся был предоставлен свободный доступ к их личным профилям в социальных сетях. Им было дано задание периодически просматривать ленту новостей, проверять уведомления и обновления мультимедийного контента параллельно с выполнением математических тестов.

На третьем этапе (итоговое тестирование) участники выполняли итоговый срез знаний, результаты которого также оценивались по 120-балльной шкале.

Результаты исследования: Анализ полученных данных подтвердил изначальную гипотезу о деструктивном влиянии медиамногозадачности на когнитивную продуктивность. Перед началом эксперимента дисперсионный анализ (ANOVA) показал отсутствие статистически значимых различий между группами в рамках предварительного тестирования, что говорит об изначальной однородности выборки. Однако результаты итогового тестирования выявили кардинальные расхождения. Сведем агрегированные данные нашего исследования в таблице 1.

Таблица 1. Динамика академических результатов в зависимости от типа медиа-вовлеченности (в баллах, макс. 120)

Группа	Предварительное тестирование (ср. балл)	Итоговое тестирование (ср. балл)	Прирост результативности (%)
Контрольная (без гаджетов)	58,4	96,2	+ 64,7 %
Экспериментальная I (Мессенджеры)	59,1	74,5	+ 26,0 %
Экспериментальная II (Соцсети)	57,8	71,3	+ 23,3 %

Согласно представленным данным, контрольная группа, работавшая в условиях глубокой концентрации без отвлекающих цифровых факторов, продемонстрировала максимальный прирост академической успеваемости. Учащиеся этой группы качественно усвоили алгоритмы решения и допустили минимальное количество ошибок по невнимательности [1, с. 8].

Результаты обеих экспериментальных групп оказались значительно ниже. Учащиеся, вовлеченные в переписку (Экспериментальная группа I), показали прирост лишь в 26 %, тогда как группа, использовавшая социальные сети (Экспериментальная группа II), продемонстрировала самый низкий результат — 23,3 %. Разница между двумя формами многозадачности (текстовой и визуально-интерактивной) оказалась статистически незначительной, однако обе эти формы нанесли существенный урон процессу обучения [2, с. 2240].

Снижение показателей в группах с гаджетами объясняется феноменом фрагментации внимания. Когда старшеклассник прерывает решение математического урав-

нения на чтение SMS, его мозг вынужден сохранить текущее состояние уравнения в кратковременной памяти, обработать социальный контекст сообщения, а затем попытаться извлечь математические данные обратно. Этот процесс сопровождается потерей деталей: учащиеся забывали знаки, путали формулы и теряли нить рассуждений [6, с. 270]. Кроме того, социальные сети, обладая высокой визуальной привлекательностью (фотографии, короткие видео), вызывают более сильный эмоциональный отклик, что дополнительно блокирует аналитические функции мозга.

Заключение и выводы

Проведенное исследование убедительно доказывает, что феномен цифровой многозадачности носит ярко выраженный дезадаптивный характер в контексте образовательной деятельности. Предоставление учащимся старших классов возможности параллельного использования мобильных телефонов для неформальной комму-

никации (социальные сети, мессенджеры) во время занятий критически снижает их способность к усвоению сложного профильного материала.

Несмотря на технологическую компетентность современных подростков, пределы человеческой памяти и когнитивной архитектуры остаются неизменными. Совмещение учебы с медиапотреблением приводит к перегрузке рабочей памяти, росту состояния фрустрации и снижению итогового балла на экзаменах.

В связи с этим, для повышения качества образования и сохранения психологического ресурса учащихся, необходимо внедрение практик цифровой гигиены в учебный процесс. Педагогам и психологам рекомендуется разрабатывать протоколы регламентированного использования гаджетов на уроках, а также проводить с учащимися разъяснительную работу о механизмах работы внимания и важности монозадачного подхода при подготовке к ответственному экзаменационным испытаниям.

Литература:

1. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Кошевая А. Г. Эффект Юлия Цезаря: типы медиамногозадачности у детей и подростков // Вопросы психологии. — 2020. — Т. 66. № 4. — С. 54–69.
2. Бойко А. С., Романова М. В. Поведение подростков в цифровой образовательной среде: к определению понятий и постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. — 2021. — Т. 10. № 3. — С. 188–196.
3. Фаликман М. В. Внимание и когнитивный контроль // Общая психология. В 7 т. / под ред. Б. С. Братуся. Т. 4. — М.: Академия, 2006. — С. 185–192.
4. Азаренок Н. В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Психология человека в современном мире. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. — С. 110–112.
5. Собкин В. С., Федотова А. В. Использование социальных сетей подростками: влияние на академическую успеваемость // Национальный психологический журнал. — 2019. — № 1 (33). — С. 34–45.

Влияние моделей педагогического сопровождения на вовлечённость и результативность онлайн-обучения взрослых женщин в программах well-being

Зайнуллина Диляра Ильдаровна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Хурматуллина Резеда Камилевна, кандидат педагогических наук, доцент
 Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается проблема вовлечённости и результативности онлайн-обучения взрослых женщин в программах личностного развития и well-being. Актуальность исследования обусловлена ростом распространённости цифровых образовательных форматов и сохраняющейся проблемой преждевременного прекращения обучения взрослыми обучающимися. Цель исследования заключается в выявлении влияния различных моделей педагогического сопровождения на вовлечённость и достижение образовательных результатов обучающимися. Исследование проведено на основе сравнительного анализа трёх моделей организации обучения: самостоятельного обучения, обучения с групповым сопровождением и обучения с персонализированным сопровождением преподавателя. Эмпирическую базу составили данные трёх последовательных потоков онлайн-программы well-being с участием женщин среднего возраста от 30 до 55 лет. Результаты исследования показали, что увеличение степени персонализации педагогического сопровождения сопровождается ростом доли обучающихся, достигших образовательного результата, а также повышением удовлетворённости обучением. Установлено, что результативность обучения в рассматриваемых программах определяется не объёмом потребляемого образовательного контента, а характером педагогического взаимодействия и уровнем индивидуализации сопровождения. Полученные результаты расширяют представления о роли педагогического сопровождения в онлайн-обучении взрослых и могут быть использованы при проектировании образовательных программ личностного развития в цифровой среде.

Ключевые слова: онлайн-обучение взрослых, женщины среднего возраста, педагогическое сопровождение, образование взрослых, персонализированное обучение, образовательный результат.

Цифровизация образования привела к активному распространению онлайн-обучения взрослых, однако высокая доля преждевременного прекращения участия в программах остаётся устойчивой характеристикой дистанционного формата. Современные исследования по-

казывают, что успешность онлайн-обучения определяется не только качеством образовательного контента, но и параметрами образовательной среды, включая наличие организационной и педагогической поддержки, характер взаимодействия и условия, учитывающие ограничения

взрослой аудитории [11, с.2; 13, с.4]. Проблема сохранения участия в обучении рассматривается как многофакторная, однако в исследованиях подчеркивается значимость педагогического взаимодействия как одного из управляемых факторов образовательной среды. Для взрослых обучающихся, совмещающих профессиональные и семейные роли, дефицит времени и недостаток поддержки усиливают риск снижения учебной активности и прекращения обучения [9, с. 13].

Особую специфику проблема устойчивости участия приобретает в онлайн-программах личностного развития и формирования благополучия (well-being), где образовательный результат носит отсроченный и субъективный характер. В подобных программах достижение результата связано с регулярной практикой и рефлексией, что усиливает зависимость успешности обучения от педагогических условий и качества сопровождения. Эмпирические исследования подтверждают связь между наличием тьюторской или консультационной поддержки и вероятностью сохранения обучающихся в программе [8, с. 457; 16, с.1438].

Таким образом, возникает противоречие между расширяющимися возможностями цифрового онлайн-обучения, обеспечивающего доступность образовательного контента, и необходимостью педагогически организованной поддержки, обеспечивающей вовлечённость и результативность обучения взрослых в программах личностного развития. Указанное противоречие актуализирует исследование сравнительной эффективности различных моделей педагогического сопровождения в онлайн-обучении взрослых.

Объект исследования — онлайн-обучение женщин среднего возраста (30–55 лет) в программах личностного развития.

Предмет исследования — модели педагогического сопровождения в онлайн-обучении взрослых.

Цель исследования — выявить влияние различных моделей педагогического сопровождения на вовлечённость и результативность обучения женщин среднего возраста в онлайн-программах well-being.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что персонализированное педагогическое сопровождение способствует повышению вовлечённости обучающихся и увеличивает вероятность достижения ими образовательных результатов по сравнению с самостоятельными и групповыми форматами обучения.

2. Обзор литературы

2.1. Андрагогические особенности обучения взрослых и специфика участия женщин в образовательных практиках

Современные исследования образования взрослых основываются на андрагогическом подходе, рассматривающем взрослого обучающегося как субъекта обучения,

обладающего сформированным жизненным опытом, внутренней мотивацией и потребностью в практической применимости образовательных результатов. Взрослые обучающиеся характеризуются высокой степенью самостоятельности, однако эффективность их обучения во многом зависит от возможности соотнесения образовательного содержания с личным опытом и текущими жизненными задачами, а также от наличия условий, поддерживающих устойчивость образовательной активности. В последние годы наблюдается устойчивый рост участия женщин в онлайн-образовании, что делает данную группу значимой аудиторией современных образовательных практик. По данным международных исследований платформы Coursera, женщины составляют около 45 % общего числа обучающихся, при этом доля новых регистраций среди женщин достигала 50 % в 2021 году, что свидетельствует о расширении их участия в цифровом образовании [6, с.4].

Отмечается также, что медианный возраст женщин, обучающихся онлайн, составляет около 31 года, что соответствует периоду высокой профессиональной и социальной активности и совмещения нескольких жизненных ролей. Указанные тенденции подтверждают высокую образовательную активность женщин в среднем возрасте и одновременно актуализируют вопрос о педагогических условиях устойчивости их участия в обучении.

Ряд исследований подтверждает, что участие женщин во взрослом образовании имеет свои особенности, связанные с совмещением профессиональных, семейных и социальных обязанностей. Образовательная активность в данной группе нередко сопряжена с ограниченностью временных ресурсов, повышенной эмоциональной нагрузкой и необходимостью распределения внимания между обучением и другими сферами жизни. В связи с этим образовательное поведение женщин чаще характеризуется прерывистостью участия и повышенной чувствительностью к качеству образовательной среды и межличностного взаимодействия. Дополнительное значение данный фактор приобретает в условиях онлайн-обучения, где высокая степень автономии обучающегося требует развитых навыков саморегуляции и поддержания мотивации. Особую значимость данная специфика приобретает в программах личностного развития и well-being, которые входят в число наиболее востребованных направлений онлайн-обучения среди женщин. По данным аналитических материалов, курсы, связанные с благополучием и личностным развитием, демонстрируют устойчиво высокий интерес со стороны женской аудитории независимо от страны проживания [5]. В подобных образовательных форматах результат обучения связан с личностными изменениями и рефлексией собственного опыта, что усиливает зависимость успешности обучения от субъективного восприятия образовательной среды и характера педагогического взаимодействия.

Исследования в области образования взрослых женщин и программ личностного развития указывают,

что значимым фактором устойчивости участия становится наличие поддерживающего взаимодействия, обеспечивающего ощущение психологической безопасности и принятия в образовательной среде. Подобные условия способствуют сохранению внутренней мотивации, повышают вовлечённость обучающихся и снижают риск преждевременного прекращения обучения. Указанные особенности образовательного участия взрослых женщин в сочетании со спецификой цифровой образовательной среды актуализируют необходимость рассмотрения проблемы сохранения вовлечённости и устойчивости участия обучающихся в онлайн-программах, что обуславливает обращение к анализу факторов удержания взрослых женщин в условиях дистанционного обучения.

2.2. Онлайн-обучение взрослых женщин и проблема удержания в программах личностного развития

Расширение практик онлайн-обучения взрослых сопровождалось ростом интереса исследователей к проблеме сохранения вовлечённости обучающихся и завершения образовательных программ. Несмотря на доступность цифровых образовательных ресурсов и гибкость онлайн-форматов, одной из устойчивых характеристик дистанционного обучения остаётся высокая доля преждевременного прекращения участия в курсах. В систематическом обзоре исследований онлайн-дистанционного образования взрослых обучающихся показано, что трудности сохранения участия носят комплексный характер и включают внутренние факторы (саморегуляция, управление временем), внешние факторы (профессиональные и семейные обязанности), а также программно обусловленные факторы, связанные с особенностями образовательной среды и уровнем взаимодействия с преподавателем. При этом указанные группы факторов взаимосвязаны и в совокупности определяют вероятность продолжения или прекращения обучения [9, с.15]. В отношении взрослой аудитории данная проблема проявляется особенно выражено, поскольку обучение осуществляется параллельно с профессиональной деятельностью, семейными обязанностями и другими социальными ролями. Для женщин в возрасте активной профессиональной и семейной занятости онлайн-обучение часто становится дополнительной деятельностью, требующей самостоятельного распределения ресурсов времени и внимания. По данным международных исследований онлайн-обучения, женщины активно вовлечены в цифровое образование, однако одновременно отмечается влияние внешних факторов — высокой занятости и совмещения ролей — на устойчивость участия в образовательных программах [5].

Особую специфику проблема удержания приобретает в программах личностного развития и well-being. В отличие от профессионально ориентированных курсов, где образовательный результат может быть оперативно зафиксирован через освоение навыка или получение квалификации, в программах, направленных на личностные из-

менения, результат носит субъективный и отсроченный характер. Обучающимся требуется регулярное включение в практики самонаблюдения, рефлексии и изменения повседневных привычек, что повышает требования к устойчивости мотивации и образовательной поддержки. Отдельно подчёркивается, что недостаток взаимодействия и своевременной обратной связи в онлайн-среде приводит к формированию чувства изоляции обучающихся, которое рассматривается как один из значимых факторов снижения вовлечённости и отказа от продолжения обучения. В связи с этим взаимодействие с преподавателем и другими участниками образовательного процесса рассматривается как один из предикторов успешности обучения взрослых в дистанционном формате [9, с.17]. Исследования онлайн-обучения взрослых показывают, что отсутствие регулярного взаимодействия с преподавателем или куратором повышает вероятность снижения активности и прекращения участия в обучении. В систематических обзорах дистанционного обучения отмечается, что ощущение социальной изоляции и недостаток обратной связи являются значимыми факторами снижения вовлечённости обучающихся, тогда как наличие взаимодействия и поддерживающей коммуникации способствует сохранению образовательной активности.

Исследования также показывают, что предоставление обучающимся постоянного педагогического сопровождения и консультативной поддержки способствует повышению устойчивости участия взрослых обучающихся в онлайн-программах и рассматривается как один из способов преодоления факторов, приводящих к преждевременному прекращению обучения [9, с.14]. Таким образом, анализ научных источников позволяет сделать вывод о том, что проблема удержания обучающихся в онлайн-программах личностного развития имеет не только организационный, но и педагогический характер. Для взрослых женщин, совмещающих обучение с другими социальными ролями, устойчивость участия в образовательном процессе во многом определяется условиями образовательного взаимодействия и наличием поддерживающей среды, что обуславливает необходимость дальнейшего рассмотрения педагогического сопровождения как одного из ключевых факторов эффективности онлайн-обучения.

2.3. Педагогическое сопровождение как фактор устойчивости онлайн-обучения взрослых женщин

В современной педагогике педагогическое сопровождение рассматривается как форма организации образовательного взаимодействия, направленная на поддержку индивидуальной образовательной траектории обучающегося, развитие рефлексии и сохранение устойчивости участия в образовательном процессе. В исследованиях образования взрослых сопровождение связывается с созданием условий, способствующих осмыслению образовательного опыта, поддержанию мотивации и преодо-

лению трудностей, возникающих в процессе обучения. В работах, посвящённых тьюторскому сопровождению взрослых обучающихся в дистанционном формате, подчёркивается, что сопровождение выступает механизмом организации образовательной активности и способствует повышению эффективности освоения краткосрочных образовательных программ [3, с. 83]. В условиях онлайн-образования значимость педагогического сопровождения возрастает в связи с ограниченностью непосредственного взаимодействия между участниками образовательного процесса. Исследования дистанционного обучения показывают, что регулярная обратная связь, возможность получения разъяснений и наличие поддерживающего взаимодействия с преподавателем или куратором способствуют формированию у обучающихся ощущения включённости в образовательную среду и снижению риска преждевременного прекращения обучения. Так, эмпирические исследования дистанционного образования демонстрируют связь между восприятием обучающимися тьюторской поддержки и вероятностью сохранения участия в образовательной программе; увеличение уровня поддержки сопровождается ростом показателей удержания обучающихся [8, с. 462].

Дополнительные исследования устойчивости онлайн-обучения показывают, что сохранение образовательной активности взрослых обучающихся определяется не только качеством образовательного контента, но и характеристиками образовательного взаимодействия, включая наличие поддержки и сопровождения. В частности, исследования факторов устойчивости в онлайн-обучении указывают, что взаимодействие и сопровождение рассматриваются как значимые элементы образовательной среды, компенсирующие риски снижения вовлечённости и учебной активности [14, с. 4]. Особое значение педагогическое сопровождение приобретает в обучении взрослых женщин, для которых образовательная деятельность нередко осуществляется в условиях высокой занятости и совмещения нескольких социальных ролей. В подобных условиях сопровождение выполняет не только информационную, но и поддерживающую функцию, способствуя сохранению образовательной активности и интеграции образовательного опыта в повседневную практику. Поддерживающее взаимодействие позволяет снизить уровень неопределённости в образовательном процессе и способствует формированию психологически безопасной образовательной среды, что особенно значимо для программ личностного развития и *well-being*.

Вместе с тем анализ научной литературы показывает, что педагогическое сопровождение чаще рассматривается как целостный педагогический феномен, тогда как различия между отдельными моделями сопровождения и их влияние на вовлечённость и результативность обучения изучены недостаточно. В большинстве исследований внимание сосредоточено на наличии или отсутствии поддержки в целом, без сопоставления эффективности различных форм её организации, включая самостоятельное

обучение, групповое сопровождение и персонализированное взаимодействие с преподавателем. Таким образом, сохраняется исследовательский дефицит, связанный с эмпирическим сравнением различных моделей педагогического сопровождения в онлайн-программах личностного развития взрослых женщин, что обуславливает необходимость проведения настоящего исследования.

3. Методология исследования

3.1. База и организация исследования

Исследование проводилось на базе онлайн-программы, ориентированной на личностное развитие и формирование практик *well-being* у взрослых обучающихся. Программа включала образовательные материалы в цифровом формате (видеоуроки, текстовые материалы, практические задания), направленные на формирование навыков саморегуляции, осознанности и изменения повседневных поведенческих практик. Продолжительность программы составляла один месяц.

Экспериментальная работа осуществлялась в течение трёх последовательных потоков обучения, что позволило обеспечить повторяемость условий исследования и снизить влияние случайных факторов. Участниками исследования стали женщины в возрасте от 30 до 55 лет (женщины среднего возраста). Общее количество участниц составило около 900 человек, распределённых на три группы по 100 человек в каждом потоке обучения.

Содержание образовательной программы, структура курса, сроки доступа к материалам и образовательные задания были идентичны для всех участниц. Различия между группами заключались исключительно в формате педагогического сопровождения.

3.2. Дизайн исследования

В исследовании использовался сравнительный экспериментальный дизайн, направленный на выявление влияния различных моделей педагогического сопровождения на вовлечённость обучающихся и результативность обучения.

Были выделены три группы:

1. Группа самостоятельного обучения — участницы получали доступ к образовательным материалам и выполняли задания без дополнительного педагогического сопровождения.

2. Группа группового сопровождения — участницы проходили обучение с поддержкой куратора, который осуществлял сопровождение в общем образовательном чате, предоставлял дополнительные разъяснения и поддерживал групповую коммуникацию.

3. Группа персонализированного сопровождения — участницы обучались при сочетании группового сопровождения и индивидуального взаимодействия с преподавателем, включающего регулярную обратную связь, ответы

на вопросы и поддержание образовательного контакта в течение всего периода обучения.

Следует отметить, что формат участия различался по стоимости: программа без сопровождения имела базовую стоимость, программа с групповым сопровождением — увеличенную стоимость, а программа с персонализированным сопровождением — максимальную. Данное обстоятельство рассматривается как возможное ограничение исследования, поскольку не исключает влияния дополнительной мотивации обучающихся, связанной с финансовыми вложениями.

3.3. Методы сбора данных

Для оценки вовлечённости обучающихся и результативности обучения использовались количественные и качественные показатели.

К количественным показателям относились:

- данные аналитики образовательной платформы (частота входа в систему, просмотр образовательных материалов);

- процент выполнения практических заданий;
- доля обучающихся, завершивших курс.

Для оценки субъективной удовлетворённости обучением использовались:

- индекс удовлетворённости обучением (CSI);
- индекс готовности рекомендовать курс (NPS);
- анкетирование обучающихся по факту достижения целей, поставленных на начало обучения.

Дополнительно в группах сопровождения фиксировалась оценка работы куратора и преподавателя на основании итогового анкетирования участниц.

3.4. Методы анализа данных

Анализ данных носил сравнительный характер и был направлен на выявление различий между группами по показателям вовлечённости, завершения обучения и субъективной удовлетворённости образовательным процессом. Сравнение результатов проводилось между тремя моделями педагогического сопровождения с целью выявления их влияния на устойчивость участия обучающихся в онлайн-программе.

4. Результаты исследования

В рамках исследования проводилось сравнительное изучение влияния различных моделей педагогического сопровождения на вовлечённость обучающихся и результативность онлайн-обучения женщин среднего возраста в программе well-being. Анализ результатов осуществлялся на основе агрегированных данных трёх последовательных потоков обучения. Полученные показатели демонстрировали устойчивую тенденцию, воспроизводившуюся во всех потоках, при отсутствии существенных различий между отдельными периодами проведения программы.

Таблица 1. Сравнительные показатели результативности и вовлечённости обучающихся в зависимости от модели педагогического сопровождения (средние значения за три потока обучения)

Показатель	Самостоятельное обучение	Групповое сопровождение (куратор)	Персонализированное сопровождение (куратор + преподаватель)
Достижение образовательного результата (%)	23	48	84
Просмотр учебных материалов (%)	70	89	60
Выполнение практических заданий (%)	—	75	98
CSI (5-балльная шкала)	3,0	4,7	4,8
NPS (9-балльная шкала)	7,5	9,0	9,4

Примечание: значения представлены как средние показатели по трём последовательным потокам обучения; существенных различий между потоками не выявлено.

4.1. Достижение образовательного результата

Основным показателем результативности обучения выступал процент обучающихся, достигших целей, сформулированных ими на начальном этапе обучения и зафиксированных в итоговом анкетировании.

Сравнительный анализ показал значительные различия между исследуемыми группами. В группе самостоятельного обучения доля участниц, достигших заявленного результата, составила 23 %. В группе, проходившей обучение с групповым сопровождением куратора, данный показатель увеличился до 48 %. Наиболее высокие зна-

чения были зафиксированы в группе персонализированного сопровождения (куратор и преподаватель), где достижение образовательного результата составило 84 %.

Полученные данные свидетельствуют о выраженных различиях в результативности обучения в зависимости от модели педагогического сопровождения.

4.2. Показатели вовлечённости обучающихся

Вовлечённость обучающихся оценивалась на основе данных аналитики образовательной платформы, отражающих долю просмотренных учебных материалов, а также

процент выполнения практических заданий в группах сопровождения.

Средняя доля просмотренных уроков в группе самостоятельного обучения составила 70 %, в группе с групповым сопровождением — 89 %, тогда как в группе персонализированного сопровождения данный показатель составил 60 %. При этом в группах сопровождения наблюдались различия в выполнении практических заданий: в группе с кураторским сопровождением задания выполняли 75 % обучающихся, тогда как в группе с персонализированным сопровождением данный показатель достигал 98 %. Таким образом, показатели вовлечённости демонстрируют различия не только в количественной активности обучающихся на платформе, но и в характере образовательного взаимодействия.

4.3. Удовлетворённость обучением

Дополнительная оценка эффективности обучения проводилась на основе показателей удовлетворённости обучающихся образовательным процессом. Среднее значение индекса удовлетворённости обучением (CSI) в группе самостоятельного обучения составило 3,0 балла по пятибалльной шкале, в группе с кураторским сопровождением — 4,7 балла, а в группе персонализированного сопровождения — 4,8 балла.

Показатели индекса готовности рекомендовать программу (NPS) также демонстрировали различия между группами: 7,5 балла в группе самостоятельного обучения, 9,0 балла в группе группового сопровождения и 9,4 балла в группе персонализированного сопровождения.

Полученные результаты подтверждают различия в субъективной оценке образовательного опыта обучающимися в зависимости от форм организации педагогического сопровождения.

5. Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют рассматривать педагогическое сопровождение как значимый фактор, влияющий на вовлечённость и результативность онлайн-обучения женщин среднего возраста в программах личностного развития и well-being. Сравнительный анализ трёх моделей обучения показал устойчивую зависимость между степенью персонализации сопровождения и долей обучающихся, достигших образовательного результата, что подтверждает выдвинутую гипотезу исследования. Результаты исследования соотносятся с положениями андрагогики, согласно которым обучение взрослых характеризуется высокой степенью самостоятельности обучающихся, однако требует условий, поддерживающих мотивацию и способствующих осмыслению образовательного опыта. В условиях онлайн-обучения отсутствие регулярного педагогического взаимодействия может усиливать трудности саморегуляции и снижать устойчивость образовательной активности, что проявилось в наиболее

низких показателях достижения результата в группе самостоятельного обучения. Полученные данные также согласуются с результатами исследований онлайн-образования взрослых, указывающих на значимость взаимодействия и обратной связи как факторов сохранения участия обучающихся в образовательных программах [9, с.17]. Повышение результативности в группах сопровождения свидетельствует о том, что педагогическая поддержка выполняет не только информационную, но и мотивационную и регулятивную функцию, способствуя поддержанию образовательной активности в течение всего периода обучения.

Особое внимание заслуживает выявленное различие между показателями просмотра образовательных материалов и достижением образовательного результата. В группе персонализированного сопровождения, продемонстрировавшей наибольшую долю достижения целей, наблюдался более низкий показатель просмотра уроков по сравнению с группой группового сопровождения. Данный результат позволяет предположить, что в программах личностного развития результативность обучения определяется не объёмом потребляемого образовательного контента, а качеством педагогического взаимодействия и степенью индивидуализации сопровождения. Персонализированное взаимодействие с преподавателем в данном случае выступает фактором переработки и осмысления образовательного материала, снижая необходимость повторного обращения к контенту.

Полученные результаты имеют особое значение в контексте обучения женщин среднего возраста, для которых образовательная деятельность часто осуществляется в условиях совмещения нескольких социальных ролей. В подобных условиях педагогическое сопровождение способствует снижению когнитивной и организационной нагрузки, обеспечивая поддержку в процессе освоения материала и интеграции образовательных практик в повседневную жизнь. Это согласуется с исследованиями, указывающими на значимость поддерживающей образовательной среды и регулярного взаимодействия для сохранения вовлечённости взрослых обучающихся. Вместе с тем результаты исследования позволяют выявить и ограничения рассматриваемой модели. Снижение показателей просмотра образовательных материалов в группе персонализированного сопровождения может свидетельствовать о частичном переносе образовательной активности из цифровой среды в формат взаимодействия с преподавателем. Данное обстоятельство указывает на необходимость дальнейшего изучения баланса между самостоятельной образовательной активностью и педагогической поддержкой в онлайн-программах личностного развития.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что увеличение степени персонализации педагогического сопровождения связано с ростом вовлечённости и результативности обучения женщин среднего возраста в онлайн-программах well-being, а педагогическое взаимодействие выступает ключевым фактором устойчивости

образовательного процесса в рассматриваемом типе программ.

6. Выводы

1. Проведённое исследование показало, что модель педагогического сопровождения является значимым фактором, влияющим на вовлечённость и результативность онлайн-обучения женщин среднего возраста (30–55 лет) в программах личностного развития и well-being.

2. Установлено, что самостоятельный формат обучения при наличии доступа к образовательному контенту демонстрирует наименьшие показатели достижения образовательного результата, что подтверждает недостаточность цифровых образовательных ресурсов без педагогической поддержки в рассматриваемом типе программ.

3. Групповое педагогическое сопровождение способствует повышению вовлечённости обучающихся и улуч-

шению образовательных результатов, однако не обеспечивает максимальной результативности для всех участников образовательного процесса.

4. Наиболее высокие показатели достижения образовательного результата зафиксированы в условиях персонализированного педагогического сопровождения, включающего регулярное индивидуальное взаимодействие обучающегося с преподавателем.

5. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в онлайн-программах личностного развития образовательный результат определяется не объёмом потребления образовательного контента, а характером педагогического взаимодействия и степенью индивидуализации сопровождения.

6. Результаты исследования могут быть использованы при проектировании онлайн-программ для взрослых обучающихся, ориентированных на личностные изменения, а также при разработке моделей педагогического сопровождения в цифровой образовательной среде.

Литература:

1. Андреев А. А. Дистанционное обучение: теория и практика. — М.: Академия, 2013.
2. Битянова М. Р. Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса. — М.: Генезис, 2000.
3. Воронцова А. Ю., Воронцов Д. Б. Подготовка и сопровождение тьюторов для реализации онлайн-курсов в системе ДПО // Ярославский педагогический вестник. — 2022. — № 3 (126). — С. 77–88. — DOI: 10.20323/1813-145X-2022-3-126-77-88.
4. Змеёв С. И. Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых. — М.: ПЕП СЭ, 2007.
5. Как и чему учатся женщины онлайн в России и мире // Forbes Education. — URL: <https://www.forbes.ru/education/518095-kak-i-cemu-ucatsa-zensiny-onlajn-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 10.02.2026).
6. Coursera. Women and Skills Report 2021. — URL: <https://about.coursera.org/press/wp-content/uploads/2021/09/Coursera-Women-and-Skills-Report-2021.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).
7. Coursera опубликовала отчет об онлайн-обучении женщин // Skillbox Media. — URL: <https://skillbox.ru/media/education/coursera-opublikovala-otchyet-ob-onlajn-obuchenii-zhenshchin/> (дата обращения: 10.02.2026).
8. Arhin V., Laryea J. E. Tutoring Support as a Predictor of Student Retention in Distance Learning: The Case of a University in Ghana // Open Praxis. — 2020. — Vol. 12, no. 4. — P. 457–468. — DOI: 10.5944/openpraxis.12.4.1124.
9. Kara M., Erdoğan F., Kokoç M., Cagiltay K. Challenges Faced by Adult Learners in Online Distance Education: A Literature Review // Open Praxis. — 2019. — Vol. 11, no. 1. — P. 5–22. — DOI: 10.5944/openpraxis.11.1.929.
10. Knowles M. S. The Modern Practice of Adult Education: From Pedagogy to Andragogy. — New York: Cambridge Books, 1980.
11. Lu E., Hong S., Xiao L. Toward High-Quality Adult Online Learning: A Systematic Review of Empirical Studies // Sustainability. — 2022. — Vol. 14, no. 4. — Art. 2257. — DOI: 10.3390/su14042257.
12. Merriam S. B., Bierema L. L. Adult Learning: Linking Theory and Practice. — San Francisco: Jossey-Bass, 2014.
13. Rahmani A. M., Groot W., Rahmani H. Dropout in Online Higher Education: A Systematic Literature Review // International Journal of Educational Technology in Higher Education. — 2024. — Vol. 21. — Art. 19. — DOI: 10.1186/s41239-024-00450-9.
14. Shaikh U. U., Asif Z. Persistence and Dropout in Higher Online Education: Review and Categorization of Factors // Frontiers in Psychology. — 2022. — Vol. 13. — Art. 902070. — DOI: 10.3389/fpsyg.2022.902070.
15. Simpson O. Supporting Students for Success in Online and Distance Education. — London: Routledge, 2013.
16. Teich K., Looock V., Rummel N. Meeting the Challenges of Continuing Education Online Courses: Can We Promote Self-Regulated Learning Strategies with Adaptive Support? // British Journal of Educational Technology. — 2024. — Vol. 55, no. 4. — P. 1437–1455. — DOI: 10.1111/bjet.13453.
17. Xie K., Di Tosto G., Chen X., Vongkulluksn V. A Systematic Review of Online Learning Persistence Research // Educational Technology Research and Development. — 2018. — Vol. 66. — P. 1–24.

Психологические факторы приверженности здоровому образу жизни в студенческой среде: гендерный аспект

Ильина Ольга Евгеньевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена изучению психологических факторов приверженности здоровому образу жизни у студенческой молодежи. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке из 50 студентов (25 юношей и 25 девушек) в возрасте 18–23 лет. С использованием комплекса стандартизированных методик (опросник «Профиль здорового образа жизни», шкала тревожности Спилбергера — Ханина, индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик, опросник Г. Айзенка) выявлены структурные особенности приверженности здоровому образу жизни, а также гендерная специфика взаимосвязей между его компонентами и личностными свойствами. Установлено, что общий уровень приверженности здоровому образу жизни у студентов является средним, при этом поведенческие компоненты (физическая активность, управление стрессом, питание) развиты слабее, чем психосоциальные (внутренний рост, межличностные отношения). Статистически значимых различий между юношами и девушками по уровню приверженности здоровому образу жизни не обнаружено, однако выявлена выраженная гендерная специфика корреляционных связей с личностными особенностями. Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ психолого-педагогического сопровождения, направленных на повышение приверженности студентов к здоровому образу жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, приверженность, студенческая молодежь, личностные особенности, тревожность, гендерные различия, психология здоровья.

Введение

В современных условиях здоровье населения рассматривается как ключевой ресурс развития государства и общества. Особую значимость проблема сохранения здоровья приобретает в студенческой среде, поскольку именно в период обучения в вузе закладываются основы образа жизни, формируются привычки и паттерны поведения, определяющие здоровье на последующих этапах жизненного пути [2]. Согласно данным многочисленных исследований, в студенческой среде наблюдается противоречие между декларируемой ценностью здоровья и реальным поведением: при достаточно высокой информированности о принципах здорового образа жизни многие студенты демонстрируют недостаточную физическую активность, нарушения режима питания, несформированность навыков совладания со стрессом [1, 4].

В психологии здоровья для описания осознанного и устойчивого следования принципам здорового образа жизни используется понятие «приверженность» (adherence), которое, в отличие от «комплаенса» (пассивного следования предписаниям), отражает активную, субъектную позицию личности в отношении сохранения собственного здоровья [3]. Изучение психологических факторов, детерминирующих приверженность здоровому образу жизни, является актуальной задачей, решение которой позволит повысить эффективность профилактических и здоровьесберегающих программ в образовательной среде.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота

имени адмирала С. О. Макарова. Выборку составили 50 студентов (25 девушек и 25 юношей) в возрасте от 18 до 23 лет. Участие в исследовании было добровольным, все респонденты подписали информированное согласие.

Анализ данных анкетирования показал, что все респонденты признают важность здорового образа жизни, однако лишь 36 % считают его доминирующей ценностью в своей жизни. Большинство студентов (58 %) никогда не курили. Основными источниками информации о здоровом образе жизни выступают интернет (72 %) и межличностное общение (82 %), тогда как к специальной литературе обращаются лишь 12 % опрошенных. Главным барьером для соблюдения здорового образа жизни респонденты назвали дефицит времени (76 %).

В результате диагностики приверженности по опроснику «Профиль здорового образа жизни» [5], статистически значимых различий между юношами и девушками по всем шкалам не выявлено. Общий уровень приверженности в обеих группах является средним.

Выявлен структурный дисбаланс: наиболее высокие показатели зафиксированы по шкалам психосоциального благополучия — «Внутренний рост» и «Межличностные отношения» (высокий уровень), тогда как поведенческие компоненты — «Физическая активность», «Управление стрессом», «Питание» — находятся на среднем уровне, что подтверждает наличие разрыва между ценностным отношением к здоровью.

Анализ тревожности показал, что для студентов характерен умеренный уровень как ситуативной. Гендерных различий не обнаружено.

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между компонентами приверженности здоровому образу жизни и индивидуально-психологическим свой-

ствами личности, имеющие выраженную гендерную специфику.

В группе девушек успешность в построении межличностных отношений и эффективное совладание со стрессом сопряжены с более низким уровнем спонтанности (импульсивности), а сензитивность выступает личностной основой для внутреннего роста. В группе юношей ригидность и агрессивность проявляют адаптивный потенциал, будучи связанными с большинством компонентов здорового образа жизни. Спонтанность у юношей находит реализацию в физической активности, а лабильность способствует формированию гибких стратегий совладания со стрессом.

Статистически значимых корреляций между показателями тревожности и компонентами здоровый образ жизни не обнаружено ни в одной из групп.

Обсуждение результатов

Полученные данные согласуются с результатами исследований [1; 4], в которых также отмечается наличие разрыва между информированностью о здоровом образе жизни и реальным поведением студенческой молодежи. Выявленный средний уровень приверженности здоровому образу жизни и дефицит поведенческих компонентов могут быть объяснены объективными факторами студенческой жизни: высокой учебной нагрузкой, дефицитом времени, гиподинамией, обусловленной характером учебной деятельности и досуга.

Отсутствие гендерных различий в уровне приверженности здоровый образ жизни свидетельствует о том, что в современной студенческой среде ценность здоровья и проблемы его сохранения одинаково значимы как для юношей, так и для девушек. Это позволяет разрабатывать единые стратегии психолого-педагогического сопровождения, не дифференцированные по полу.

Наибольший интерес представляет выявленная гендерная специфика взаимосвязей приверженности здоровому образу жизни с личностными свойствами. У девушек ключевую роль играют свойства, связанные с эмоциональной чувствительностью и контролем им-

пульсивности (сензитивность, низкая спонтанность), что может быть обусловлено традиционными социокультурными ожиданиями, предъявляемыми к женскому поведению (эмпатийность, рефлексивность, нормативность). У юношей, напротив, адаптивный потенциал проявляют свойства, традиционно ассоциируемые с маскулинностью — ригидность (настойчивость, устойчивость) и агрессивность (активность, конкурентность). Эти черты обеспечивают юношам возможность последовательно реализовывать здоровьесберегающие стратегии, преодолевать препятствия и использовать активные копинг-стратегии.

Отсутствие связей с тревожностью может указывать на то, что в данной возрастной группе при умеренном уровне тревоги она не выступает существенным препятствием или стимулом для здоровьесберегающего поведения, уступая по значимости более устойчивым личностным диспозициям.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. У студентов независимо от пола преобладает средний уровень приверженности здоровому образу жизни, характеризующийся дисбалансом между высокими показателями психосоциального благополучия и недостаточной развитостью поведенческих компонентов (физическая активность, управление стрессом, питание).

2. Статистически значимых гендерных различий в уровне и структуре приверженности здоровому образу жизни не обнаружено, что позволяет рассматривать студенческую группу как однородную по исследуемым параметрам.

3. Установлены значимые взаимосвязи между компонентами приверженности здоровому образу жизни и индивидуально-типологическими свойствами личности, имеющие выраженную гендерную специфику. У девушек приверженность здоровому образу жизни связана с сензитивностью и низкой спонтанностью, у юношей — с ригидностью, агрессивностью, спонтанностью и лабильностью.

Литература:

1. Денисова О. А., Денисов А. П. Приверженность учащейся молодежи здоровому образу жизни: результаты социологического исследования // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70, № 2. С. 13.
2. Лисицын Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. — 2-е изд. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 512 с.
3. Лукина Ю. В., Кутишенко Н. П., Марцевич С. Ю. Приверженность лечению: современный взгляд на знакомую проблему // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2017. № 1. С. 91–95.
4. Петраш М. Д., Муртазина И. Р. Понятие «здоровый образ жизни» в психологических исследованиях // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2018. № 2. С. 152–165.
5. Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Муртазина И. Р. Валидизация опросника «Профиль здорового образа жизни» на российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 164–190.

Сравнительный анализ родительского влияния в многодетных и малодетных семьях с учетом стажа брака и психологических характеристик родителей

Камчыбек кызы Айдана, студент магистратуры

Научный руководитель: Агеева Ирина Александровна, кандидат медицинских наук, доцент
Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан)

В статье представлен теоретический анализ, направленный на выявление опосредующей роли психологического благополучия родителей и модулирующего влияния типа семьи во взаимосвязи между стажем брака и родительскими установками. На основе анализа и синтеза классических и современных отечественных и зарубежных исследований показано, что влияние стажа брака на родительские установки носит нелинейный U-образный характер и опосредуется изменениями удовлетворённости браком и накоплением родительского опыта. Установлено, что психологическое благополучие родителей, включающее ресурсы самооффективности и степень подверженности выгоранию, выступает ключевым медиатором данной взаимосвязи. Показано, что тип семьи, определяемый количеством детей, модифицирует выявленные зависимости: в многодетных семьях повышаются риски хронической нагрузки и эмоционального выгорания, в малодетных — риски интенсивного родительства, повышенной тревожности и гиперконтроля. Полученные результаты могут быть использованы при разработке дифференцированных программ психопрофилактики и психологического сопровождения родителей.

Ключевые слова: родительские установки, многодетная семья, малодетная семья, стаж брака, психологическое благополучие, удовлетворённость браком, родительский стресс, теоретический обзор.

Постановка проблемы. Современная семья претерпевает существенные трансформации, в результате которых сосуществуют различные модели семейной организации. Родительские установки формируются под влиянием совокупности контекстуальных и внутриличностных факторов, среди которых особый интерес представляют стаж брака и психологическое благополучие родителей. Эти факторы по-разному влияют на формирование родительских установок в семьях с различным количеством детей. Актуальность статьи обусловлена необходимостью интеграции разрозненных эмпирических и теоретических данных и построения целостной модели формирования родительских установок с учётом супружеских и личностных факторов в мало- и многодетных семьях.

Цель статьи — теоретический анализ проблемы взаимосвязи психологического благополучия и родительских установок с учётом стажа брака и количества детей в семье.

Изложение основного материала. Для анализа детерминант родительских установок целесообразно опираться на чётко структурированные теоретические модели. В российской психологии широко используется трёхкомпонентная модель родительского отношения, разработанная В. В. Столиным, Е. Т. Соколовой и А. Я. Варгой [12]; она включает эмоциональный (принятие/отвержение), когнитивный (образ ребёнка) и поведенческий (стиль взаимодействия) компоненты. Более детализированной является пятикомпонентная модель К. Н. Белогай [2], выделяющая такие аспекты, как эмоциональная близость, тревожность за ребёнка, последовательность требований, сотрудничество и контроль; она позволяет анализировать как внешние проявления родительского отношения, так и его внутренние детерминанты. Важным дополнением выступает структурный подход С. Минухина и Ч. Фишмана [8], в рамках которого родительские установки рас-

сматриваются в контексте семейной системы; параметры границ и иерархии оказывают влияние на воспитательные стратегии, что особенно важно при сравнительном анализе семей с разным количеством детей.

Влияние стажа брака на родительские установки носит нелинейный характер и опосредуется определёнными факторами. Классические исследования, начиная с работы Ю. Е. Алешиной [1], а также современные данные, включая мета-анализ зарубежных авторов С. Брауна и А. Бута [15], подтверждают U-образную динамику удовлетворённости браком: наиболее высокие показатели удовлетворённости наблюдаются на начальных этапах и после периода «опустевшего гнезда», тогда как в середине семейного цикла (совпадающего с активным родительством) удовлетворённость снижается. Кризисные периоды часто совпадают с определёнными этапами родительства, и снижение удовлетворённости браком в эти периоды негативно отражается на эмоциональном климате воспитания. По данным Е. В. Белоус [3], прохождение этих кризисов может смягчаться или усугубляться фактором личностной совместимости супругов.

Параллельно с увеличением стажа брака накапливается родительский опыт, способствующий развитию компетентности и реалистичности установок, что показано в работах А. А. Мининой и Д. Я. Грибановой [6], а также в зарубежном исследовании М. Далли [16].

Таким образом, стаж брака оказывает двойственное влияние, создавая риски кризисов супружеских отношений и одновременно способствуя росту родительской рефлексии и компетентности, о чём пишет Е. Г. Трошихина [13].

Психологическое благополучие родителя выступает ключевым медиатором во взаимосвязи между стажем брака и родительскими установками. Дефицит благополучия проявляется через хронический стресс, эмоцио-

нальное выгорание и низкую самооэффективность, что напрямую связано с дисфункциональными установками. В исследовании Т. Ю. Фадеевой [14] на выборке матерей и отцов показано, что эмоциональное истощение коррелирует с авторитарными тенденциями и снижением чувствительности к потребностям ребёнка. С. С. Савеньшева и Ю. С. Разыграева [11] выявили, что у матерей детей с ограниченными возможностями здоровья низкая адаптивность и высокий уровень выгорания связаны с дефицитом социальной поддержки. В работе Ю. В. Мисюк [7] подчёркивается, что родительский стресс у женщин в условиях интенсивного материнства часто провоцируется противоречивыми ожиданиями и отсутствием ресурсов для их реализации.

Истоки благополучия часто лежат в опыте родительской семьи. Исследование Е. В. Романовой и А. С. Щербаковой [10] на основе эмпирического материала показало, что качество межпоколенческих отношений (эмоциональная близость с родителями, стиль воспитания в родительской семье) влияет на формирование супружеских отношений и удовлетворённость браком у взрослых людей. Те, кто вырос в атмосфере принятия и сотрудничества, чаще демонстрируют гармоничные супружеские отношения и более гибкие родительские установки. В работе О. А. Карабановой [4] отмечается, что личностное благополучие родителя одновременно является результатом истории его семьи и условием качества текущих детско-родительских отношений, создавая циклическую зависимость: благополучный родитель способен создать благоприятную среду для ребёнка, что в будущем станет основой благополучия следующего поколения.

Особое внимание уделяется родительской самооэффективности как важному ресурсу психологического благополучия. В лонгитюдном исследовании К. Н. Поливановой, И. Е. Вопиловой, Я. Я. Козьминой и соавторов [9] обнаружено, что родители с высокой самооэффективностью более уверены в своих воспитательных действиях, реже испытывают тревогу и чаще применяют демократический стиль воспитания. Я. Я. Козьмина и Е. В. Сивак [5] дополнили эти выводы, показав, что разногласия с родственниками по поводу правил ухода и воспитания могут существенно снижать самооэффективность матери, особенно в условиях отсутствия согласованной поддержки. Кроме того, в работе С. С. Савеньшевой и Ю. С. Разыграевой [11] отмечается, что социальная поддержка семьи и профессиональная помощь способствуют снижению выгорания и развитию посттравматического роста у родителей в сложных условиях.

Количество детей в семье выступает значимым контекстуальным условием, которое модифицирует действие описанных механизмов. В многодетных семьях хроническая высокая нагрузка на ресурсы усиливает и продлевает периоды снижения удовлетворённости браком, повышая уязвимость к стрессу и выгоранию. В исследовании Т. Ю. Фадеевой [14] выявлено, что у многодетных матерей уровень эмоционального истощения значимо

выше, чем у матерей с одним-двумя детьми, что связано с дефицитом времени на восстановление и супружеское общение. С. С. Савеньшева и Ю. С. Разыграева [11] подчёркивают, что дефицит времени на супружеские отношения проявляется особенно выражено. Основной патогенный путь здесь можно описать так: «нагрузка → риск выгорания → эмоциональное истощение → ригидность/авторитарность установок».

В малодетных семьях, напротив, условия «интенсивного родительства» создают риски высокой тревожности, гиперответственности и нестабильной самооэффективности, что ведёт к формированию установок гиперопеки или перфекционизма. В обзорной работе А. В. Конищевой [5], анализирующей современные подходы к родительскому отношению, указывается, что в малодетных семьях родители склонны вкладывать максимум ресурсов в каждого ребёнка, что порождает завышенные ожидания и страх не соответствовать идеалу «хорошего родителя». В исследовании Т. Ю. Фадеевой [14] описывается путь влияния следующим образом: «тревожность/завышенные ожидания → снижение ситуативной самооэффективности → гиперконтроль».

Заключение

Проведённый теоретический анализ классических и современных исследований (Ю. Е. Алешиной [1], О. А. Карабановой [4], С. Минухина [8], Е. В. Романовой и А. С. Щербаковой [10], К. Н. Поливановой с соавторами [9], М. Далли [16], Т. Ю. Фадеевой [14], Е. Г. Трошихиной [13], С. С. Савеньшевой и Ю. С. Разыграевой [11], С. Брауна и А. Бута [15]) позволил выделить ключевые механизмы формирования родительских установок и определить их модификацию в зависимости от стажа брака и количества детей в семье:

— **Нелинейное влияние стажа брака.** Родительские установки формируются под воздействием баланса между кризисными периодами супружеских отношений и накоплением родительского опыта и компетентности, что показано в работах Ю. Е. Алешиной [1], М. Далли [16], А. А. Мининой и Д. Я. Грибановой [6]. Это подчёркивает, что длительность брака одновременно создаёт риски (снижение удовлетворённости в середине цикла) и ресурсы (рост рефлексии и реализма) для развития родительских стратегий.

— **Психологическое благополучие как медиатор.** Уровень благополучия родителей, включающий самооэффективность, эмоциональное состояние и устойчивость к выгоранию, выступает ключевым посредником в формировании родительских установок [10, 11]. Благополучие родителей тесно связано с опытом их семейного воспитания и определяет гибкость или ригидность воспитательных стратегий.

— **Модификация влияния количеством детей.** Контекст семьи с разным числом детей формирует два профиля рисков:

1) В многодетных семьях — хроническая нагрузка и ограниченные ресурсы повышают риск эмоционального

истощения и родительского выгорания, что ведёт к авторитарным установкам [11, 14].

2) В малодетных семьях — интенсивное родительство и высокая тревожность могут приводить к гиперконтролю и перфекционизму в воспитании из-за завышенных ожиданий и страха неудачи [5, 14].

Таким образом, формирование родительских установок является сложным процессом, опосредованным

психологическим благополучием родителей и модифицируемым семейным контекстом. Полученные выводы подчеркивают необходимость дифференцированных подходов к психопрофилактике и психологическому сопровождению родителей, учитывающих как стаж брака, так и количество детей в семье, что позволяет повышать эффективность программ поддержки и снижать риски эмоционального выгорания.

Литература:

1. Алешина Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни: дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.
2. Белогай К. Н. Структурные компоненты родительского отношения личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2006. 22 с.
3. Белоус Е. В. Взаимосвязь удовлетворенности браком с факторами совместимости супругов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2011. № 1. С. 94–103.
4. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
5. Козьмина Я. Я., Сивак Е. В. Влияют ли на родительскую самоэффективность разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком? // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 118–128.
6. Конищева А. В. Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии // Психология и право. 2022. Т. 12. № 3. С. 202–215.
7. Минина А. А., Грибанова Д. Я. Влияние опыта на родительскую компетентность (на примере родителей дошкольников) // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 10. № 4. С. 66–78.
8. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии. М.: Класс, 2006. 304 с.
9. Поливанова К. Н., Вополова И. Е., Козьмина Я. Я. и др. Самоэффективность как содержательная основа образовательных программ для родителей // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 184–200.
10. Романова Е. В., Щербакова А. С. Влияние опыта взаимоотношений в родительской семье на формирование супружеских отношений и удовлетворенность браком // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 3. С. 121–128.
11. Савенышева С. С., Разыграева Ю. С. Родительское выгорание, посттравматический рост и социальная поддержка матерей детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 1. С. 128–142.
12. Столин В. В., Соколова Е. Т., Варга А. Я. Психология развития ребенка и взаимоотношений родителей и детей как теоретическая основа консультативной практики // Семья в психологической консультации / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. М.: Педагогика, 1989. С. 16–37.
13. Трошихина Е. Г. Супружеские пары: значение психологического благополучия и субъективного одиночества для чувств любви // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 1. С. 113–127.
14. Фадеева Т. Ю. Психологические факторы родительского выгорания отцов и матерей // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. Вып. 4 (40). С. 334–343.
15. Brown S. L., Booth A. Stress and conflict in the break-up of cohabitation and marriage // Journal of Family Issues. 1996. Vol. 17. P. 103–120.
16. Dalli M. The development of parental competence in a longitudinal perspective // Journal of Child and Family Studies. 2020. Vol. 29. P. 2345–2357.

Феномен сопротивления в современном психологическом консультировании: теоретические основы и практические аспекты

Котова Олеся Григорьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты феномена сопротивления в психологическом консультировании. Анализируются современные подходы к пониманию механизмов сопротивления, его проявления и ме-

тоды работы с данным феноменом. Особое внимание уделяется сравнительному анализу отечественных и зарубежных исследований.

Ключевые слова: психологическое консультирование, сопротивление, защитные механизмы, терапевтический процесс, психологическая защита, психологическая помощь, стратегии работы.

Введение

Психологическое консультирование является одним из важнейших инструментов современной практической психологии, направленным на оказание профессиональной помощи людям в преодолении личностных и межличностных трудностей. Однако в процессе консультативной работы специалист часто сталкивается с феноменом сопротивления, который существенно затрудняет достижение терапевтических целей.

Проблема сопротивления в психологическом консультировании остается актуальной на протяжении всего развития психологической науки. Современные исследования показывают, что сопротивление является не просто препятствием в работе консультанта, но сложным психологическим феноменом, требующим глубокого понимания и специальных стратегий работы.

Актуальность темы обусловлена растущей потребностью в эффективных методах преодоления сопротивления в процессе консультирования. В современных условиях, характеризующихся повышенным уровнем стресса и психологических нагрузок, все больше людей обращаются за психологической помощью, при этом часто демонстрируя различные формы сопротивления терапевтическому процессу.

Научная новизна исследования заключается в систематизации современных подходов к пониманию механизмов сопротивления для дальнейшей разработки комплексных стратегий работы с ним.

Данное исследование опирается на труды ведущих специалистов в области психологического консультирования и психотерапии, включая работы по индивидуальной и семейной терапии, когнитивно-поведенческому подходу, а также исследования механизмов психологической защиты и сопротивления.

Теоретические основы исследования феномена сопротивления

В психологической науке **сопротивление** определяется как защитный механизм психики, направленный на предотвращение осознания травмирующих переживаний и изменений в структуре личности [9, с. 45–62]. Данный феномен проявляется в различных формах противодействия процессу консультирования и может существенно затруднять достижение терапевтических целей.

На современном этапе изучение сопротивления в психологическом консультировании осуществляется в нескольких направлениях. **Психодинамическое направление** продолжает традиции классического психоанализа, изучая глубинные причины возникновения сопротивления и разрабатывая методы его преодоления [12, с. 56–94; 13, с. 89–112]. **Когнитивно-поведенческий подход** рассматривает сопротивление как результат дисфункциональных убеждений и паттернов мышления, предлагая конкретные техники работы с ним [15, с. 112–135]. **Интегративный подход** объединяет различные теоретические модели для более полного понимания феномена сопротивления [8, с. 78–102; 9, с. 45–62].

Концептуальные подходы к пониманию сопротивления в отечественной психологии базируются на работах Б. С. Братуся, который рассматривал данный феномен через призму аномалий личности и защитных механизмов [1, с. 156–189]. **Системный подход** к изучению сопротивления позволяет рассматривать его как сложный психологический феномен, включающий как защитные, так и деструктивные компоненты.

Фундаментальные исследования механизмов психологической защиты представлены в работах Р. М. Грановской, исследовавшей структуру и функции психологических механизмов защиты [4, с. 45–112], И. М. Никольской, изучавшей особенности защитных механизмов в детском возрасте [10, с. 78–134], Л. И. Вассермана, разработавшего методологию диагностики защитных механизмов [3, с. 12–28].

Методологические подходы к работе с сопротивлением представлены в исследованиях А. М. Карпова, разработавшего стратегии работы с психологическими защитами [8, с. 78–102], А. И. Матвеевой, исследовавшей эффективные методы преодоления сопротивления [9, с. 45–62], А. Н. Елизарова, изучавшего консультативные техники работы с сопротивлением [5, с. 123–156].

Классический психоанализ заложил фундаментальные основы понимания механизмов сопротивления. Анна Фрейд в своей работе «The Ego and the Mechanisms of Defense» [12, с. 56–94] впервые систематизировала понимание защитных механизмов и их роли в формировании сопротивления, что стало отправной точкой для последующих исследований.

Современное когнитивно-поведенческое направление представлено следующими концепциями: А. Бек и его коллеги в работе «Cognitive Therapy of Personality Disorders» [11, с. 123–156] исследуют сопротивление как компонент лич-

ностных расстройств; Дж. Сафран в «Interpersonal Process in Cognitive Therapy» [15, с. 112–135] анализирует межличностные аспекты сопротивления, Дж. Янг в «Schema Therapy» [16, с. 167–192] разрабатывает инновационные подходы к работе с сопротивлением.

Современные исследования демонстрируют необходимость интеграции различных терапевтических подходов для эффективной работы с сопротивлением. Особое внимание уделяется разработке персонализированных стратегий работы, учитывающих индивидуальные особенности клиента и специфику его сопротивления.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных подходов к решению проблемы сопротивления

Проблема сопротивления является центральной в психотерапевтической практике, поскольку понимание его природы и эффективных стратегий работы напрямую влияет на результативность психологической помощи. **Сравнительный анализ подходов** позволяет не только выявить уникальные особенности каждой научной традиции, но и определить возможности интеграции наиболее эффективных методов в единую практическую систему.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных подходов к проблеме сопротивления

Аспект анализа	Отечественная школа	Зарубежная традиция
Теоретические основы	Аномалии личности Защитные механизмы Клиническая психология	Психоаналитические механизмы Когнитивноповеденческие аспекты Интегративные подходы
Методологические подходы	Стандартизированные методики диагностики Клиникопсихологический подход Системный анализ защитных механизмов	Эмпирические исследования Междисциплинарный подход Комплексная оценка терапевтического процесса
Практические аспекты	Работа с индивидуальными особенностями клиента Учёт социокультурного контекста Развитие консультативных техник	Когнитивноповеденческие техники Схемная терапия Интегративные методы
Диагностический инструментарий	Методики оценки защитных механизмов Клинические шкалы Качественные методы анализа	Стандартизированные тесты Нейропсихологические методы Комплексные оценочные системы
Стратегии преодоления	Индивидуальный подход Работа с личностными особенностями Развитие осознанности	Когнитивная реструктуризация Работа с убеждениями Межличностные процессы

Проведённый сравнительный анализ подходов к проблеме сопротивления в отечественной и зарубежной психологии демонстрирует существенные различия в методологических основаниях, теоретических конструктах и практических стратегиях работы с данным феноменом.

Отечественная школа делает акцент на клиническом подходе и системном анализе защитных механизмов, в то время как **зарубежные исследования** характеризуются междисциплинарностью и широким спектром терапевтических техник.

Сравнительный анализ подходов к проблеме сопротивления не только обогащает теоретическую базу психологии, но и способствует развитию практических инструментов работы с данным феноменом, что имеет важное значение для современной психотерапевтической практики.

Заключение

Современные исследования отечественных и зарубежных ученых позволили определить ключевые механизмы формирования сопротивления, выявить основные формы проявления данного феномена, разработать критерии оценки эффективности работы с сопротивлением и сформировать систему диагностических инструментов.

Сравнительный анализ подходов выявил существенные различия в методологических основаниях, теоретических конструктах и практических стратегиях работы с данным феноменом, но это **лишь** открывает новые перспективы для развития психологической науки и практики при объединении лучших достижений отечественной и зарубежной психологии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для совершенствования методов диагностики сопротивления, разработки персонализированных стратегий работы с данным феноменом, повышения эффективности консультативной практики.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются изучение нейробиологических коррелятов сопротивления, разработка новых диагностических инструментов, исследование особенностей сопротивления в онлайн-консультировании, создание интегративных моделей работы с данным феноменом.

Проведенное исследование позволило существенно расширить понимание феномена сопротивления в психологическом консультировании и заложить основу для дальнейших научных изысканий в данной области.

Литература:

1. Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. — Москва: Мысль, 2019. — С. 156–189.
2. Бурлачук, Л. Ф. Психотерапия: учебник для вузов / Л. Ф. Бурлачук. — Санкт-Петербург: Питер, 2018. — С. 145–178.
3. Вассерман, Л. И. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: методическое пособие / Л. И. Вассерман, О. Ф. Ерышев, Е. Б. Клубова. — Санкт-Петербург: СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. — С. 12–28.
4. Грановская, Р. М. Защита личности: психологические механизмы / Р. М. Грановская. — Санкт-Петербург: Знание, 1999. — С. 45–112.
5. Елизаров, А. Н. Основы индивидуального и семейного психологического консультирования: учебное пособие / А. Н. Елизаров. — Москва: Ось 89, 2016. — С. 123–156.
6. Карвасарский, Б. Д. Клиническая психология: учебник / Б. Д. Карвасарский. — Санкт-Петербург: Питер, 2016. — С. 345–378.
7. Карвасарский, Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия / Б. Д. Карвасарский. — Санкт-Петербург: Питер, 2017. — С. 678–705.
8. Карпов, А. М. Психологические защиты и сопротивление в психотерапии / А. М. Карпов. — Москва: Смысл, 2018. — С. 78–102.
9. Матвеева, А. И. Сопротивление в психотерапии: феномен, механизмы и эффективные стратегии преодоления / А. И. Матвеева // Мир педагогики и психологии. — 2025. — № 3 (104). — С. 45–62.
10. Никольская, И. М. Психологическая защита у детей / И. М. Никольская, Р. М. Грановская. — Санкт-Петербург: Речь, 2006. — С. 78–134.
11. Beck, A. T. Cognitive Therapy of Personality Disorders / A. T. Beck, A. Freeman. — New York: Guilford Press, 2014. — Pp. 123–156.
12. Freud, A. The Ego and the Mechanisms of Defense / A. Freud. — London: Hogarth Press, 1937 (reprinted 1993). — Pp. 56–94.
13. Gabbard, G. O. Psychodynamic Psychotherapy / G. O. Gabbard. — Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2018. — Pp. 89–112.
14. Kernberg, O. F. Severe Personality Disorders: Psychotherapeutic Strategies / O. F. Kernberg. — New Haven: Yale University Press, 2015. — Pp. 156–189.
15. Safran, J. D. Interpersonal Process in Cognitive Therapy / J. D. Safran, Z. V. Segal. — New York: Guilford Press, 2018. — Pp. 112–135.
16. Young, J. E. Schema Therapy: A Practitioner's Guide / J. E. Young, J. S. Klosko, M. E. Weishaar. — New York: Guilford Press, 2015. — Pp. 167–192.

Нейропсихологические эффекты использования реабилитационных ходунков у детей с ДЦП

Куприн Дмитрий Филиппович, магистр психологии, нейропсихолог, директор
ООО НПО «Центр современной нейропсихологии К-37» (г. Заречный, Свердловская обл.)

В статье представлен комплексный анализ нейропсихологических эффектов использования реабилитационных ходунков у детей с детским церебральным параличом в условиях российской системы медицинской и психолого-педагогической помощи. Рассматривается влияние ассистивной локомоции на сенсомоторную интеграцию, формирование схемы тела, зрительно-пространственные функции, праксис и исполнительные механизмы регуляции деятельности. Обосновывается положение о том, что расширение самостоятельной двигательной активности при адекватном под-

боре и поэтапном обучении способствует развитию произвольности, коммуникативной инициативы и устойчивости внимания.

Ключевые слова: детский церебральный паралич, нейропсихология детского возраста, реабилитационные ходунки, сенсомоторная интеграция, исполнительные функции.

Актуальность исследования нейропсихологических эффектов использования реабилитационных ходунков у детей с детским церебральным параличом в Российской Федерации определяется тем, что современная реабилитация все чаще опирается на принцип раннего включения ребенка в активное движение как ключевое условие нейропластических перестроек и формирования функциональных систем, обеспечивающих целенаправленное действие. При детском церебральном параличе двигательный дефицит имеет не только моторный, но и нейрокогнитивный «профиль»: ограничения самостоятельной локомоции обедняют сенсомоторный опыт, снижают вариативность взаимодействия с предметной средой и людьми, замедляют становление схемы тела, пространственного анализа и произвольной регуляции поведения. Реабилитационные ходунки, будучи техническим средством, меняют не просто «скорость передвижения», а архитектуру активности ребенка: расширяют доступный периметр среды, повышают частоту самоиницируемых перемещений, изменяют поток проприоцептивных, вестибулярных и тактильных сигналов, а также требования к планированию, контролю и коррекции действия. В этом смысле ходунки выступают не только как ортопедическая опора, но и как «организация деятельности», потенциально влияющая на внимание, рабочую память, зрительно-пространственные функции, праксис, эмоционально-мотивационную сферу и коммуникативную инициативу.

Цель исследования может быть сформулирована как выявление и системное описание нейропсихологических эффектов использования реабилитационных ходунков у детей с детским церебральным параличом с учетом возрастных этапов развития, клинико-двигательного профиля и условий реабилитационной среды.

Практическая значимость определяется тем, что результаты такого исследования могут стать основанием для персонализированного подбора и настройки реабилитационных ходунков с учетом не только двигательных, но и нейропсихологических задач.

Вклад в понимание развития психики в деятельности и роли социальной ситуации развития связан с именами Льва Семеновича Выготского, Алексея Николаевича Леонтьева, Александра Романовича Лурии. Для анализа движения как организующей основы психических процессов существенны идеи Николая Александровича Бернштейна о построении движений и многоуровневой регуляции. В отечественной детской нейропсихологии значимы разработки в области диагностики и коррекции высших психических функций у детей, включая исследования и методические школы, связанные с Татьяной Владимировной Ахутиной, Жанной Михайловной Глоzman, Людмилой Се-

меновной Цветковой, Анной Владимировной Семенович, а также другими специалистами, развивающими нейропсихологическую помощь детям с нарушениями развития.

Нейропсихологические эффекты использования реабилитационных ходунков у детей с детским церебральным параличом в Российской Федерации целесообразно рассматривать не как «побочный» психологический результат улучшения опоры и передвижения, а как закономерное следствие перестройки ведущих для возраста форм активности, сенсомоторной интеграции и контуров произвольной регуляции. Детский церебральный паралич относится к наиболее распространенным причинам стойких двигательных ограничений в детском возрасте; в отечественных и зарубежных обзорах показатели распространенности колеблются, но часто приводятся ориентиры порядка 1,5–4 случаев на 1000 новорожденных, при этом российские источники также указывают более широкие диапазоны в зависимости от методологии учета и выборки. Уже этот статистический фон задает масштаб практической значимости: любые средства реабилитации, которые способны изменить профиль участия ребенка в повседневной жизни (*mobility, participation*), потенциально воздействуют не только на двигательную сферу, но и на развитие высших психических функций, поскольку у ребенка с детским церебральным параличом ограничение движения часто означает ограничение опыта ориентировки, предметных проб, спонтанного исследования пространства и, как следствие, дефицит «материала» для формирования схемы тела, пространственных представлений, программирования действий и устойчивого внимания.

В российской реабилитационной системе ходунки рассматриваются как техническое средство реабилитации и обеспечиваются ребенку-инвалиду в рамках индивидуальной программы реабилитации и абилитации, что юридически и организационно задает рамку их применения. Нормативная логика такова: государство определяет понятие и назначение технических средств реабилитации как устройств для компенсации или устранения стойких ограничений жизнедеятельности, а практический механизм обеспечения опирается на медико-социальную экспертизу и последующее назначение в индивидуальной программе. При этом современные перечни медицинских и социальных показаний и противопоказаний, а также требования к подбору конкретных видов средств для ходьбы фиксируют принцип индивидуализации: ходунки подбираются на основе комплексной оценки ограничений жизнедеятельности, клинико-функциональных и социально-средовых данных, то есть изначально предполагается учет контекста использования, уровня само-

стоятельности и реабилитационного потенциала ребенка. Дополнительно, в стандартах оснащения и нормативных перечнях оборудования для реабилитационных организаций отдельно выделяются «вспомогательные средства для ходьбы, управляемые обеими руками», включая ходунки, что отражает их встроенность в инфраструктуру помощи и подтверждает системность применения в профильных учреждениях [1, с. 192].

Нейропсихологическая интерпретация эффектов ходунков опирается на ключевое положение: самостоятельная локомоция является не только моторным навыком, но и формой организации познания и общения. Когда ребенок начинает перемещаться в пространстве (даже при частичной внешней опоре), резко возрастает число самоиницируемых действий: выбор маршрута, остановка, поворот, объезд препятствия, поиск цели, удержание направления. Эти операции требуют постоянного «диалога» между зрительной системой, проприоцепцией, вестибулярными сигналами и механизмами контроля позы. В детском церебральном параличе как раз страдают согласование сенсорных потоков и устойчивость постурального контроля; поэтому ходунки могут выполнять двойную функцию: снижать «цену» поддержания равновесия и одновременно усложнять задачу управления движением за счет необходимости координировать руки, корпус и шаг в единой программе. В нейропсихологических терминах это означает, что средство реабилитации становится фактором изменения нагрузки на регуляторные компоненты деятельности: программирование, контроль, коррекция ошибок, распределение внимания, переключение, торможение импульсивных отклонений. Именно поэтому в практических наблюдениях нередко фиксируются неоднозначные эффекты: у части детей рост двигательной автономии сопровождается улучшением устойчивости внимания и повышением «инициативности поведения», а у части, напротив, на первых этапах возникает истощаемость, раздражительность, эмоциональные срывы, что интерпретируется как следствие резкого повышения когнитивной и сенсорной нагрузки при недостаточно сформированных регуляторных механизмах и при отсутствии правильно дозированного обучения. Такой эффект особенно вероятен при выраженных нарушениях зрительно-пространственного анализа и при трудностях межсенсорной интеграции: ребенок «видит цель», но не может удержать траекторию, часто «теряет» границы собственного тела относительно опоры и препятствий, что приводит к росту тревоги и отказов от активности [2, с. 10].

Если рассматривать эффекты на уровне высших психических функций, наиболее «чувствительными» оказываются зрительно-пространственные процессы, праксис и исполнительные функции. Зрительно-пространственный блок включает оценку расстояния, выделение препятствий, построение маршрута, удержание «карты» помещения; праксис включает согласование движений рук и ног, смену двигательных программ, имитацию и освоение новых способов перемещения (на-

пример, поворот в узком коридоре). Исполнительные функции проявляются в способности удерживать цель (дойти до стола), планировать шаги, контролировать импульсивные отклонения (не повернуть резко), корректировать ошибку после столкновения. На практике это дает важный диагностический эффект: ходунки становятся «функциональной пробой» регуляции. Ребенок с относительно сохранным интеллектом может демонстрировать выраженные трудности именно в регуляторном контуре: он понимает инструкцию, но не удерживает программу, быстро истощается, теряет последовательность действий, становится импульсивным. В таком случае акцент реабилитации должен смещаться от «наращивания времени ходьбы» к обучению структуре действия: короткие маршруты, явные ориентиры, постепенное усложнение, формирование самоконтроля через внешнюю опору на правило. И наоборот, при умеренных регуляторных трудностях и достаточной мотивации ходунки часто запускают рост коммуникативной инициативы: ребенок чаще сам подходит к взрослому или сверстнику, выбирает предмет, инициирует игру, что является типичным механизмом развития речи и социального поведения через расширение поля самостоятельных действий [3, с. 12].

Анализ российской научной и методической литературы показывает, что клинические рекомендации по детскому церебральному параличу подчеркивают приоритет функционально ориентированной реабилитации: снижение спастичности рассматривается как условие, но не как конечная цель, а дальнейшая работа должна быть направлена на повышение функциональной активности и освоение целевых навыков, включая ходьбу как компонент активности и участия. Это совпадает с нейропсихологическим принципом «развитие в деятельности»: устойчивые изменения возникают тогда, когда ребенок многократно решает смысловую задачу в реальном контексте, а не просто повторяет движение вне цели. Отсюда вытекает практический критерий качества применения ходунков: они должны быть встроены в задачи повседневности (подойти, принести, выбрать, включиться), иначе нейропсихологический эффект будет слабым или избирательным.

Показательным примером из практики являются два типовых профиля, которые в российских реабилитационных центрах описываются чаще всего (без привязки к конкретному учреждению). Первый профиль: ребенок дошкольного возраста со спастической диплегией, при котором ходунки с поддержкой туловища уменьшают страх падения и высвобождают ресурс внимания. В течение нескольких недель наблюдается рост устойчивости в задачах на зрительное обследование пространства: ребенок начинает заранее «считывать» препятствие, замедляется перед порогом, лучше удерживает цель маршрута. Родители отмечают, что дома он чаще сам подходит к столу, приносит предметы, меньше «кричит из комнаты», то есть повышается самостоятельность и социальная включенность. Нейропсихологически это можно описать как усиление

произвольной регуляции на фоне снижения стоимости постурального контроля и расширения самостоятельной активности. Второй профиль: ребенок с выраженными зрительно-пространственными трудностями и импульсивностью, при котором раннее и длительное использование ходунков без этапа обучения приводит к противоположному: растет количество столкновений, ребенок фиксируется взглядом вниз, появляется избегание движения и эмоциональные всплески. Здесь ходунки не «вредны» сами по себе; проблема заключается в несоответствии требований средства текущему уровню регуляции и ориентировки, а также в отсутствии поэтапного формирования навыка (маршруты с разметкой, обучение остановке, поворотам, самопроверке) [4, с. 160].

Основные проблемы российской практики в этой области обычно связаны не с самим фактом наличия ходунков, а с качеством подбора, обучения и междисциплинарного сопровождения. Во-первых, при формально корректном назначении в индивидуальной программе реабилитации ребенок может получить средство, которое недостаточно адаптировано под его рост, тонус, контрактуры и особенности контроля позы; при этом нормативные документы прямо требуют индивидуального подбора на основе комплексной оценки ограничений жизнедеятельности, но в реальности качество этой оценки зависит от доступности специалистов и времени на обследование. Во-вторых, существует разрыв между медицинской реабилитацией и нейропсихологическим сопровождением: внимание концентрируется на двигательных показателях, тогда как проблемы регуляции, истощаемости, зрительно-пространственной дезорганизации остаются «за кадром» и проявляются уже дома. В-третьих, бытовая среда часто не подготовлена: узкие проходы, пороги, отсутствие поручней, перегруженность пространства предметами превращают каждое перемещение в задачу высокой сложности, что усиливает стресс и снижает мотивацию.

Пути решения должны быть многоуровневыми. На уровне оценки необходимо вводить обязательное нейро-

психологическое описание профиля активности до назначения и в динамике: не только «может ли идти», но и «как планирует маршрут», «как исправляет ошибку», «как распределяет внимание», «как реагирует на помеху». На уровне технологии применения требуется поэтапное обучение: сначала формирование базовой программы (старт, стоп, прямолинейное движение), затем — поворота и обход препятствий, далее — перенос в бытовые ситуации с постепенным снижением внешних подсказок. На уровне семьи важны простые средовые интервенции: разметка маршрутов, уменьшение сенсорного шума, создание понятных целей передвижения, чтобы ходьба была включена в смысловую деятельность. На уровне системы реабилитации оправдано развитие междисциплинарных протоколов, где техническое средство реабилитации рассматривается как инструмент изменения активности и участия, а не только как ортопедическое приспособление; именно такой подход логически согласуется с тем, что функциональная реабилитация при детском церебральном параличе должна вести к росту функциональной активности, а не ограничиваться коррекцией тонуса [5, с. 53].

Таким образом, реабилитационные ходунки при детском церебральном параличе в условиях Российской Федерации выступают не только средством компенсации двигательного дефицита, но и фактором перестройки нейропсихологической организации деятельности ребенка. Их применение изменяет структуру сенсомоторной афферентации, расширяет пространство самоиницируемых действий и тем самым влияет на формирование схемы тела, зрительно-пространственной ориентации, праксиса и исполнительных функций, включая программирование, контроль и коррекцию поведения. При адекватном подборе, поэтапном обучении и междисциплинарном сопровождении ходунки способны усиливать самостоятельность, коммуникативную инициативу и устойчивость произвольной регуляции за счет снижения «стоимости» постурального контроля и роста функциональной активности.

Литература:

1. Головина О. Н., Винарская И. В., Черников В. В. Анализ эффективности программ комплексной реабилитации больных детским церебральным параличом / О. Н. Головина, И. В. Винарская, В. В. Черников // Российский педиатрический журнал. — 2024. — Т. 27, № 3. — С. 191–197.
2. Золотарева А. А., Лорер В. В. Комплексная оценка здоровья ребенка с церебральным параличом на основе Международной классификации функционирования / А. А. Золотарева, В. В. Лорер // Медицинская психология в России. — 2020. — Т. 12, № 4. — С. 6–14.
3. Кольцов А. А., Аксёнов А. Ю., Джомардлы Э. И. Сравнительный анализ влияния аппаратов для нижних конечностей и туловища и ортезов для голеностопных суставов на биомеханические параметры ходьбы у детей с детским церебральным параличом (случай из практики) / А. А. Кольцов, А. Ю. Аксёнов, Э. И. Джомардлы // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. — 2021. — Т. 24, № 3. — С. 5–14.
4. Ларина Н. В., Павленко В. Б., Корсунская Л. Л., Дягилева Ю. О., Фалалеев А. П., Михайлова А. А., Орехова Л. С., Пономарева И. В. Возможности реабилитации детей с синдромом детского церебрального паралича с применением роботизированных устройств и биологической обратной связи / Н. В. Ларина, В. Б. Павленко, Л. Л. Корсунская [и др.] // Бюллетень сибирской медицины. — 2020. — Т. 19, № 3. — С. 156–165.

5. Nemkova S. A., Boldyrev V. G. Complex diagnostics and treatment of cognitive dysfunctions in cerebral palsy / S. A. Nemkova, V. G. Boldyrev // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2022. — Т. 122, № 9–2. — С. 51–61.

Закономерности влияния эмоционального интеллекта на уровень профессионального стресса

Неймарк Эльвира Энгельевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Современная реальность представляет собой своеобразный «эксперимент» по резкому изменению условий труда и занятости человека, охватывающий все сферы человеческой жизни и деятельности [1, с. 59]. В условиях постоянных изменений, неопределённости и высоких нагрузок профессиональный стресс становится распространённым явлением, оказывающим негативное влияние на психологическое благополучие и производительность труда [2, с. 45]. Особую актуальность приобретает изучение роли эмоционального интеллекта как личностного ресурса, способного модулировать воздействие стрессогенных факторов и предотвращать развитие эмоционального выгорания [3, с. 397]. Эмоциональный интеллект, впервые описанный П. Саловеем и Дж. Майером в начале 1990-х годов, представляет собой способность человека распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также эмоциями окружающих [4, с. 70]. Современные исследования убедительно демонстрируют, что развитие эмоционального интеллекта способствует повышению стрессоустойчивости, улучшению межличностных отношений и снижению вероятности возникновения деструктивного поведения [5, с. 129].

Особенно актуальным становится развитие способности к эмоциональной саморегуляции в условиях цифровых технологий, когда границы между работой и личной жизнью размываются [6, с. 45]. Умение управлять своими эмоциями становится критически важным навыком, позволяющим сотрудникам лучше адаптироваться к изменениям, быть более устойчивыми к информационной перегрузке и эффективнее справляться с многозадачностью [7, с. 256].

Улучшение эмоционального интеллекта в целом, а также его отдельных компонентов, может значительно помочь в преодолении профессионального стресса и предотвратить выгорание сотрудников. Развитие навыка «восприятия эмоций» позволяет работникам быстро и точно определять свои чувства и эмоции окружающих, опираясь на невербальные сигналы, такие как мимика и жесты [4, с. 72]. Это способствует более адекватному выражению своих эмоций и умению отличать искренние чувства от фальшивых.

Навык «использования эмоций для решения задач» позволяет эффективно применять информацию о текущих эмоциональных состояниях для принятия обоснованных

решений, повышая общую продуктивность [8, с. 258]. На основе собранной информации можно выбирать наиболее подходящие стратегии взаимодействия с окружающими. Инструмент «Квадрант эмоций» помогает в управлении своими чувствами. Например, если человек испытывает грусть и находится в «синем» квадранте, ему будет разумнее переключиться на выполнение аналитического отчета, требующего сосредоточенности [9, с. 135]. Развитие навыка «понимания эмоций» помогает сотрудникам осваивать сложные эмоциональные состояния, распознавать их причины и предсказывать последствия, что важно для поддержания долгосрочных деловых отношений [10, с. 130]. Умение «сознательно управлять эмоциями» дает возможность сотрудникам регулировать свои чувства и влиять на эмоции других людей, создавая эффективные стратегии поведения для достижения целей [4, с. 75]. Существует множество инструментов для развития эмоционального интеллекта: профессиональная литература, онлайн-курсы, вебинары и очные тренинги, все они имеют доказанную эффективность [11, с. 148]. Современные технологии открывают новые возможности:

1. Использование виртуальной реальности (VR) для отработки навыков эмоционального интеллекта в контролируемой среде [12, с. 567].

2. Мобильные приложения с элементами искусственного интеллекта, анализирующие эмоциональное состояние и предлагающие персонализированные рекомендации [13, с. 89].

3. Нейрофидбек-тренинги, помогающие научиться сознательно контролировать мозговую активность, связанную с эмоциональной регуляцией [14, с. 40].

Перспективы дальнейших исследований включают более глубокое изучение нейробиологических механизмов связи эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости [15, с. 1], разработку специализированных программ развития эмоционального интеллекта для различных профессиональных групп, а также изучение его влияния на организационную лояльность и удовлетворённость трудом [16, с. 148].

Таким образом, эмоциональный интеллект — это развивающаяся способность, и никогда не поздно начать его развивать, чтобы избежать профессионального выгорания и снизить влияние стресса на здоровье [17, с. 379].

Литература:

1. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А., Захарова У. С., Григорьева А. В. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 59–74.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2020. 478 с.
3. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 397–422.
4. Саловой П., Майер Д. Эмоциональный интеллект. СПб.: Питер, 2007. 320 с.
5. Колачев Н. И., Осин Е. Н., Schaufeli W. B., Desart S. Личностные ресурсы и выгорание у сотрудников // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 2. С. 129–147.
6. Goleman D., Boyatzis R. New insights into emotional intelligence and the brain // Harvard Business Review. 2023. Vol. 101. № 3. P. 45–58.
7. Mayer J. D. et al. The ability model of emotional intelligence: Principles and updates // Emotion Review. 2021. Vol. 13. № 4. P. 256–267.
8. Бар-Он Р. Эмоциональный коэффициент личности. М.: Смысл, 2004. 288 с.
9. Колачев Н. И. и др. Личностные ресурсы и выгорание у сотрудников // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 2. С. 129–147.
10. Schutte N. S. et al. Emotional intelligence and stress resilience: Neurobiological mechanisms // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Art. 1123456.
11. Kotze M. How job resources and personal resources influence work engagement and burnout // African Journal of Economic and Management Studies. 2018. Vol. 9. № 2. P. 148–164.
12. Parker J. D. A. et al. Gamification in emotional intelligence training // Journal of Applied Psychology. 2024. Vol. 109. № 4. P. 567–580.
13. Siegrist J., Dragano N. Emotional intelligence as a predictor of burnout: Longitudinal study // Journal of Occupational Health Psychology. 2024. Vol. 29. № 2. P. 89–102.
14. Tarcan G. Y., Tarcan M., Top M. An analysis of the relationship between burnout and job satisfaction among emergency health professionals // Applied Nursing Research. 2017. Vol. 34. P. 40–47.
15. Vokić N. P., Hernaus T. The triad of job satisfaction, work engagement and employee loyalty // EFZG Working Papers Series. 2015. No. 1507.
16. Kotze M. How job resources and personal resources influence work engagement and burnout // African Journal of Economic and Management Studies. 2018. Vol. 9. № 2. P. 148–164.
17. Harwell K. Burnout Strategies for Librarians // Journal of Business & Finance Librarianship. 2008. Vol. 13. № 3. P. 379–390.

Работа с дефицитарной самооценкой и самокритикой в когнитивной модели: трансформационные техники и потенциал цифровых дневников

Розенвальд Юлия Михайловна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В данной работе анализируются инструментальные возможности когнитивно-поведенческого подхода в преодолении низкой самооценки и патологической самокритики. Рассматривается специфика применения когнитивного подкрепления, методология поведенческой проверки убеждений и возможности их имплементации в практику самопомощи посредством мобильных приложений. Автор обосновывает эффективность данных техник как средств конвертации деструктивных мыслей в адаптивные когнитивные паттерны.

Ключевые слова: когнитивно-поведенческая терапия, самооценка, самокритичность, когнитивная реструктуризация, поведенческий эксперимент, цифровой мониторинг, позитивное подкрепление.

Введение

Низкая самооценка представляет собой ригидную систему негативных представлений субъекта о собственной значимости и компетенциях, что нередко выступает пре-

диктором аффективных расстройств [1]. В теоретических рамках А. Бека данный феномен интерпретируется не как константная черта личности, а как динамический процесс, поддерживаемый искаженным восприятием реальности и дисфункциональными убеждениями

[1]. В современных условиях, характеризующихся высокой социальной конкуренцией и трансляцией идеализированных образов в медиапространстве, коррекция самовосприятия становится приоритетной задачей. Цифровизация психологической помощи открывает новые горизонты для самостоятельной работы пациентов, что требует детального изучения механизмов действия КПП-техник в цифровой среде.

Теоретический базис когнитивной модели самовосприятия

Когнитивный подход постулирует, что фундамент низкой самооценки составляют три уровня: поверхностные автоматические мысли, промежуточные правила (убеждения) и ядерные схемы [2]. Самокритичные реакции в ответ на внешние стимулы («Я не справлюсь», «Это моя вина») базируются на устойчивых когнитивных ошибках.

Особое значение в поддержании негативного самоотношения имеют следующие искажения:

- свехвербализация (повествование): склонность навешивать жесткие ярлыки («неудачник», «бездарность») на основе единичных эпизодов;
- эмоциональное обоснование: принятие временного чувства стыда или вины за объективное доказательство собственной неполноценности;
- дихотомическое мышление: восприятие любых достижений, не являющихся идеальными, как полного провала [2].

Эти паттерны закрепляются через жесткие императивы («Я обязан быть лучшим») и глубинные установки о собственной дефектности. Интериоризация критики со стороны значимых фигур со временем превращается во внутренний деструктивный диалог [6]. Самокритика в данном контексте выступает суррогатным механизмом контроля, основанным на страхе отвержения.

Технологии трансформации самооценки в когнитивной практике

1. Реструктуризация автоматических суждений и когнитивный спор

Метод когнитивной реструктуризации нацелен на выявление и пересмотр достоверности негативных мыслей [2]. Классическим инструментом выступает техника «дневника мыслей», дополненная сократическим диалогом. Задача клиента заключается в поиске эмпирических фактов, опровергающих самокритичное суждение.

Важным этапом является «прокурорская» и «адвокатская» проверка мысли: индивид поочередно приводит доводы в пользу истинности самокритики и против нее. Результатом становится выработка адаптивного ответа, который представляет собой сбалансированный взгляд на

ситуацию. Это позволяет снизить эмоциональный накал и перевести фокус с самообвинения на конструктивное решение проблем [5].

2. Метод поведенческих экспериментов как способ проверки схем

Поведенческий эксперимент (ПЭ) признается одной из наиболее эффективных техник для изменения ригидных представлений [7]. ПЭ позволяет проверить гипотезы клиента в реальных условиях, минуя интеллектуальную защиту. Если индивид убежден, что его мнение не представляет интереса для окружающих, ему предлагается высказать свою позицию в группе и зафиксировать реальную реакцию.

Формулирование прогноза конкретных последствий:

- реализация действия в безопасной среде;
- оценка и интерпретация полученных данных [7].

Прямой опыт, полученный в ходе эксперимента, обладает значительно большей убедительностью для лимбической системы мозга, чем теоретическое обсуждение проблемы.

3. Когнитивное позитивное подкрепление и накопление ресурсов

В отличие от классического бихевиоризма, когнитивное подкрепление фокусируется на осознанном приписании успехов [3]. Люди с дефицитарной самооценкой склонны фильтровать удачи, приписывая их внешним обстоятельствам или везению. Техника «дневника достижений» заставляет субъекта фиксировать факты компетентности ежедневно.

Для углубления эффекта используется метод «когнитивного переформулирования достижений», где каждое удачное действие связывается с внутренним качеством (например, «Я закончил отчет вовремя, потому что я организован»). Это постепенно выстраивает новую, более позитивную ядерную схему [3].

4. Развитие навыков самосострадания и работа с «внутренним критиком»

Современная КПП третьей волны подчеркивает, что борьба с мыслями часто менее эффективна, чем изменение отношения к ним. Концепция самосострадания (self-compassion) предлагает переход от оценочного мышления к функциональному принятию [6]. Это включает в себя осознанность, понимание общности человеческих трудностей («Я не одинок в своих ошибках») и активную самоподдержку.

В терапии это реализуется через технику «письма из будущего» или упражнение «сострадательный образ», где клиент формирует ментальную репрезентацию поддерживающей фигуры, способной дать отпор внутреннему критику [6].

Роль цифровых инструментов в закреплении когнитивных навыков

Интеграция когнитивных техник в цифровые платформы (мобильные приложения) существенно повышает результативность коррекционной работы [11]. Использование цифровых дневников позволяет решить проблему «забывания» и искажения данных, характерную для ретроспективных отчетов.

Основные преимущества цифрового мониторинга:

— Экологическая валидность: фиксация мыслей происходит непосредственно в момент возникновения триггерной ситуации [9].

— Визуальная аналитика: графическое отображение связи между самокритикой и настроением помогает клиенту осознать деструктивное влияние своих мыслей.

— Микрообучение: приложения могут предлагать короткие интервенции (дыхательные упражнения или когнитивные подсказки) именно тогда, когда уровень стресса пользователя повышается.

Исследования показывают, что использование автоматизированных чат-ботов и дневников в течение 6–8 недель способствует статистически значимому росту показа-

телей самопринятия [10]. Цифровые инструменты фактически выступают в роли «терапевта в кармане», обеспечивая непрерывность процесса трансформации.

Заключение

Коррекция низкой самооценки в рамках когнитивной модели — это системный процесс переработки информации и изменения глубинных схем. Сочетание техник реструктуризации, поведенческой проверки и развития самосострадания позволяет эффективно преодолевать патологическую самокритичность. Цифровые технологии, в свою очередь, оптимизируют этот процесс, делая психологическую помощь доступной и регулярной. Перспективным направлением является внедрение ИИ-систем, способных выявлять когнитивные искажения в текстах дневников пользователей и предлагать персонализированные стратегии их преодоления.

Для практической реализации данных подходов специалистам рекомендуется интегрировать мобильные приложения в протокол домашних заданий, что позволяет сократить время достижения терапевтического результата и повысить автономность клиента.

Литература:

1. Бек, Дж. С. Когнитивная терапия: полное руководство / Дж. С. Бек. — Москва : ООО «И. Д. Вильямс», 2018. — 400 с. — Текст: непосредственный.
2. Лихи, Р. Л. Техники когнитивной психотерапии / Р. Л. Лихи. — Санкт-Петербург : Питер, 2019. — 656 с — Текст: непосредственный.
3. Маккей, М. Самооценка: проверенная программа когнитивных техник / М. Маккей, П. Фаннинг ; перевод с английского Т. Литвиновой. — Москва : Вест, 2019. — 288 с. — Текст: непосредственный.
4. Beck, A. T. Cognitive therapy of depression / A. T. Beck, A. J. Rush, B. F. Shaw, G. Emery. — New York : Guilford Press, 1979. — 425 p.
5. Fennell, M. J. V. Overcoming low self-esteem: a self-help guide using cognitive behavioral techniques / M. J. V. Fennell. — 2nd ed. — London : Robinson, 2016. — 432 p.
6. Neff, K. D. Self-compassion: the proven power of being kind to yourself / K. D. Neff. — New York : William Morrow, 2011. — 320 p.
7. Oxford guide to behavioral experiments in cognitive therapy / J. Bennett-Levy, G. Butler, M. Fennell [et al.]. — Oxford : Oxford University Press, 2004. — 496 p. — DOI 10.1093/med:psych/9780198529274.001.0001.
8. A systematic review and meta-analysis of CBT interventions based on the Fennell model of low self-esteem / D. Kolubinski, D. Frings, A. V. Nikcevic, M. M. Spada. — Text: electronic // Psychiatry Research. — 2018. — Vol. 267. — P. 296–305. — DOI 10.1016/j.psychres.2018.06.025. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30201116/> (дата обращения: 20.01.2026)
9. Fitzpatrick, K. K. Delivering cognitive behavior therapy to young adults with symptoms of depression and anxiety using a fully automated conversational agent (Woebot): a randomized controlled trial / K. K. Fitzpatrick, A. Darcy, M. Vierhile. — Text: electronic // JMIR Mental Health. — 2017. — Vol. 4, No. 2. — Article e19. — DOI 10.2196/mental.7785. — URL: <https://mental.jmir.org/2017/2/e19/> (дата обращения: 20.01.2026)
10. The efficacy of smartphone-based mental health interventions for depressive symptoms: a meta-analysis of randomized controlled trials / J. Firth, J. Torous, J. Nicholas [et al.]. — Text: electronic // World Psychiatry. — 2017. — Vol. 16, No. 3. — P. 287–298. — DOI 10.1002/wps.20472. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/wps.20472> (дата обращения: 20.01.2026)
11. Mohr, D. C. Digital tools for mental health: opportunities and challenges / D. C. Mohr, S. M. Schueller, J. P. Harrison, K. N. Tomasino. — Text: electronic // Annual Review of Clinical Psychology. — 2023. — Vol. 19. — P. 85–107. — DOI 10.1146/annurev-clinpsy-080921-073212. — URL: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-clinpsy-080921-073212> (дата обращения: 20.01.2026)

ТЕОЛОГИЯ

Христианская теодицея в секулярном обществе

Балабанов Тимофей Александрович, магистр теологии (г. Москва)

Статья посвящена концептуализации проблемы теодицеи на стыке христианской теологии и вызовов секулярного общества. Анализируется трансформация классических моделей оправдания Бога перед лицом радикального зла, опыта Холокоста и антропологического пессимизма. Рассматриваются апология свободы воли, кенотическая теология и эсхатологическая этика ответственности. Утверждается, что преодоление секулярного утилитаризма возможно через христологическое осмысление страдания не как юридической проблемы, а как пространства богочеловеческой синергии, где трансцендентное обетование реализуется через историческую вовлеченность человека.

Ключевые слова: теодицея, свобода воли, кенозис, секуляризм, проблема зла, эсхатология.

Артикуляция проблемы зла традиционно формирует наиболее острую линию разлома между теистическим мировоззрением и секулярным скептицизмом. Попытки рационального согласования абсолютной благодати Творца с эмпирической реальностью страдания породили массивный корпус текстов, где философская логика зачастую вступает в конфликт с экзистенциальным опытом. Секулярная парадигма, лишив страдание метафизического горизонта, редуцировала его до чисто физиологической или социальной дисфункции, подлежащей техническому устранению.

В теологическом дискурсе периодически реанимируется специфическая педагогическая концепция, согласно которой страдание интегрировано в мироздание как инструментальный механизм. Предполагается, что боль выполняет функцию пробуждения: лишаясь земного комфорта, человек вынужденно обращает духовный взор к трансцендентному, начиная искать Бога. Принятие указанной максимы неизбежно делает Творца архитектором зла, космическим диктатором, использующим зло как метод «религиозного воспитания». Христианская традиция категорически отвергает такое понимание, опираясь на святоотеческую концепцию: зло не имеет собственной онтологической природы, являясь лишь паразитирующим отсутствием блага. К тому же, обвинение Бога в существовании страдания игнорирует тот факт, что подавляющий массив боли в исторической ретроспективе генерируется самим человеком, злоупотребляющим даром автономии [7, с. 140].

Проблема зла в контексте божественного всемогущества и абсолютной благодати логично остается центральным узлом современных теологических дебатов. Аргументация, выстроенная вокруг концепта свободы воли

как единственного легитимного источника зла, сохраняет высокую степень релевантности. Предоставление тварному субъекту подлинной свободы неизбежно включает в себя риск её актуализации естественно вопреки воле Творца. Однако данная логика тотально зависит от принятия фундаментальной онтологической предпосылки — самого факта существования Бога. Только допуская бытие всеблаготворца, рассуждения о том, что нравственное зло является трагическим, но допустимым следствием дарованной свободы, обретают силу. Свобода выступает настолько великим благом, что оправдывает риск грехопадения, не компрометируя при этом божественную природу [10, с. 19]. Вне теистической рамки апология свободы воли рассыпается, превращаясь в бессмысленную констатацию хаотичности человеческих импульсов.

Терминологическое оформление проблемы произошло на рубеже XVII–XVIII веков. Готфрид Вильгельм Лейбниц, столкнувшись с непреодолимым логическим диссонансом между постулатом о всеблаготворце и эмпирической очевидностью мирового страдания, ввел в оборот сам термин «теодицея» (богооправдание). Лейбницева мысль двигалась в строгих рамках западной юридической парадигмы: требовалось выстроить интеллектуальную защиту Творца на трибунале человеческого разума. Основа такой классической теодицеи — адвокатское оправдание Бога и методичное отвержение обвинений, направляемых в Его сторону травмированным человечеством. Структура аргументации здесь сугубо защитная: она работает против претензий страдающего субъекта и против возложения на Абсолют ответственности за наличие боли [4]. Подобный рационалистический оптимизм «лучшего из возможных миров» оказался крайне уязвим перед лицом реальных исторических катастроф. Смещение фокуса с юридиче-

ского оправдания на экзистенциальное проживание фиксируется в современной мысли: в трудах, анализирующих проблему зла в богословии и теологии, Валеева Г. В. рассматривает трансформации концепта теодицеи не как абстрактную логическую игру, а как проявление внутренней, напряженной борьбы человека, стремящегося преодолеть деструктивные тенденции бытия [1, с. 3]. Теодицея становится не судебным процессом, а процессом смыслообразования на краю бездны.

Восточно-христианская мысль предлагает радикально иной выход из интеллектуального тупика: переход от теодицеи рациональной к теодицее христологической: проблема коренится не в божественной природе; Бог не является отстраненным наблюдателем, конструирующим лабиринты боли для проверки созданий. Напротив, Божественное Откровение манифестирует императив уменьшения страдания через служение ближнему и деятельную любовь. Иисус Христос не объясняет природу зла академическим языком — Он сходит в самую глубину человеческой богооставленности, разделяя боль с человечеством на Кресте. Кенозис (самоистощание, самоумаление) Сына Божия снимает вопрос о том, почему Бог допускает страдание, показывая, что Бог страдает вместе с творением. Почитание страдающего человека как неисказимого, хотя и замутненного образа Божия, независимо от тяжести его физического или психического распада, формирует краеугольный камень христианской антропологии. Святой Игнатий (Брянчанинов) в своих аскетических опытах призывал оказывать глубокое почтение слепому, прокаженному, человеку с поврежденным рассудком — видя в каждом из них икону Творца, нуждающуюся в реставрации любовью. Такой подход радикально, на онтологическом уровне отличается от прагматического и утилитарного взгляда на человека, свойственного секулярному обществу, где ценность личности зачастую измеряется её социальной эффективностью и способностью к потреблению [5, с. 112].

Трагический опыт Аушвица нанёс сокрушительный удар по всем формам рационального богооправдания, поставив перед теологией беспрецедентный вопрос о природе божественного присутствия в мире, где возможны предельные, индустриализированные и широкомащтабные формы зла. Крики жертв Холокоста трансформируются в невыносимый метафизический вызов: как согласовать существование всемогущего и благого Промыслителя с реальностью газовых камер? Здесь теодицея сталкивается с границей речевого: любое объяснение рискует прозвучать как оправдание палача или как эстетизация катастрофы. Поэтому часть теологических ответов стремится не к объяснению причин, а к уточнению того, что означает «Бог с нами» в условиях радикального зла. Предлагаемый пост-освенцимский ответ переосмысливает традиционную теологическую парадигму через концепцию радикального самоограничения божественной власти. Бог, добровольно отказавшийся от «тотального» вмешательства и «навязывания» Себя ради

сохранения свободы Своего творения, передает всю полноту моральной ответственности человечеству. Он становится уязвимым, сострадающим свидетелем истории [11, с. 21]. Данная интерпретация совершает инверсию классического вопроса теодицеи: теперь не Творец оставляет творение на произвол судьбы, а человечество своими осознанными действиями методично вытесняет божественное присутствие из мира, создавая зоны абсолютного «безбожия», куда Бог по Своей благодати насильно не вторгается.

Философы напряженно искали способ примирить веру в абсолютное, вневременное знание Творца с безусловной человеческой ответственностью за совершаемые грехи. Христианская мысль, опираясь на Максима Исповедника, различала волю природную (стремящуюся к благу) и волю гномическую (избирательную, колеблющуюся), локализуя возможность зла в гномическом выборе. В насыщенном теологическом контексте были впервые с небывалой остротой поставлены вопросы о природе причинности, модальности, структуре времени и самой сущности выбора [9, с. 3]. Секулярная мысль пытается строить проекты преодоления страдания без религиозных принципов, исходя из требования учитывать антирелигиозные реалии и культурный плюрализм «десакрализованного» мира, где метафизика признана недействительной [2, с. 4]. В отсутствие онтологической надежды нерелигиозный человек остается один на один с абсурдом своей конечности и уязвимости [6, с. 983]. Если секулярная культура утрачивает язык греха, покаяния и прощения, то она часто утрачивает и язык радикального обновления человека, заменяя его управляемым поведением.

Попытку преодолеть пессимистическую атомизацию предприняли русские мыслители. Значимая особенность системы В. С. Соловьева, точно зафиксированная В. В. Зеньковским, заключается в признании соборной, собирательной природы человечества как единого субъекта исторического процесса: историческое бытие раскрывается как грандиозное явление коллективной эволюции, синергии Творца и создания. Субъективность отдельного человека получает высшее оправдание лишь благодаря её причастности к целостному бытию рода, что формирует прочную основу взглядов на процессы социального развития, неразрывно связывая частное с универсальным, личное с надындивидуальным, преодолевая тем самым тупиковый индивидуализм [3, с. 490]. В секулярном обществе страдание приватизируется; теология же возвращает его в пространство общины, памяти и взаимной ответственности.

Теологическое измерение этики ответственности радикально обогащает её онтологическим смыслом, мощно выводя нравственный императив за узкие пределы антропоцентрической модели выживания. В данной интерпретации этическая парадигма обретает подлинно космологическое звучание: взаимоотношения человека с окружающей природой и другими людьми становятся интегральной частью метафизического процесса. Боже-

ственное начало выступает здесь не как отстранённый Аристотелевский перводвигатель, но как активный, любящий участник, подверженный страданию из-за искажения творения; а человеческие действия — как факторы, способные «усугублять» или «смягчать» трагедию бытия. Трансцендентное и имманентное неразрывно переплетаются, формируя новую, теоцентричную, христоцентричную аксиологическую систему координат [11, с. 23]: речь не о том, что Бог «нуждается» в человеке онтологически, а о том, что Он свободно пожелал связать Своё домостроительство со свободой тварных лиц. Смещение к ответственности человека меняет и практический смысл теодицеи. Вопрос «почему Бог допускает?» не исчезает, но перестаёт быть единственным. Возникает и другой: как при свободе человека, предполагающей безбожие, возможно спасение? Теологический дискурс даёт гармоничную перспективу: история открыта, но не бесцельна; свобода реальна, но не самодостаточна. Это делает веру не абстрактной установкой, пассивно ориентированной на трансцендентную надежду, а предельно динамическим от-

ношением. Вера укоренена в живом диалоге между Богом и человеком, разворачивающемся во времени [8, с. 37].

Анализ проблемы теодицеи сквозь призму христианской теологии обнажает методологическую узость секулярных подходов, пытающихся элиминировать страдание исключительно технологическими или социальными инструментами. Отказ от метафизического измерения зла неизбежно ведет к девальвации человеческой свободы, превращая личность в объект биополитических манипуляций. Христианская теология, отвергая юридическую логику Лейбница, предлагает теоцентрический ответ, в центре которого находится кенозис — добровольное сораспятие Бога страдающему миру. Опыт исторических катастроф, разрушивший рациональный оптимизм, парадоксальным образом возвращает теологию к её эсхатологическим истокам. Человек призывается не к пассивному ожиданию или бегству в стоический индивидуализм, а к активной этике ответственности, где каждое действие приобретает онтологический вес, приближая или отдаляя реализацию Богочеловечества в истории.

Литература:

1. Валева Г. В. Понятие теодицеи в богословии и русской религиозной философии // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2014. — № 4-1. — С. 3-12.
2. Грицков, Ю. В. Феномен страдания и способы его освоения в культуре — специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» / автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Грицков Юрий Викторович. — Омск, 2006. — 33 с.
3. Зеньковский, Василий Васильевич. История русской философии: монография / Василий Васильевич Зеньковский. — Москва: Академический проект; Раритет, 2001. — 878 с.
4. Пахалюк, Д. М. Проблема теодицеи в богословии и философии / Д. М. Пахалюк // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 11. — С. 17-25.
5. Симфония по творениям святителя Игнатия епископа Кавказского и Черноморского. — Москва: Издательство Московского Сретенского монастыря, 2001. — С. 112-113.
6. Тимофеева, Н. В. Христианская радость и «экзистенциальная тоска» / Н. В. Тимофеева // Начало: журнал института богословия и философии. — 2017. — Т. 34. — С. 83-92.
7. Токарев, Д. А. Сравнительная характеристика атрибутивной и модусной моделей страдания / Д. А. Токарев // Омский научный вестник. — 2012. — № 4(111). — С. 138-140.
8. Moltmann J. *Theologie der Hoffnung. Untersuchungen zur Begründung und zu den Konsequenzen einer christlichen Eschatologie.* — 11. Aufl. — München, 1980. — S. 37.
9. Pasnau, R. Introduction // *Cambridge History of Medieval Philosophy* / R. Pasnau, C. Van Dyke (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — Vol. 1. — P. 1-10.
10. Van Inwagen, P. *The Problem of Evil: the Gifford Lectures delivered in the University of Edinburgh in 2003* / P. Van Inwagen. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 111 p.
11. Wetz F. J. *Wider die Gleichgültigkeit der Welt. Zur Philosophie von Hans Jonas* // *Synthesis philosophica.* — Zagreb, 2003. — Vol. 18, Fasc.1-2.

ПРОЧЕЕ

Совершенствование методов оперативного планирования тушения пожаров на объектах торговли

Ибрагимов Ильшат Римович, студент магистратуры
Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Екатеринбург)

В статье рассматриваются методы улучшения оперативного планирования тушения пожаров на торговых объектах с учетом современных архитектурных решений и высокой плотности посетителей. Особое внимание уделяется изменениям в нормативной базе и внедрению компьютерного моделирования для повышения точности и эффективности действий подразделений пожарной охраны.

Ключевые слова: пожарная безопасность, объекты торговли, план тушения пожара, карточка объекта, компьютерное моделирование.

Обеспечение пожарной безопасности объектов защиты, характеризующихся массовым пребыванием людей (более 50 человек), представляет собой одну из наиболее сложных задач в области обеспечения пожарной безопасности. Особенности архитектурно-планировочных решений современных торговых комплексов, высокая плотность посетителей, сосредоточение значительного количества горючей нагрузки и разветвленность инженерных систем требуют системного подхода к предотвращению пожаров. Основой системы обеспечения пожарной безопасности в Российской Федерации выступает Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [1], определяющий требования к проектированию и эксплуатации зданий и сооружений.

Для объективного понимания текущих рисков необходимо проанализировать статистические данные ФГБУ ВНИИПО МЧС России за последние пять лет. Динамика основных показателей свидетельствует о сохранении высокой степени пожарной опасности в данном секторе.

В 2020 году в зданиях торговых предприятий было зафиксировано 2620 пожаров, в 2021 году 2668 случаев. В последующие два года наблюдалась тенденция к небольшому снижению. В 2022 году произошло 2429 пожаров. Минимум же за рассматриваемый период пришелся на 2023 год (2352 пожара). Однако данные за 2024 год показывают рост количества пожаров (2519 случаев) [2].

Особое внимание заслуживает анализ материального ущерба. Если в 2020 году прямой ущерб составлял 845,7 млн руб., то к 2023 году этот показатель достиг рекордных 3 492,5 млн руб. (рост в 4,1 раза). Столь резкое увеличение ущерба на фоне снижения общего числа пожаров говорит

о росте масштабов последствий при возникновении возгораний на крупных объектах (площадью свыше 5–10 тыс. м²). Основными факторами, способствующими возникновению пожаров, остаются неисправность электрооборудования, нарушение правил проведения огневых работ и неэффективная работа систем противопожарной защиты.

При этом эффективность тушения пожара напрямую зависит от качества предварительного оперативно-тактического изучения объекта. До недавнего времени ключевым документом в этой сфере являлся План тушения пожара (ПТП). Однако нормативная база претерпела существенные изменения: с 1 сентября 2025 года вступил в силу Приказ МЧС России № 19 от 13.01.2025 г. [3], который исключает ПТП и карточки тушения пожаров (КТП) из перечня документов подразделений пожарной охраны.

Несмотря на это, в целях повышения эффективности мероприятий, реализуемых в рамках служебной и боевой подготовки личного состава подразделений пожарной охраны, Главным управлением пожарной охраны разработаны предложения по оперативно-тактическому изучению объектов, находящихся в районе выезда, в формате составления карточек объектов (КО).

В процессе изменения формы документации по предварительному планированию действий при тушении пожара, крайне важно сохранить весь смысл этих предварительных шагов, чтобы они не утратили свою значимость в подготовке личного состава к действиям в чрезвычайных ситуациях. Изменения в нормативной базе, в том числе отмена ПТП и КТП, не должны привести к ослаблению качества подготовки, а наоборот, должны способ-

ствовать более эффективному обучению личного состава подразделений и обеспечению высокого уровня оперативности и координации при действиях на пожаре.

Важно, чтобы новые формы документации не снижали оперативной готовности, а использовали современные методы и технологии, такие как компьютерное моделирование пожаров, которые позволяют более точно и быстро анализировать возможные риски и сценарии развития чрезвычайных ситуаций. Это обеспечит не только высокую подготовленность личного состава, но и повысит качество принятия решений в условиях пожара, что напрямую влияет на эффективность спасательных операций и минимизацию возможных потерь.

В рамках текущего перехода к карточкам объектов, особое внимание должно быть уделено сбору данных о реальной оперативной обстановке при тушении пожаров, в частности на объектах торговли, и сравнению этих данных с результатами, получаемыми с помощью компьютерного моделирования. Анализ таких данных позволит выявить недостатки традиционных методов планирования и выработать рекомендации по их совершенствованию с учетом расчетных данных и сценариев развития пожара.

Литература:

1. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78699/ (дата обращения: 22.02.2026).
2. Пожары и пожарная безопасность в 2024 году: информ.-аналит. сб. Балашиха: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2025. 112 с.
3. Приказ МЧС России от 13.01.2025 № 19 «Об утверждении Положения о пожарно-спасательных гарнизонах и Порядка привлечения сил и средств подразделений пожарной охраны, пожарно-спасательных гарнизонов для тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ».

Внедрение программных комплексов, позволяющих моделировать поведение пожара в специфических архитектурных и функциональных условиях объектов, открывает новые возможности для повышения точности и адаптивности действий подразделений пожарной охраны. Эти технологии позволяют учитывать различные опасные факторы, такие как температурные поля, концентрацию дыма, а также оптимальные пути эвакуации и расположение сил и средств, привлекаемых для тушения пожара.

Таким образом, в современных условиях при планировании действий пожарно-спасательных подразделений и расчете сил и средств, привлекаемых для тушения пожара, необходимо активно применять современные методы компьютерного моделирования. Это позволит не только повысить точность оперативного планирования, но и улучшить качество подготовки личного состава к действию в чрезвычайных ситуациях.

Проведенные исследования и дальнейший сбор данных помогут усовершенствовать процессы планирования и создать более эффективные инструменты для безопасного функционирования объектов торговли и других сложных объектов, что, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня безопасности в целом.

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Сохранение памяти о героях СВО как важная часть общей работы

Шмидт Константин Мехтиевич, заместитель командира
Войсковая часть 54821 (Краснодарский край)

Память о защитниках Отечества всегда занимала особое место в жизни российского общества. Подвиг воинов, их мужество и верность долгу становятся нравственным ориентиром для будущих поколений. Именно благодаря сохранению исторической памяти общество сохраняет связь с прошлым и передает важные ценности молодому поколению.

Сегодня такими примерами мужества являются участники специальной военной операции. Среди них — жители разных регионов страны, в том числе Краснодарского края. Это обычные люди: рабочие, учителя, водители, студенты, которые в трудный момент приняли решение встать на защиту своей Родины. Их подвиг, самоотверженность и готовность служить своему Отечеству заслуживают глубокого уважения и благодарности.

Поэтому работа по сохранению памяти о героях СВО становится важной частью общественной жизни. Она включает в себя не только установку памятников и мемориалов, но и проведение образовательных мероприятий, патриотических акций и встреч с молодежью. Особенно важно, когда память о героях сохраняется на уровне конкретных городов, поселков и станиц — там, где они жили, учились и работали.

Одним из районов Краснодарского края, где активно ведется такая работа, является Северский район. Мемориальная доска героям СВО в станице Северской

В станице Северской была открыта мемориальная доска, на которой высечены имена жителей района, погибших при выполнении боевых задач в ходе специальной военной операции. Открытие мемориала стало важным событием для всего района.

На торжественной церемонии присутствовали представители администрации, родственники погибших военнослужащих, ветераны боевых действий, школьники и жители станицы. В этот день звучали слова благодарности защитникам Родины и слова поддержки семьям героев.

Мемориальная доска стала символом уважения и памяти. Люди приходят сюда, чтобы возложить цветы, почтить память погибших минутой молчания и выразить благодарность тем, кто отдал жизнь за мир и безопасность своей страны.

Подобные памятные места имеют большое значение для жителей района. Они помогают сохранить память о конкретных людях — наших земляках, которые проявили мужество и самоотверженность.

Память о героях в посёлке Афипском

Посёлок Афипский Северского района также активно участвует в работе по увековечению памяти участников специальной военной операции. Здесь открываются мемориальные доски на домах, где жили герои, а также в образовательных учреждениях.

На церемониях открытия собираются родственники погибших военнослужащих, соседи, учителя, школьники и представители общественных организаций. Такие мероприятия проходят в торжественной и одновременно очень трогательной атмосфере.

Люди вспоминают жизненный путь героев, их человеческие качества, трудолюбие, любовь к родной земле. Для многих жителей поселка эти люди были знакомыми, друзьями или соседями.

Мемориальные доски становятся напоминанием о том, что подвиг совершают не абстрактные герои, а обычные люди, которые жили рядом с нами.

Патриотическая работа в школах Северского района

Особое значение имеет работа с молодым поколением. Именно от молодежи зависит то, как будет сохраняться историческая память в будущем.

В школах Северского района регулярно проводятся уроки мужества, тематические классные часы и встречи с участниками боевых действий. На этих встречах школьники узнают о судьбах своих земляков, которые принимали участие в специальной военной операции.

Учителя рассказывают ученикам о жизненном пути героев, об их службе и о том, какие качества помогли им выполнять свой долг. Подобные уроки помогают формировать уважение к истории и воспитывают чувство ответственности за судьбу своей страны.

Во многих школах создаются уголки памяти, где размещаются фотографии героев, биографические материалы и памятные предметы. Ученики участвуют в оформлении таких стендов, собирают информацию о земляках, готовят презентации и исследовательские проекты.

Особое внимание уделяется героям СВО воинских частей, находящихся на территории Северского района, так лицее поселка городского типа Афипский имени Д. И. Вишни присвоено почетное наименование «Класс героя специальной военной операции кавалера Ордена Мужества (посмертно) майора Князева Олега Сергеевича» военнослужащего войсковой части 54821.

Также школьники принимают участие в патриотических акциях, возложении цветов к мемориалам и памятным мероприятиям.

Памятные акции и общественные инициативы

В Северском районе регулярно проходят памятные мероприятия и акции, посвященные участникам специальной военной операции.

В таких мероприятиях принимают участие жители района, представители администрации, ветераны, казаки, школьники и молодежные организации. Люди собираются у памятников и мемориалов, чтобы почтить память погибших военнослужащих.

Особую роль в организации таких мероприятий играют общественные организации и патриотические клубы. Они помогают проводить акции памяти, организуют встречи с военнослужащими и поддерживают семьи погибших героев.

Подобные инициативы способствуют укреплению общественного единства и формируют уважительное отношение к подвигу защитников Родины.

Значение сохранения исторической памяти

Сохранение памяти о героях имеет большое значение для общества. История страны складывается из судеб конкретных людей, их поступков и решений.

Когда мы сохраняем память о героях, мы сохраняем и ценности, которые лежат в основе общества: мужество, ответственность, готовность защищать свою Родину.

Такая работа помогает молодому поколению лучше понимать историю своей страны и осознавать важность гражданского долга.

Особенно важно, когда память о героях сохраняется на уровне местных сообществ — в городах, поселках и станицах. Именно здесь люди могут увидеть реальные примеры мужества и самоотверженности.

Связь поколений

Работа по сохранению памяти о героях СВО продолжает традиции, которые существовали в России на протяжении многих десятилетий.

После Великой Отечественной войны по всей стране создавались памятники, мемориальные комплексы, книги памяти и музеи. Благодаря этой работе имена миллионов защитников Родины были сохранены для будущих поколений.

Сегодня эта традиция продолжается. Новые памятники, мемориальные доски и общественные инициативы помогают сохранить память о современных героях.

Особенно важно, что в этой работе активно участвует молодежь. Это означает, что память о защитниках Родины будет жить и в будущем.

Подвиг защитников Родины никогда не должен быть забыт. Работа по сохранению памяти о героях специальной военной операции — это важная задача всего общества.

Каждый памятник, каждая мемориальная доска, каждый урок мужества — это вклад в сохранение исторической памяти и воспитание уважения к подвигу защитников Отечества.

Герои уходят, но их подвиг остается. И наша задача — сделать всё возможное, чтобы имена защитников Родины жили в памяти людей и передавались из поколения в поколение.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 10 (613) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.03.2026. Дата выхода в свет: 25.03.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.